

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А.А. Кокошин — Карибский кризис 1962 г. и его уроки ... 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

М.А. Филимонова — Роберт Моррис 17

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

С.А. Нефёдов — Как готовили революцию 1905 г. 34

СООБЩЕНИЯ

В.О. Зверев — Отечественная военная пресса о японском шпионаже (1903—1914 гг.) 51

В.А. Воропанов — Деятельность судебных представителей сельских сословий на Урале в конце XVIII в. 64

К.В. Миньяр-Белоручев — Проблема рабства и присоединение Техаса к США в первой половине XIX в. 81

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.В. Майоров — Тайна гибели Михаила Черниговского ... 95

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Л.А. Дашкевич** — Уральские инженеры на съездах русских деятелей по техническому и профессиональному образованию 119
- Я.Г. Солодкин** — Сибирская ссылка Годуновых в начале XVII в. 127
- М.Р. Гасанов** — Семендер — раннесредневековый город Северо-Восточного Кавказа 134
- Л. Гаджиева** — Русскоязычная печать в Баку в годы первой русской революции 139
- Д.В. Шмелёв** — Республиканская партия в политической жизни Франции 146

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- П.М. Атлагич, М.Д. Элезович** — Католический миссионер Юрий Крижанич 155

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.И. Голиков** — Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов 159
- О.М. Морозова** — А.Б. Асташов. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность ... 163
- К.А. Соловьёв** — А.С. Туманова. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917) 167
- В.К. Шацилло** — Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914—1917) 169
- М.Ц. Арзаканян** — В.П. Смирнов. Две войны — одна победа 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Карибский кризис 1962 г. и его уроки

А.А. Кокошин

Карибский кризис 1962 г. и возникший в его рамках ядерный конфликт между СССР и США был самым опасным периодом в новейшей истории мировой политики, когда противостоящие друг другу сверхдержавы и два политико-военных блока оказались на грани войны с применением ядерного оружия. По некоторым оценкам, возможные потери сторон в случае такой войны могли составить 100 млн человеческих жизней.

Данной теме посвящено множество исследований — исторических и политологических — как в нашей стране, так и за рубежом, особенно в США. Тем не менее, Карибский кризис, его уроки достойны того, чтобы еще раз обратиться к этой проблеме в новых исторических условиях. Особенно это представляется актуальным в контексте обострения отношений между Соединенными Штатами и их союзниками с нашей страной, связанного с «украинским вопросом», воссоединением Крыма и Севастополя с Россией. Нельзя не отметить и появление в последние несколько лет ряда новых сведений о ходе Карибского кризиса, допущенных сторонами просчетах и т.д.

В ходе конфликта к высокому уровню боеготовности были приведены вооруженные силы обеих сторон. Такая мера, оправданная с сугубо военной точки зрения и служащая средством оказания политического давления на оппонента, может вести и к повышению вероятности случайного и несанкционированного использованию оружия, в том числе ядерного.

Следует отметить, что в тот период у советской и американской сторон не было сколько-нибудь отработанных общих представлений о стратегической стабильности в ядерной сфере. Эти представления отсутствовали и применительно к силам общего назначения, в которые с обеих сторон в то время в значительных масштабах были интегрированы тактические и оперативно-тактические ядерные средства.

Более того, такого исключительно важного понятия, как стратегическая стабильность, вообще практически не существовало; оно появилось значительно позже. В военно-доктринальных установках обеих сторон преобладала ставка на победу в войне с применением всех видов вооружений, в том числе ядерных. И в Соединенных Штатах и в Советском Союзе в то время велись активные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию противоракетной обороны, причем не для защиты отдельных объектов, а для прикрытия всей территории страны. Многие в то время в обеих странах возлагали большие надежды на возможности ПРО — создание противоракетного «щита» — способного защитить страну от массированного ракетно-ядерного удара. Но собственно в период Карибского кризиса ни СССР ни США к развертыванию таких систем еще не приступили.

Позднее, к концу 1960-х гг. оптимизма в отношении возможностей стратегической обороны у обеих сторон значительно поубавилось. В немалой степени это было связано с развитием технологий разделяющихся головных частей для баллистических ракет стратегического назначения и специальных средств преодоления ПРО. На основе таких оценок министр обороны США Макнамара сделал предложение Председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину начать процесс ограничения стратегических вооружений сторон с системой противоракетной обороны.

На рубеже 1960-х — 1970-х гг., по свидетельству академика Е.П. Велихова, рядом ведущих советских физиков, прежде всего, академиком Л.А. Арцимовичем, были сделаны важные выводы о весьма ограниченных возможностях потенциального оружия направленной энергии (лазерные и пучковые средства). Эти выводы, основанные на знании фундаментальных законов физики и баллистики, во многом актуальны и в наше время. Они были актуальны и в 1980-е гг., когда президентом США Р. Рейганом была объявлена «Стратегическая оборонная инициатива» (программа НИОКР по созданию многоэшелонной противоракетной обороны с космическими боевыми станциями).

Комплексные исследования катастрофических медико-биологических и экологических последствий войны с применением ядерного оружия практически отсутствовали. Они стали достоянием достаточно широкого круга политиков и военных в СССР, США и ряде других стран лишь в 1980-е гг.; в нашей стране в общедоступном варианте они появились, прежде всего, благодаря усилиям академиков Велихова, Г.Г. Голицына, Е.И. Чазова ¹.

Нельзя не отметить, что в современных условиях эти исследования полузабыты; они практически не известны в тех ядерных государствах, которые во все большей мере определяют «ландшафт» стратегической стабильности, — в Китае, Индии, Пакистане, Израиле.

Взаимное понимание необходимости сохранения стратегической стабильности было кодифицировано в советско-американских документах к концу 1980-х гг., хотя осознание ее основных проблем пришло значительно раньше — в начале 1970-х годов. Одним из базовых элементов представлений о стратегической стабильности является признание обеими сторонами ядерного противостояния невозможности победы в войне с применением ядерного оружия.

Кульминацией Карибского кризиса можно считать 13 дней октября 1962 г. — с момента обнаружения американской авиафоторазведкой строящихся стартовых позиций советских ракет, способных нести ядерные боезаряды, на Кубе (14 октября).

Решение Президиума ЦК КПСС о размещении ракет в этой стране было принято после того, как американская сторона предприняла попытку свержения революционного правительства Фиделя Кастро, установившего дружеские отношения с СССР. Бригада кубинских эмигрантов, подготовленных американскими инструкторами и оснащенных американскими спецслужбами, была высажена в заливе Кочинос 17 апреля 1961 года. Эта операция готовилась ЦРУ еще при республиканской администрации Д. Эйзенхауэра и для Кеннеди, ставшего президентом США в 1961 г., стала непроспективным наследством, доставшимся от его предшественника. Провал этой операции больно ударил по репутации и политическим позициям Кеннеди внутри страны, по отношению США со многими латиноамериканскими странами.

В Гаване и Москве знали, что на Кубу была нацелена крупная группировка ВМС, ВВС, сухопутных войск и морской пехоты США, проводились различные масштабные учения американских вооруженных сил, имевшие явную антикубинскую направленность. У советского руководства было вполне достаточно оснований опасаться за судьбу кубинской революции и дружественного режима, взявшего в ответ на «необъявленную войну» США курс на строительство социализма ².

Наличие нового союзника СССР именно в Западном полушарии, бывшем уже почти сто лет сферой влияния исключительно США, было дерзким вызовом Вашингтону. Куба, несмотря на свои небольшие размеры, оказалась одним из важнейших звеньев глобального противостояния двух сверхдержав, имевшего идеологическое, политическое, социально-экономическое и военно-стратегическое измерение. Как писал генерал-лейтенант КГБ Н.С. Леонов, «Советский Союз, говоря словами Никиты Хрущёва, решил подкинуть Америке “ежа”, то есть разместить на острове ракетно-ядерное оружие, способное сдерживать любого агрессора» ³. На самом деле известно более рельефное выражение Никиты Сергеевича по этому поводу, не стеснявшегося в выражениях: «Мы им ежика в штаны запустим».

Но при всей важности кубинской темы в советско-американских отношениях того периода, по оценкам многих отечественных специалистов, центральную роль играл неоднократно обострявшийся Берлинский вопрос. Его острота была радикально снижена лишь в результате Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину (3 сентября 1971 г.), которое, как писал А.А. Громыко, «положило конец более чем двадцатилетнему кризису вокруг Западного Берлина» ⁴.

Следует иметь в виду, что еще с конца 1940-х — начала 1950-х гг. США разместили вокруг СССР целый ряд своих авиационных баз с самолетами, предназначенными для использования ядерного оружия. Позднее к ним были добавлены и базы с ракетным оружием, в том числе на территории Турции. В акватории Мирового океана были размещены подводные стратегические ракетноносцы США с ракетными комплексами «Поларис», оснащенными ядерными головными ча-

стями. Таким образом, у СССР с военно-стратегической точки зрения были все основания предпринять аналогичные меры в отношении США. В беседах с автором данной статьи в середине 1980-х гг. бывший министр обороны США Роберт Макнамара говорил о том, что по американским оценкам на момент Карибского кризиса преимущество США по количеству ядерных боезарядов, которые они могли доставить в одном вылете (и пуске) до территории СССР по сравнению с аналогичными возможностями Советского Союза применительно к территории Соединенных Штатов, составляло примерно 17:1. Однако по расчетам, поступавшим к министру обороны от специалистов (прежде всего гражданских), такое превосходство не давало Вашингтону никаких гарантий того, что упреждающим американским ударом будут поражены все советские ядерные средства, способные достигать территории США. Следует также иметь в виду, что у Советского Союза была значительная группировка ракетно-ядерных и авиационных средств, способных наносить ядерные удары по территории союзников США, по американским войскам (базам), находившимся во многих странах за пределами американской территории.

Необходимо отметить и то, что в тот период Советский Союз отставал от США в развитии технологий для морской составляющей стратегических ядерных сил. Для преодоления этого отставания потребовался длительный период времени, значительные усилия отечественной науки и промышленности. Окончательно это удалось сделать лишь в 1990-е годы.

Главный вопрос в том, как планы и действия по размещению советских ракет на Кубе были реализованы в политическом и дипломатическом плане. Все осуществлялось в глубокой тайне. Был подготовлен проект секретного советско-кубинского Договора о размещении Советских Вооруженных сил на территории Республики Куба. Большую роль в этом сыграл Генеральный штаб (ГШ) Вооруженных сил СССР, особенно его Главное оперативное управление. По ряду сведений, советским руководством планировалось объявить о размещении ракетно-ядерных средств на Кубе задним числом во время визита Н.С. Хрущёва в эту страну в ноябре 1962 года. Хрущёв хотел поставить в известность американскую сторону, заехав по пути в США ⁵.

Вызывает недоумение, почему ни политическое руководство, ни военное командование не предвидели вероятности раскрытия этой тайны в результате реализации довольно очевидных для специалистов возможностей американской авиафоторазведки применительно, прежде всего, к строящимся стартовым позициям ракет. Этот вопрос десятилетиями оставался одной из загадок Карибского кризиса. Американские эксперты позднее выражали удивление, что ракетные позиции строились по уже известной американской разведке конфигурации — идентичной той, которая использовалась на территории СССР (и была идентифицирована на основе данных, полученных средствами американской авиационной и спутниковой фоторазведки). Все другие меры маскировки (и дезинформации) при переброске крупной группировки войск и техники были, как признавали позднее американские эксперты, довольно эффективными ⁶. В целом, они сыграли свою роль в обеспечении скрытности военных перевозок та-

ких больших масштабов (и на огромное расстояние), причем в условиях полного господства на море и в воздухе Вооруженных сил США с соответствующими возможностями для ведения разведки. По некоторым данным, к концу октября 1962 г. половина из доставленных на Кубу ракет комплекса Р-12 была готова к заправке горючим, окислителем и состыковке с ядерной боевой частью. Ракеты Р-14 так и не прибыли на Кубу из-за блокады ⁷.

Сегодня очевидно, что ни высшее советское политическое руководство, ни высшее военное командование при принятии решений и планировании соответствующей операции, получившей кодовое наименование «Анадырь», не задумывалось ни о проблемах, связанных с возможностями авиафоторазведки США, ни об адекватности применявшихся на этих объектах на Кубе средствах маскировки. Генерал-полковник В.И. Есин, участник операции «Анадырь» (тогда в звании лейтенанта), недавно по просьбе автора данной статьи довольно подробно осветил этот вопрос в своей публикации. Есин справедливо отмечает скудную «маскировочную емкость ландшафта» Кубы и то, что это не было учтено при подготовке ракетных подразделений к развертыванию на Кубе. Специализированными средствами маскировки, которые наиболее вписывались бы в местный ландшафт, советские ракетчики оснащены не были ⁸.

О планах размещения на Кубе ракетных подразделений в целях соблюдения особой секретности был осведомлен крайне узкий круг генералов и офицеров Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Эти должностные лица не были специалистами-ракетчиками; у них не было необходимых знаний о способах маскировки специфичной ракетной техники. Они исходили из того, что имевшихся в ракетных подразделениях штатных средств будет вполне достаточно для выполнения маскировочных мероприятий на Кубе. На деле все оказалось совсем не так — маскировочные сети не соответствовали ландшафту острова. Они предназначались для укрытия ракетной техники, главным образом, в хвойных лесах, на Кубе же пришлось размещать пусковые столы, установщики ракет, транспортировочные тележки с ракетами в пальмовых рощах. При этом техника должна была располагаться строго на одной линии, иначе невозможно было выполнить операцию по установке ракеты в вертикальное положение на пусковом столе. Есин обоснованно пишет о том, что «если бы к выработке плана подготовки ракетной дивизии к размещению на Кубе были привлечены специалисты-ракетчики, то мероприятия по выбору и маскировке стартовых позиций были бы выполнены значительно более качественно». Есин совершенно верно отмечает, что принятие адекватных мер маскировки снижало возможности американской аэрофоторазведки, но не гарантировало полной тайны соответствующей деятельности советской стороны ⁹.

В 1962 г. на Кубе формировалась группа советских войск во главе с командующим — генерал-полковником И.А. Плиевым, численностью более 40 тыс. человек. Ядром этой группы была дивизия ракетных войск стратегического назначения, оснащенная 40 ракетами средней и промежуточной дальности Р-12 и Р-14, которые предназначались для использования в ядерном варианте (ракетные комплексы Р-12 и Р-14 (в различных модификациях) находились на вооруже-

нии РВСН (на территории СССР) вплоть до 1989 г., когда они были демонтированы и ликвидированы в соответствии с Договором по РСМД)¹⁰. Дальность полета ракеты комплекса Р-12 составляла 2200 км, комплекса Р-14 — 4500 км. У Р-14 ракета могла нести боевой блок в 1 мегатонну или тяжелый — в 2,3 мегатонны¹¹. Предполагалось, что на «Острове свободы» также разместятся устаревшие бомбардировщики Ил-28, способные нести ядерное оружие, ракетные комплексы «Луна» тактического назначения с ядерными боезарядами, ракетные комплексы «Сопка» береговой обороны с ядерными головными частями. К тому же на Кубе находились четыре отдельных мотострелковых полка. Эти части должны были обеспечивать прикрытие ракетных полков ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и других технических частей. Их задачей было также оказание помощи Революционным вооруженным силам Кубы в уничтожении морских и воздушных десантов противника и контрреволюционных групп в случае их высадки на острове. Отдельные дивизионы ракет «Луна» предполагалось использовать совместно с мотострелковыми полками; соответственно, эти дивизионы были оперативно подчинены командирам мотострелковых полков. Ставилась задача участвовать в уничтожении морских и воздушных десантов противника, а также нанести удар по американской военной базе на Кубе — Гуантанамо. В группу советских войск на острове входили также части ВМФ СССР, которые тоже имели свои задачи. Важным компонентом этой группы войск должны были стать две дивизии войск ПВО. Боевое обеспечение истребительной авиации и зенитно-ракетных войск (ЗРВ) радиолокационными средствами возлагалось на радиотехнические войска группы (РТВ)¹².

Важно отметить, что зенитно-ракетные средства, которые могли бы воспрепятствовать полету американских разведывательных самолетов над Кубой в момент создания стартовых позиций баллистических ракет — носителей ядерного оружия — не развертывались на Кубе по каким-то причинам в упреждающем порядке¹³.

Генерал армии А.И. Грибков, занимавший в то время пост заместителя начальника Главного оперативного управления, пишет о том, что задание разработать в срочном порядке план операции по размещению на Кубе такой группы войск, было получено Генштабом от высшего руководства СССР в начале мая 1962 года¹⁴.

Все данные, имеющиеся в настоящее время, говорят о том, что по замыслу советского руководства это были средства сдерживания в отношении представлявшегося тогда вполне возможным крупномасштабного американского вторжения на Кубу в целях свержения власти Фиделя Кастро. С этой точки зрения, поставляемые на Кубу ядерные боеприпасы и средства их доставки считались советским руководством «оборонительным оружием». В том, что СССР размещает на Кубе только такое оружие (не раскрывая того, что под этим подразумевается), советское руководство по разным каналам продолжало убеждать американскую сторону до самого последнего момента, когда Вашингтон смог на основе данных детальной авиафоторазведки показать, что на Кубе находятся ударные ракетно-ядерные и авиационные средства. Судя по совокупности всех имеющихся на сегодня данных, деятельность контрразведывательных служб режи-

ма на Кубе в то время значительно снижала возможности агентурной разведки США.

О наличии на Кубе только оборонительного советского оружия говорил 18 октября во время своего пребывания в Вашингтоне министр иностранных дел Громыко¹⁵. Напомним, что уже с 14 октября американское руководство имело фотографии спешно возводимых позиций для советских ракет средней и промежуточной дальности.

Переброска группировки советских войск на Кубу выдавалась за стратегические учения с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза. Были предприняты самые масштабные меры обеспечения секретности, включая переодевание в штатскую одежду и выдачу гражданских документов всем военнослужащим, отправлявшимся на Кубу. Даже командующий группой советских войск на Кубе генерал Плиев вынужден был отказаться от военной формы, оставить свое удостоверение в Генштабе, получив паспорт на имя Ивана Александровича Пивнова. Как писал Грибков, «стоило немалого труда убедить его отныне работать и жить под псевдонимом»¹⁶.

Для большей части советских военнослужащих перевозка в тесных трюмах кораблей была серьезным испытанием для их здоровья и психики.

Генерал Грибков, опубликовавший в свое время весьма важную работу о подготовке и проведении операции «Анадырь», писал о том, что применение ракет средней и промежуточной дальности по объектам в США могло осуществляться командованием группы советских войск на Кубе и командиром дивизии РВСН только с санкции Верховного главнокомандующего, то есть Хрущёва. Что касается применения ракет тактического предназначения «Луна» (напомним — с ядерными боеприпасами), то их поначалу было разрешено использовать Плиеву в случае острой необходимости (при отсутствии связи с Москвой) без санкции Кремля¹⁷. Такая ситуация могла возникнуть в случае начала широкомасштабной американской операции по вторжению на Кубу, которое не удавалось бы остановить с применением обычных, неядерных средств. По некоторым сведениям, чуть позднее были отправлены указания министра обороны СССР Р.Я. Малиновского генералу Плиеву о том, что ракеты «Луна» могут быть применены только с санкции высшего советского руководства¹⁸. Но надо иметь в виду, что в то время размещавшиеся на Кубе ракетные комплексы не были оснащены электронными «замками», разблокирование которых осуществлялось непосредственно из Москвы по решению Верховного главнокомандующего с использованием специального подразделения Генштаба Вооруженных сил СССР. Профессор Г.Т. Аллисон отмечал, что такие «замки» отсутствовали, например, и у американских ядерных средств авиационного базирования, дислоцированных в Турции и нацеленных на целый ряд объектов на территории Советского Союза¹⁹.

«Замков» не было и на четырех советских дизельных подводных лодках, которые в рамках операции «Кама» были в спешном порядке направлены в район Кубы (с Северного флота ВМФ СССР) с торпедами с ядерными боезарядами на борту. Поход этих лодок осуществлялся в невероятно трудных условиях (температура в отсеках

доходила до плюс 50°С). Командиры и экипажи подвергались запредельным нагрузкам, испытывали мощный стресс. Следует отдать должное их выдержке, мужеству, высочайшему профессионализму, что позволило предотвратить опаснейшие инциденты, способные послужить «спусковым крючком» начала третьей мировой войны с катастрофическими последствиями для всех. Нельзя не вспомнить с благодарностью имена капитанов этих лодок — Рюрика Кетова (Б-4), Алексея Дубавко (Б-36), Валентина Савицкого (Б-59), Николая Кушнова (Б-130)²⁰. Однако направление этих лодок на Кубу было крупной ошибкой советского руководства и высшего военного командования. Эти люди оказались в зоне абсолютного господства ВМС США. До сих пор не ясно, почему этому неразумному решению не смогло воспрепятствовать командование ВМФ Вооруженных сил СССР.

В ходе Карибского кризиса несколько раз возникали ситуации, способные еще больше обострить обстановку. Так, 27 октября 1962 г. произошло непреднамеренное вторжение американского разведывательного самолета У-2 в воздушное пространство Чукотки. Того, что оно было непреднамеренным, в Москве в тот момент не знали; этот полет вполне мог бы быть расценен как еще один враждебный акт США в сложнейшей обстановке. Руководство стратегического авиационного командования (САК) США вопреки установленному порядку, без уведомления министра обороны, приказало привести соединения и части САК в состояние полной боевой готовности (Дефкон-2) открытым текстом. По ряду оценок, это подтолкнуло Хрущёва к ускорению принятия решения по выходу из кризиса, но реакция могла быть и совсем иной²¹.

27 октября над Кубой был сбит другой американский самолет-разведчик У-2 без приказа из Москвы. Но в Вашингтоне ошибочно посчитали, что это было санкционировано советским руководством. Ряд советников президента США стали настоятельно рекомендовать нанести удары по позициям ПВО на Кубе, что неизбежно привело бы к потерям. СССР мог бы предпринять ответные военные акции в Европе²².

23 октября 1962 г. в Москве был арестован агент ЦРУ и английской разведки полковник ГРУ ГШ Пеньковский. Перед арестом он успел передать сигнал не только о своем предстоящем аресте, но и кодированное уведомление о том, что Советский Союз готовит нападение на США. Произошло это практически в тот момент (в Вашингтоне было еще 22 октября), когда Кеннеди объявлял миру о начале кризиса в связи с размещением советских ракет на Кубе. Этот сигнал именно в такой момент мог вызвать самые роковые последствия. Однако сотрудники ЦРУ, «кураторы» Пеньковского в Вашингтоне, зная психологические особенности этого агента, его чрезвычайно высокое самомнение, решили не докладывать высшему руководству о втором сигнале этого шпиона — о подготовке Советским Союзом ядерного удара по США²³. Тем самым они взяли на себя огромную ответственность. Среди этих сотрудников ЦРУ был Реймонд Гартхофф. После завершения своей карьеры в ЦРУ и Госдепартаменте он стал видным американским историком и политологом, работал в Институте Брукинга.

Большую роль в разрешении кризиса играли каналы связи между высшим руководством СССР и США. Следует отметить, что, с технической точки зрения, эти каналы были весьма несовершенными. Главным из них было Посольство СССР в США во главе с А.Ф. Добрыниным, дипломатом высочайшего уровня (которого я считаю одним из моих учителей), пользовавшимся доверием в Москве и авторитетом в Вашингтоне. Наличие такого дипломата именно в момент кризиса и именно в Вашингтоне было большой удачей для обеих сторон.

В силу исключительной важности проблемы ведение переговоров с Добрыниным Кеннеди поручил особо доверенному человеку, своему брату Роберту, официально не имевшему отношения к дипломатии — он был министром юстиции (генпрокурором) США. Но, как показал Карибский кризис, проявил себя умелым переговорщиком.

Наряду с официальными каналами советско-американского взаимодействия определенную роль сыграли еще два неофициальных — через резидента Первого главного управления КГБ (политическая разведка) А.С. Феклисова²⁴ и сотрудника резидентуры стратегической разведки военного ведомства — Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР (ГРУ ГШ) — Г.Н. Большакова. Резидент ПГУ в Вашингтоне Феклисов работал под «крышей» советского посольства через внешнеполитического обозревателя «Эй-Би-Си» Джона Скали, который имел тесные контакты с кланом Кеннеди, в том числе с самим Джоном Кеннеди.

Было крайне важно, чтобы при прохождении информации по таким каналам, она не подвергалась искажениям, изъятиям, передавалась максимально быстро, не содержала домыслов и т.п.

Канал связи Большаков — Роберт Кеннеди возник еще до появления в Вашингтоне Добрынина в качестве посла. Свои донесения в Москву Большаков отправлял по каналам резидентуры ГРУ, но иногда он докладывал все Добрынину.

Установление канала связи Большаков — Роберт Кеннеди было санкционировано, как писал академик А.А. Фурсенко, Президиумом ЦК КПСС «как неофициальный канал обмена информацией»²⁵. Большакову в связи с этим были направлены подробные инструкции весной 1961 года. С мая 1961 по декабрь 1962 г. Большаков и Р. Кеннеди либо встречались, либо звонили друг другу 31 раз.

Госдепартамент США ревниво относился к этим контактам. Отрицательно было настроено и руководство ГРУ — деятельность Большакова нарушала всю военную субординацию. По понятным причинам не вполне доверял этому каналу информации министр иностранных дел СССР Громыко, не говоря уже о самом Добрынине (в своих воспоминаниях он пишет о Большакове лишь как о «почтовом ящике»²⁶).

Как выявил в своем исследовании Фурсенко, в период апогея Карибского кризиса Громыко и Добрынину удалось оттеснить Большакова от конфиденциального канала связи с американским руководством. Было принято решение Президиума ЦК КПСС с направлением инструкции Добрынину, в соответствии с которым он должен был общаться с Робертом Кеннеди, «минуя всяких посредников». Но на заключительном этапе кульминационного периода Карибского кризиса,

в так называемую «черную субботу» 27 октября 1962 г. Роберт Кеннеди продублировал передачу сообщения для советского руководства на встрече в приватной обстановке с Большаковым после встречи с Добрыниным ²⁷.

К контакту с Большаковым Р. Кеннеди прибегал и позднее, когда основное решение по преодолению кризиса уже было достигнуто. Это произошло 9 ноября 1962 г.; Кеннеди поставил вопрос о выводе с Кубы и бомбардировщиков Ил-28, утверждая, что конфликт по этому вопросу грозит ликвидацией достигнутых договоренностей ²⁸.

Обладая на сегодняшний день разнообразными данными и оценками с обеих сторон, можно заключить, что в целом основной канал сработал оптимальным образом, без значительных искажений передаваемой информации, хотя такие искажения временами и имели место. Решающая роль при этом, разумеется, принадлежала взаимодействию Добрынина и Роберта Кеннеди.

Один из важных уроков Карибского кризиса состоит в том, что в любой кризисной ситуации крайне важно поддержание разнообразных контактов между сторонами, включая негласные. Но все эти контакты необходимо держать под контролем лиц, принимающих решения, с тем, чтобы предотвращать вольную или невольную дезинформацию другой стороны.

Говоря о деятельности ЭКССКОМ, нельзя не отметить роль министра обороны США Макнамары, которого можно считать видным представителем американской технократии в верхнем эшелоне власти. Он предложил вариант действий, который помог выиграть время для переговоров с Москвой и нахождения взаимопонимания с советской стороной. Это было предложение о введении военно-морской блокады вокруг Кубы, которую американское руководство решило именовать «карантином», чтобы хоть как-то сбить остроту восприятия этой акции международным сообществом. К тому же, как отмечают Г. Аллисон и Ф. Зеликов, эксперты госдепартамента и министерства юстиции США определили, что блокаду Кубы, в соответствии с «Договором о защите Западного полушария», Вашингтон мог объявлять только после принятия соответствующей резолюции Организации американских государств, проходившей при получении за нее $\frac{2}{3}$ голосов ²⁹. В тех условиях это явно было непростой задачей.

С американской точки зрения, блокада в то же время создавала опасность того, что за этот период советские ракетчики на Кубе приведут ракеты в боевую готовность. Но она же давала возможность Вашингтону «поиграть мускулами» ³⁰ (прежде всего ВМС США при американском абсолютном превосходстве в этом районе мира). Время блокады было использовано и для наращивания группировки американских Вооруженных сил в целом против Кубы.

Аллисон и Зеликов пишут, в том числе со ссылкой на советские источники, о том, что «карантин» осуществлялся выборочно, и несколько советских гражданских судов пересекли линию блокады без каких-либо последствий ³¹.

Принятое предложенное Макнамарой решение о «карантине» позволило на определенное время снять вопрос о нанесении воздушных ударов по стартовым позициям советских ракет на Кубе, на чем настаивали американские высшие военные чины, прежде всего, на-

чальник штаба ВВС США генерал Кертис Лимэй. В целом, таким решением было выиграно несколько дней для ведения интенсивных переговоров между Вашингтоном и Москвой. Получение дополнительного времени — это крайне важный аспект для разрешения острого международного кризиса, когда, как правило, счет может идти на часы или даже минуты.

Макнамара к тому же контролировал действия военных (и особенно ВМС) по осуществлению блокады Кубы, сыграв важную роль, по ряду свидетельств, в предотвращении весьма опасных коллизий между советскими сухогрузами, входившими в зону блокады («карантина») и кораблями ВМС США, осуществлявшими эту блокаду. Макнамара следил за действиями даже отдельных кораблей американского флота, чтобы они не были чрезмерно жесткими, не вызвали дальнейшей эскалации конфликта. Это был, безусловно, крайне важный элемент взаимодействия двух противостоящих сторон в тех условиях. Такая контролирующая функция была, однако, не по душе командованию ВМС США, которое имело богатые традиции осуществления морской блокады, отработанные стандартные процедуры — но не для такого острого ядерного конфликта.

Профессор Аллисон справедливо обращает внимание на актуальность уроков Карибского (Кубинского ракетного) кризиса для современных ядерных конфликтов, в которые вовлечены США, применительно к ядерной проблеме КНДР и Ирана. Он рекомендует избегать крайних вариантов в решении этих проблем — не бездействовать, но и не торопиться наносить удары военными средствами ³².

Карибский кризис подействовал, как говорится, отрезвляюще и на советское и на американское руководство. Он нашел свою развязку во взаимоприемлемом в целом политическом решении, имевшем как публичную, так и непубличную часть. Президент США дал гарантии того, что Соединенные Штаты не будут вторгаться на Кубу, а руководство СССР согласилось убрать советские ракеты с острова (уже после того, как было принято принципиальное решение по этому вопросу, пришлось переговорным путем решать и проблему бомбардировщиков «Ил-28»). Непубличная часть — обещание Кеннеди вывести американские ракеты «Юпитер» с ядерными головными частями с территории Турции, которое в скором времени было полностью реализовано американской стороной. При этом президенту США пришлось де-факто пойти на то, чтобы согласиться с присутствием советского военного персонала на Кубе.

Одним из уроков и последствий Карибского кризиса стало создание линии «горячей связи» между Вашингтоном и Москвой, которая позволяла в случае необходимости напрямую общаться высшим государственным руководителям (и, соответственно, верховным главнокомандующим) Советского Союза и США. Эта линия, во-первых, позволяла значительно уменьшить возможные искажения во взаимной информации, во-вторых, вести прямые переговоры на высшем уровне, в-третьих, обеспечивала значительный выигрыш во времени. Такая линия между руководством России и США существует и по сей день и поддерживается постоянно в рабочем состоянии соответствующими службами обеих стран. В то же время, как представляется, не следует преувеличивать значение линии «горячей связи» в кри-

зисах, подобных Карибскому. Она не может быть коммуникационной панацеей. Должны существовать и другие каналы взаимодействия, в том числе, возможно, и через третьи страны.

Но нельзя забывать и о том, что Карибский кризис не только предостерег против повторения подобных ситуаций в будущем, но и способствовал тому, что обе стороны приложили большие усилия для наращивания и качественного совершенствования своих стратегических ядерных вооружений межконтинентальной дальности. Наличие таких средств в «достаточном» для убедительного ядерного сдерживания количестве было особенно важно для СССР, который с выводом своих ракет с Кубы лишился надежды иметь ракетно-ядерные средства передового базирования, способные поражать цели на территории США.

Во многом под влиянием «синдрома Карибского кризиса» Советский Союз совершил рывок в развитии стратегических ядерных сил межконтинентальной дальности. Генерал Грибков в своем труде говорит о том, что в принципе 40 ракет средней дальности с ядерными боевыми блоками, размещенные на Кубе, не влияли радикально на общий стратегический ядерный баланс СССР — США. С этим можно поспорить, ибо эти ракеты обладали сравнительно коротким подлетным временем и были в принципе способны в условиях войны нанести «обезглавливающий» удар по значительной части американской системы государственного и военного управления, хотя им было весьма далеко до той точности и способности к поражению высокозащищенных (и заглубленных) целей, которой обладали американские баллистические ракеты средней дальности «Першинг-II», которые планировалось разместить в 1980-е гг. в Западной Европе в ответ на развертывание советских ракет промежуточной дальности «Пионер» («СС-20» в натовской классификации).

В 1972 г. после подписания первого соглашения по ограничению стратегических ядерных вооружений между СССР и США (Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений) того неравенства, которое было у сторон (в пользу США) к моменту апогея Карибского кризиса, уже не было, а было достигнуто состояние, получившее наименование «паритет». Напомним, что в 1972 г. был подписан и бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем ПРО, инициатором заключения которого был Макнамара. Поначалу советская сторона (в лице премьера Косыгина) с негодованием отвергла идею заключения соглашения об ограничении оборонительных, а не наступательных вооружений. Но через некоторое время, оценив более реалистично соотношение стратегических наступательных вооружений и систем ПРО, советское руководство радикально изменило свою позицию. В более поздний период советской стороне (и американским сторонникам сохранения этого Договора) пришлось приложить немало усилий для того, чтобы Договор по ПРО 1972 г. как один из «краеугольных камней» обеспечения стратегической стабильности был сохранен перед лицом действий администрации Р. Рейгана с ее планами развертывания СОИ.

К величайшему сожалению, администрация Дж. Буша-младшего в 2002 г. в одностороннем порядке вышла из Договора по ПРО, что

существенно усложнило (особенно с политико-психологической точки зрения) обеспечение надежных, однозначных условий стратегической стабильности. Пагубность такого решения республиканской администрации США ощущается и в настоящее время. Фактор ПРО в силу определенных действий США снова является дестабилизирующим, с точки зрения обеспечения стратегической стабильности. Следует иметь в виду, что, как отмечают некоторые американские политологи, для значительной части американского «политического класса» вопрос о создании системы ПРО является не предметом рациональных политико-военных, военно-технических и военно-экономических соображений, а предметом «религиозной веры».

Выход из Карибского кризиса потребовал колоссального напряжения сил от руководства обеих стран. В США президентом Кеннеди даже был создан специальный орган ЭКСКОМ («Исполнительный комитет»), который сыграл немаловажную роль в разрешении кризиса. В Советском Союзе весьма интенсивно эти вопросы обсуждались на заседаниях Президиума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) (впоследствии этот орган снова получил название Политбюро ЦК) во главе с Первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР Хрущёвым.

Многие отечественные и зарубежные дипломаты, ученые, политики сходятся во мнении, что в сравнительно успешном разрешении Карибского кризиса 1962 г. огромную роль сыграли личностные характеристики лидеров СССР и США — Хрущёва и Кеннеди. Выдающийся отечественный дипломат Добрынин писал: «В решающий момент Кризиса Кеннеди и Хрущёв оказались на высоте, проявив политическое мужество и выдержку. Что, если бы на месте Кеннеди оказался Рейган, вместо Макнамары — Уйнбергер, а госсекретарем был бы не Раск, а генерал Хейг?»³³.

Другой, пожалуй, не мене крупный деятель советской внешней политики и дипломатии Г.М. Корниенко дал следующую оценку Хрущёву и Кеннеди: «Огромное значение для мирного разрешения Карибского кризиса имели личные качества американского и советского лидеров: при всей их непохожести оба они в итоге оказались способными, руководствуясь здравым смыслом и проявив политическую волю, выйти на такие решения, которые отвечали как главным целям каждой из сторон (для СССР — ограждение Кубы от угрозы вторжения, а для США — устранение ракет с Кубы), так и общей для всего мира цели — не допустить перерастания кризиса в большую войну»³⁴. Корниенко делает при этом исключительно важное заключение: «Такой исход кризиса нельзя считать гарантированным во всех случаях»³⁵.

Важнейший урок Карибского кризиса, который применим ко всем временам и ситуациям, состоит в том, что во взаимоотношениях различных государств необходимо не доводить дело до подобных ситуаций. Очевидно, что при возникновении тех или иных конфликтных и кризисных моментов, необходим предельно трезвый, тщательно взвешенный подход всех вовлеченных сторон, учет особенностей механизмов принимаемых решений и многих других факторов.

Примечания

- Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».
1. Климатические и биологические последствия ядерной войны. М. 1987.
  2. БОРОДАЕВ В. Позиция кубинского руководства во время Карибского кризиса. — Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013, № 1, с. 13—43.
  3. ЛЕОНОВ Н.С. Лихолетье. М. 2003, с. 54.
  4. ГРОМЫКО А.А. Памятное. Кн. I. М. 1988, с. 469.
  5. МИКОЯН А.И. Анатомия Карибского кризиса. М. 2006, с. 163.
  6. АЛЛИСОН Г.Т., ЗЕЛИКОВ Ф. Квинтэссенция решения: на примере Карибского кризиса 1962 года. М. 2012, с. 265—274.
  7. Сайт «Форум Российской армии» — russianarmy.mybb.ru.
  8. ЕСИН В.И. Карибский кризис 1962 года: открытые вопросы и наиболее поучительные уроки. — Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013, № 1, с. 4—12.
  9. Там же.
  10. ПЕРВОВ М. Ракетные комплексы РВСН. <http://lib.rus.ec/b/225087/read#t22>.
  11. «Ракетная техника». Информационно-новостная система. <http://www.rbase.new-actogia.ru>.
  12. ГРИБКОВ А.И. Карибский кризис. — Военно-исторический журнал. 1992, № 10, с. 43—44.
  13. МИКОЯН С.А. Ук. соч., с. 161.
  14. ГРИБКОВ А.И. Ук. соч., с. 44.
  15. ДОБРЫНИН А.Ф. Строго доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986). М. 1997, с. 63.
  16. ГРИБКОВ А.И. Ук. соч., с. 35.
  17. ЕГО ЖЕ. Разработка замысла и осуществление операции «Анадырь». Сайт Ростовского военного института ракетных войск: <http://rau-rostov.narod.ru/01/anadyr/anadyr01-01.htm>.
  18. МИКОЯН С.А. Ук. соч., с. 209.
  19. ALLISON G.T. The Cuban Missile Crisis at 50: Lessons for U.S. Foreign Policy of Today. — Foreign Affairs, July/August 2012.
  20. МИКОЯН С.А. Ук. соч., с. 206.
  21. КОРНИЕНКО Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М. 2001, с. 146.
  22. Там же, с. 145—146.
  23. Там же, с. 139—141.
  24. КРИКУНОВ В.П. Неизвестное о развязке Карибского кризиса. — Военно-исторический журнал. 1990, №10, с. 37—38.
  25. ФУРСЕНКО А.А. Георгий Большаков — связной Хрущёва с президентом Кеннеди. — Знамя. 1997, с. 161—183.
  26. ДОБРЫНИН А.Ф. Ук. соч., с. 38.
  27. ФУРСЕНКО А.А. Ук. соч., с. 178—179.
  28. Там же, с. 179.
  29. АЛЛИСОН Г.Т., ЗЕЛИКОВ Ф. Ук. соч., с. 165.
  30. Там же, с. 166.
  31. Там же, с. 437.
  32. ALLISON G.T. Op. cit.
  33. ДОБРЫНИН А.Ф. Ук. соч., с. 77.
  34. КОРНИЕНКО Г.М. Ук. соч., с. 144.
  35. Там же.

Роберт Моррис

М.А. Филимонова

Роберт Моррис (1734—1806), наряду с Александром Гамильтоном и Альбертом Галлатином, считается создателем современной финансовой системы США. И все же, он никогда не пользовался особенным вниманием биографов. Достаточно сказать, что первая биография, посвященная Р. Моррису (именно биография, а не анализ его экономической деятельности), вышла лишь в 2010 году ¹. Крупнейшими работами, посвященными его экономической программе, остаются монографии Э.Дж. Фергюсона и К.Л. Вер Стига ². Если Фергюсон считает программу своего героя консервативной или даже контрреволюционной, то Вер Стиг предполагает, что такая оценка верна лишь с серьезными оговорками. Близкая к Фергюсону точка зрения существовала и в советской историографии ³.

Полярные оценки деятельности Морриса существовали и у его современников. Противники обвиняли его в стремлении к неограниченной власти и обогащению. Некий «Луций» рисовал себе его жизнь так: «Вы купаетесь в богатстве, погрязли в сладострастии, вы перенасытились почестями, прибылями, покровительством» ⁴. Сторонники уважительно именовали его Финансистом с большой буквы и возлагали на него все надежды на финансовую стабилизацию в США.

Роберт Моррис не был по рождению американцем. Его отец — ливерпульский торговец. Когда мальчику исполнилось 13, семья эмигрировала в Мэриленд, где его отец занялся торговлей табаком. Маленького Роберта отослали учиться в Филадельфию, в торговый дом Чарльза Уиллинга. Через год мальчик остался сиротой ⁵.

В 1754 г. Чарльз Уиллинг умер, и его сын Томас сделал Роберта своим партнером. В деловом мире колоний появилась фирма «Уиллинг и Моррис», которой было уготовлено большое будущее. Партнеры занимались трансатлантическими перевозками и торговлей недвижимостью. Во время Семилетней войны они принялись и за

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, профессор Курской академии государственной и муниципальной службы.

работоторговлю. Нет сомнений, что это занятие отнюдь не казалось Моррису предосудительным, поскольку он родился в Ливерпуле — центре английской работоторговли ⁶. В отличие от многих своих современников из северных штатов США, он не был замечен в аболиционистской деятельности, хотя собственных рабов (их было двое) все же освободил. Вынашивал Моррис и другие проекты. Так, в 1763 г. он попытался создать в Филадельфии банк, но на него было наложено королевское вето ⁷.

В 1769 г. 35-летний купец женился на девушке из видной мэрилендской семьи Мэри Уайт. Невеста была младше его на 15 лет. Брак увенчался рождением пятерых сыновей и двух дочерей.

Спокойную и, видимо, далекую от политики жизнь колониального торговца прервал конфликт с метрополией: в 1765 г. разразился кризис, связанный с Гербовым сбором. Американские газеты выходили в траурной рамке; печатали в верхнем углу, где должен был размещаться гербовый штамп, изображение черепа и костей; оплакивали собственную смерть, подобно «*Pennsylvania Journal*». На первой странице этой газеты красовался гроб, а под ним следующая эпитафия: «Здесь покоятся останки “*Pennsylvania Journal*”, которая рассталась с жизнью 31 октября 1765 г. по причине гербового штампа, в возрасте 23 лет» ⁸. Подобно многим и многим из своих новых соотечественников, Моррис верил, что Гербовый сбор нарушает права американцев как подданных британской короны. Он сочувственно воспринимал популярный в то время лозунг: «Никакого налогообложения без представительства». И в то же время протестующие толпы, заполнившие улицы Филадельфии, не находили у Морриса сочувствия. Он участвовал в работе городского комитета торговцев, выступавших против Гербового сбора, но при этом жаждал компромисса и однажды даже спас сборщика налогов от разъяренной толпы, намеревавшейся сжечь его дом ⁹.

Отмена Гербового сбора должна была показаться Моррису разумным решением. Снова потекли почти безоблачные годы, посвященные бизнесу и семье. По сравнению с Бостоном или Нью-Йорком, Филадельфия в те годы была спокойным городом. Новые потрясения пришли сюда лишь в 1773 г., после принятия Чайного акта. В Дэлаверский залив вошел корабль «Полли», груженный чаем. Филадельфийские патриоты отреагировали угрозой вывалить в смоле и перьях того лоцмана, который приведет «Полли» в их город ¹⁰. К счастью для себя, капитан корабля согласился покинуть залив, не выгружая чай, и ситуация была разрешена без повторения знаменитого «бостонского чаепития».

К этому времени Моррис заработал себе репутацию одного из самых солидных деловых людей Филадельфии. Говаривали, что прижимистые квакеры готовы были предоставить ему любой кредит под честное слово. Он также считался истинным патриотом Америки, хотя его участие в антианглийских акциях отнюдь не было активным. В 1775 г. Моррис был избран в Пенсильванский совет безопасности, а затем и на Второй континентальный конгресс. Здесь он участвовал в обсуждении Декларации независимости. Радикалы из Массачусетса и Виргинии настаивали на принятии революционного документа. Умеренные пенсильванцы, в их числе и Моррис, при-

держивались иного мнения. Он был убежден: «Америка в целом никогда не имела ни мысли, ни желания создать независимую империю», хотя и осознавал, что такое решение может оказаться неизбежным ¹¹. В Конгрессе вся пенсильванская делегация проголосовала против независимости, угрожая даже сецессией Пенсильвании из пока еще не созданного Союза. И все же Декларация, как известно, была принята, и Моррис поставил под ней свою подпись. Сам он объяснял свое решение так: «Я не из тех брызгливых политиков, которые возмущаются, когда их собственные планы не приняты... и для Америки было бы счастьем, если бы все ее

обитатели сделали своим неизменным правилом... для меньшинства по каждому вопросу подчиняться большинству» ¹².

В 1778 г. его подпись появилась еще на одном знаменательном документе — «Статьях Конфедерации» — первой конституции США ¹³.

Не забывал Моррис и о собственных делах. К числу идеалистов, готовых забыть о личном ради общественного, он не принадлежал. Его поклонники считали, что Моррис «финансировал революцию». Враги отмечали, что он при этом и себе составил немалое состояние ¹⁴. В какой-то мере правы и те, и другие. Война за независимость стала для Морриса и Уиллинга возможностью для получения поистине сказочных прибылей. Корабли компании шли в Индию и Левант, Вест-Индию и Италию. Позже, в 1784 г., Моррис совместно с другими инвесторами направил в Китай первый американский корабль, появившийся в этой восточной стране. К 1780 г. Моррис был одним из богатейших людей Америки, «князем купцов». Он вел роскошную жизнь, несмотря на военные трудности; салон его супруги считался одним из самых блестящих в Филадельфии. Фирма «Уиллинг и Моррис» была, вероятно, одной из крупнейших в революционной Америке.

Менее прибыльным занятием на поверку оказалось каперство, в которое Моррис вложил немалые суммы. Его каперский флот составлял более 150 кораблей, но практически все они были потоплены во время войны. Лучшее свое судно — «Черный принц» — он продал Конгрессу, и это был первый корабль военно-морского флота США. Также Моррис выдал Континентальной армии заем в 10 тыс. долл., что позволило Дж. Вашингтону выплатить жалованье своим офицерам и солдатам.

Звездный час Роберта Морриса пробил в 1781 году. То было печальное время для американской экономики. Национальный кредит США был исчерпан, континентальная валюта совершенно обесцени-

лась, штаты не вносили требуемые суммы в казну Конгресса, а собственных источников дохода у центральной власти не было. Только непосредственные военные расходы США составили от 100 до 140 млн долларов¹⁵. К естественным затруднениям, вызванным войной, добавлялся невероятный хаос в финансах от бесконтрольных эмиссий. Изначально не имея достаточного количества звонкой монеты, Конгресс принял решение оплачивать свои расходы путем выпуска бумажных денег — континентальных долларов. Эти деньги были фактически ничем не обеспечены. Во многом они походили на примитивные банкноты колониального периода, выпускавшиеся в экстраординарных ситуациях и не рассчитанные на роль постоянного платежного средства. Как и в колониальный период, эти бумажные деньги должны были изыматься из обращения при помощи налогов. Но в данной ситуации привычный способ выглядел сомнительным, так как наталкивался на отвращение американцев к налогам. Кроме того, Конгресс просто не мог позволить себе роскошь уничтожать попавшие в его распоряжение банкноты. Они снова пускались в обращение, чтобы оплатить поставки для армии. Инфляция стала естественным результатом такой политики. Новые деньги выпускали ежемесячно, а иногда и дважды в месяц, причем эмиссии постоянно возрастали. Уже в 1777 г. количество бумажных денег в обращении превысило потребности товарооборота. Если в 1777 г. Конгресс выпустил банкнот на сумму в 13 млн долл., то в 1779 г. сумма выпущенных денег достигла 124,8 млн. Собственную валюту печатали и штаты, что совершенно исключало возможность упорядочивания денежного оборота. В декабре 1776 г. Конгресс упрашивал штаты прекратить эмиссии. Однако к нему не прислушались¹⁶.

18 марта 1780 г. Конгресс попытался зафиксировать курс «континенталок». Соотношение бумажного и серебряного доллара устанавливалось как 40:1. Это решение оказалось не более чем благим пожеланием. В марте 1781 г. курс континентальных долларов по отношению к монетам составлял от 130:1 до 175:1, а в мае того же года упал до 780:1¹⁷. Это было гибелью «континенталок». Весной 1781 г. моряки, вооруженные дубинками, дефилировали по улицам Филадельфии, отказываясь получать плату потерявшими всякую цену деньгами. В начале мая филадельфийцы стали свидетелями еще более необычной процессии «похорон континентального доллара». Участники прикрепили «континенталки» к шляпам и тащили за собой пса, облепленного обесцененными купюрами¹⁸. Проанглийская газета Ривингтона с торжеством провозглашала: «Конгресс наконец обанкротился!»¹⁹ Инфляция приняла такие размеры, что дезорганизовала экономику.

Еще одной проблемой был государственный долг. В 1777—1780 гг. США получили от Франции, Испании и Нидерландов около 3 млн долл. в твердой валюте. На 1 января 1783 г. государственный долг США составлял уже 42 млн, причем более 34 млн долл. приходилось на внутренний долг²⁰. С течением времени займы накапливались, нарастали проценты. По оценке нью-йоркского политика Дж. Дуэна, сделанной в январе 1781 г., для выплаты национального долга США необходим был фонд, дающий ежегодно 2 млн долларов²¹. Ничем подобным Конгресс не располагал. В итоге проблема государствен-

ного долга приобрела, по меньшей мере, такое же значение, как и проблема эффективного финансирования войны. Тем более, что Франция отказалась давать США займы для выплаты процентов по прежним долгам.

Чтобы навести порядок в финансах, было решено создать соответствующий департамент. 20 февраля 1781 г. суперинтендантом финансов («Финансистом», как его еще называли) был единогласно избран Роберт Моррис ²². Современники считали, что Финансист стал самым могущественным человеком в США. С его именем связывали все проекты, направленные на укрепление американской экономики и власти Конгресса.

Новшеством, которое внес Моррис в экономическую политику Конгресса, был ее системный характер. Финансист не верил в то, что ситуацию можно улучшить при помощи частичных мер и сознательно предпочитал политику «все или ничего» ²³.

Моррис развернул бурную деятельность. В какой-то мере он использовал опыт своего кумира Ж. Неккера, который, как и американский политик, пытался оздоровить финансы за счет экономии средств и сокращения государственного аппарата, эти средства поглощавшего. Моррис сократил число исполнительных комиссий и значительно урезал расходы на бюрократический аппарат ²⁴.

Его поддерживали блистательные политики, составившие так называемую группировку «националистов» ²⁵: его эксцентричный однофамилец Гувернер Моррис, бывший адъютант Дж. Вашингтона и прирожденный экономист Александр Гамильтон, талантливый молодой виргинец Джеймс Мэдисон, крупнейший юрист США Джеймс Уилсон и др. Все вместе они разрабатывали то, что вошло в историю под названием «программа Роберта Морриса», которая должна была создать для Конгресса независимые от штатов источники дохода, упрочить государственный кредит, обеспечить снабжение Континентальной армии.

Последнее было, пожалуй, важнее всего, учитывая, что военные действия продолжались. В октябре 1782 г. военный секретарь заявил, что для армии необходимо найти деньги, только где? «Бог знает!» — простонал в ответ Мэдисон ²⁶. Моррис просил Делавэр и Мэриленд прислать армии свежую говядину, соль, ром, солонину. К Виргинии он обратился за мукой, говядиной и свининой, сеном, кукурузой, табаком. Он угрожал штатам собирать «реквизиции» с помощью военной силы, если понадобится ²⁷. Его призывы не были совсем безрезультатными, но дали меньше, чем рассчитывал Моррис. Например, он не сумел убедить штаты прислать достаточно транспортных средств для переброски Континентальной армии к Йорктауну. В результате повозок хватило примерно для 2 тыс. солдат. Остальные должны были добираться до места сражения, ставшего решающим для США, пешком ²⁸.

В свое время Бенджамин Франклин подчеркивал, как важен кредит для делового человека. Моррис по-своему следовал принципам «Бедного Ричарда» и не только в личных делах. По мнению Морриса, государство также не могло существовать без кредита. Кредит вообще был важнейшим элементом экономической программы националистов, но проблема его упрочения осознавалась как трудноразрешимая.

Моррис уверял: «Кредит — растение, которое растет очень медленно, и наша политическая ситуация не слишком ему благоприятствует»²⁹.

Основным средством поддержать падающий кредит националисты считали создание Национального банка, чьи ценные бумаги были бы обеспечены золотом или серебром³⁰.

Еще одна популярная среди националистов мера — предложение централизовать монетную систему. Как уже упоминалось, в то время каждый штат печатал собственные деньги, имевшие свой собственный курс; звонкая же монета в стране была исключительно иностранного происхождения (главным образом серебряные испанские доллары). Первое препятствовало обращению валюты в масштабе всей страны. Моррис жаловался на то, что лишь путем долгих вычислений можно установить, чему в Южной Каролине, например, будут равняться 4 шиллинга из Нью-Гэмпшира. Он заявлял: «Идеи, связанные с понятием фунта, шиллинга и пенни, разнятся почти так же сильно, как сами штаты»³¹. Второе же создавало прямую опасность для финансовой системы США, беззащитной перед фальшивой монетой. Финансист рассуждал: «Если, например, английский король или кто-то из его бирмингемских умельцев вздумает чеканить гиней стоимостью всего в 16 шиллингов, наши граждане будут их охотно и легко принимать по 21 шиллингу»³². Г. Моррис предлагал штатам отказаться от эмиссий, передав это право исключительно Континентальному конгрессу³³. Однако из этого проекта ничего не вышло, тем более, что подавляющее большинство американцев твердо стояло за «дешевые» бумажные деньги³⁴. Доллар как официальная денежная единица США был введен по предложению Гамильтона в 1792 г., но еще очень долгое время монетная система оставалась децентрализованной. Испанские доллары и мексиканские песо имели хождение наряду с собственно американской валютой вплоть до 1857 г.; штаты лишились права эмитировать собственную валюту лишь в 1863 году.

Не имея собственной надежной валюты, Континентальный конгресс не имел и источников дохода, независимых от штатов. Это создавало опасную ситуацию для страны. «Если бы мы могли получить деньги от голландцев, не создав вначале должные фонды, что более чем сомнительно, — рассуждал Моррис, — и если бы отдельные штаты впоследствии пренебрегли созданием условий для того, чтобы выполнить обязательства Конгресса, что более чем вероятно, кредит Соединенных Штатов за рубежом был бы навеки погублен». Более того, страны-кредиторы всегда могли потребовать выплат по займам с оружием в руках. Национальный долг имел то преимущество перед внешними займами, что он накрепко связывал интересы финансистов и государства³⁵. По этой причине Моррис (как позднее и Гамильтон) выступал против разграничения первоначальных держателей облигаций государственного долга и тех, кто скупил эти облигации, часто за бесценок³⁶. Прочный государственный кредит, по мысли Финансиста, нес с собой множество благих последствий. Он будет способствовать успешному завершению войны, консолидирует Союз, установит социальную гармонию, покончит с нестабильностью бумажных денег, остановит тезаврацию ценных металлов: «Откроются тайные сундуки. В тот же момент уменьшится потребность в деньгах и увели-

чится их количество. Это облегчит сбор налогов... и мы сможем создать полноценные средства обращения и платежа, дав народу то, чего он всегда имеет право требовать: неколебимую уверенность в честности своих правителей»³⁷.

Моррис предполагал создать для выплаты государственного долга систему континентальных налогов, достаточно высоких, чтобы удовлетворить кредиторов. Налогообложение необходимо в любом государстве, поскольку в любом государстве существует необходимость финансирования правительства и защиты государства, считал Финансист. Ресурсы, полученные сверх необходимого на эти цели, могут быть использованы для общественно-полезных работ, в частности, для постройки дорог. Это утверждение можно рассматривать как раннее предвестие теории «внутренних улучшений». Но этим значение налогообложения не исчерпывается. Моррис не без некоторого фарисейства писал: «Налоги двояким образом способствуют увеличению национального богатства. Во-первых, они стимулируют трудолюбие, дабы обеспечить средства для их платы. Во-вторых, они поощряют бережливость, заставляя избегать ненужных покупок и беречь деньги для сборщика»³⁸.

Первым шагом суперинтенданта финансов в этом направлении была попытка добиться предоставления Конгрессу права собирать 5-процентную пошлину со всех ввозимых в США товаров. В дальнейшем он намеревался ввести также поземельный налог (в 1 долл. с каждых 100 акров), подушный налог (в 1 долл. со всех свободных мужчин и рабов) и акциз на спиртные напитки (в $\frac{1}{8}$ долл. за галлон). Их предполагалось собирать по всей стране, а размеры должны были быть одинаковыми во всех штатах. По оценке Морриса, каждый из этих налогов мог дать около полумиллиона долларов³⁹.

Реально из всех этих проектов рассматривался только план введения ввозной пошлины (Impost Amendment). В этом решении был свой расчет. Еще в предреволюционной антиналоговой пропаганде звучало различие между «внутренними» (прямыми) и «внешними» (косвенными) налогами, причем предполагалось, что последние куда менее опасны для свободы⁴⁰. Так что националисты, без сомнения, вызвали бы гораздо более жесткую реакцию оппонентов, если бы вместо тарифа предложили дать Конгрессу право собирать «внутренние» налоги. Делегат Конгресса Дж. Хэнсон отмечал: «Я считаю пошлину на все импортируемые товары самым легким видом налога, какой только может быть предложен. Первоначально его платят торговцы, затем, нечувствительно для себя — народ, и каждый платит пропорционально тому, сколько ему нравится потреблять. Расточитель оплачивает свои безумства, иностранцы среди нас вынуждены способствовать общему благу»⁴¹.

Проект был активно поддержан Мэдисоном, считавшим тариф единственной мерой, способной восстановить кредит США. Его поддерживали и другие националисты — Дж. Рут, О. Уолкотт, А. Гамильтон, Дж.М. Варнум, Дж. Джонс и др. 3 февраля 1781 г. соответствующее решение принял Конгресс⁴². Дело было за штатами.

Хотя введение 5-процентной пошлины, строго говоря, не предполагало принятия поправки к «Статьям Конфедерации», оно было воспринято именно так. Это автоматически влекло за собой требова-

ние заручиться согласием всех 13 штатов. Поначалу казалось, что добиться этого возможно. В декабре 1780 г. Пенсильвания составила для своих делегатов в Конгрессе инструкции, в которых говорилось об абсолютной необходимости принятия системы пошлин на импорт, которую выработал бы Конгресс ⁴³. Еще до конца 1781 г. *Impost Amendment* была ратифицирована восемью штатами, а в пяти оставшихся оппозиция поправке была довольно вялой. В июле 1782 г. Мэдисон еще был настроен оптимистически ⁴⁴. Моррис рассчитывал на давление кредиторов государства. Он с удовлетворением писал Гамильтону: «Я с радостью обнаруживаю, что кредиторы государства организуются; их численность и влияние в сочетании с правотой их дела должны обеспечить успех, если они проявят упорство» ⁴⁵. Летом 1782 г., например, Конгрессу было представлено несколько петиций, под которыми стояли подписи видных националистов Пенсильвании — Ч. Петтита, Дж. Юинга, Б. Раша, Т. Фицсиммонса. Конгрессу пришлось успокаивать кредиторов государства ⁴⁶.

Локалист Дж. Уоррен оказался прав, считая, что тариф никогда не будет принят ⁴⁷. Настоящая полемика вспыхнула в 1782 г. в Мас-сачусетсе, Джорджии и особенно Род-Айленде, который решительно отверг *Impost Amendment*. 30 ноября легислатура Род-Айленда вынесла окончательное решение: предполагаемый тариф несправедлив по отношению к штату, противоречит его конституции, так как вводит должности чиновников, не подотчетных его властям, делает Конгресс независимым от штатов и потому не совместим со свободой ⁴⁸.

Историк П.Т. Конли отмечает и, по-видимому, не без оснований, что в результате торговцы Род-Айленда лишь проиграли. При отсутствии общегосударственной системы тарифов, каждый штат вводил свои собственные. И купец платил не только ввозную пошлину при импорте товаров в Род-Айленд (2,5% *ad valorem*), но и сходную пошлину при реэкспорте в соседние штаты ⁴⁹. И все же столь жесткая позиция маленького штата не была случайностью: его благосостояние строилось, главным образом, на внешней торговле и, следовательно, именно его жителям пришлось бы выплачивать огромную долю намечаемого налога ⁵⁰. Моррис отвечал на это, что потребитель сам решает, покупать ли облагаемый пошлиной товар, и что Род-Айленд потребляет никак не больше импортной продукции, чем, например, южные штаты ⁵¹. Но его аргументы не действовали, поскольку существовали и не столь местнические соображения, сплотивавшие локалистов разных штатов в их борьбе против *Impost Amendment*. По справедливому замечанию Дж.Т. Мейна, наибольшее значение здесь имели вопросы власти, а не денег ⁵². Филадельфийская газета «*Freeman's Journal*» заявляла, что чем легче правительству достаются деньги, тем расточительнее оно их тратит, и предсказывала в случае принятия тарифа «непомерное влияние (Конгресса. — *М.Ф.*), неограниченную власть, национальную коррупцию и погибель общества» ⁵³.

Провал *Impost Amendment* был отчасти связан и с тем, что в 1782 г. англичане блокировали крупнейшие американские порты. В этих условиях доходы от ввозных пошлин не могли быть велики ⁵⁴. Это увеличивало скепсис локалистов в отношении предлагаемой поправки. Тем не менее, националисты не собирались сдаваться так просто. 5 августа 1782 г. Моррис в письме Конгрессу предложил дальнейшее

развитие идеи налогообложения: помимо 5-процентного тарифа, он предлагал ввести поземельный налог, подушный налог и акциз на спиртные напитки. Все вместе, по его расчетам, должно было дать казне Конфедерации около 2 млн долларов ⁵⁵.

Род-Айленду было направлено несколько писем, убеждавших в необходимости тарифа. Финансист рассматривал ситуацию с точки зрения перспективы новых займов. Если штаты одобряют *Impost Amendment*, доказывал он упрямым губернаторам, «тогда, возможно, мы сможем восстановить свой кредит; если нет, тогда наши враги получают веские доказательства того, что они так часто утверждали: что мы не достойны доверия, что наш Союз — веревка из песка, что народ устал от Конгресса, а штаты полны решимости свергнуть его власть» ⁵⁶. Ряд статей в защиту поправки (по непосредственному заданию Финансиста) написал Томас Пейн. Он также считал необходимым лично явиться в столицу штата Провиденс, чтобы поддержать детище националистов своим влиянием. Тариф, по его мнению, будет одним из самых легких налогов. Он заявлял, что сопротивление поправке — дело рук алчных торговцев, не желавших платить налоги со своей прибыли, что введение 5-процентной пошлины будет благоприятно для бедняков, особенно мелких фермеров, так как снимет часть налогового бремени с земельной собственности ⁵⁷. Наконец, Пейн доказывал, что тариф станет, в сущности, налогом на роскошь: «Уж конечно, тот, кто, не довольствуясь напитками родной страны, может упиваться заморскими винами или позволяет себе носить финтифлюшки иностранного производства, — столь же подходящий объект для налогообложения, как и тот, кто выжимает сидр, держит корову и обрабатывает несколько акров земли» ⁵⁸. Здесь довольно отчетливо прослеживаются демократические установки Пейна и его способность встать на позицию самых широких слоев американского общества. Но в данном случае это не дало результата. Локалисты Род-Айленда сочли Пейна эмиссаром Конгресса (особенно после того, как стало известно, что Конгресс намерен поручить ему написание официальной истории революции) и вознегодовали. Читатели забросали «*Providence Gazette*» возмущенными письмами. В Провиденсе враждебность к Пейну достигла такого накала, что незадачливый журналист начал опасаться за свою безопасность. В свою очередь, Мэдисон от лица Конгресса был вынужден доказывать, что поездка предпринята Пейном по его собственной инициативе ⁵⁹.

22 декабря 1782 г. в Род-Айленд отправилась делегация членов Конгресса, которая была вынуждена сразу же вернуться. Еще до того, как делегаты достигли места назначения, пришло известие о том, что Виргиния отозвала свое согласие на 5-процентную пошлину. П. Генри спровоцировал в своем штате настоящую панику. Он утверждал, что Виргиния потребляет огромное количество импортных товаров и ввозная пошлина ее разорит, что США и так должны штату миллион фунтов (утверждение, не основанное ни на чем), а, следовательно, не могут и дальше тянуть из него деньги и т.п. Устрашенная обрисованными лучшим оратором Америки перспективами, легислатура Виргинии спешно отвергла 5-процентный тариф. Резолюция гласила: «Позволить какой-либо власти, кроме генеральной ассамблеи этой республики, вводить пошлины и налоги на граждан этого штата в его

пределах — значит нарушить его суверенитет. Это может оказаться гибельным для прав и свобод народа. Осуществление подобных полномочий Конгрессом противоречит духу “Статей Конфедерации” в ст. 8»⁶⁰.

В конечном итоге *Impost Amendment* так и была похоронена проволочками и прямыми отказами штатов ее ратифицировать. Попытка националистов ввести централизованное налогообложение под контролем Конгресса окончилась неудачей, и центральная власть в американской Конфедерации так и осталась без собственных источников доходов.

Чуть более удачной оказалась судьба другого любимого детища Финансиста — Банка Северной Америки. Предполагалось выпустить акции с номиналом в 400 долл. на общую сумму в 400 тыс. долларов. Управлял Банком совет из 12 директоров, выбранных акционерами. Суперинтендант финансов имел право в любое время проверить всю документацию учреждения. Банк мог выпускать ценные бумаги, имеющие хождение в качестве денег, и должен был по первому требованию обменивать их на звонкую монету. Предполагалось, что положение этого банка будет исключительным, а все прочие подобные учреждения в штатах будут запрещены⁶¹.

Проект Морриса был представлен Конгрессу и практически не вызвал дебатов. 26 мая 1781 г. план организации Банка Северной Америки был одобрен Конгрессом, а 31 декабря 1781 г. была принята его хартия. 7 января Банк официально начал свои операции⁶².

В программе Финансиста Банк занимал чрезвычайно важное, по мнению многих, даже центральное место. Моррис доказывал, что его создание способствовало укреплению Союза. «Очень сильным мотивом, который направлял мое поведение в этом случае, было желание прочнее связать отдельные штаты одной общей денежной связью и привязать нерушимо множество могущественных лиц к делу нашей страны за счет мощного принципа эгоизма и непосредственного чувства личного интереса»⁶³, — объяснял он Джею. В особенности суперинтендант финансов рассчитывал на поддержку крупных торговых городов, таких как Бостон и Филадельфия⁶⁴.

Через несколько месяцев после открытия Банка вклады частных лиц составили всего 50 тыс. долларов. Из выпущенной тысячи акций 633 скупил Конгресс — такую возможность дало Моррису своевременное прибытие очередного займа из Франции⁶⁵. Союз, таким образом, стал главным акционером Банка, но даже после этого 200 акций остались нераспроданными. В итоге, стартовый капитал Банка составил 300 тыс. долл. вместо намечавшихся 400 тысяч. Сам Моррис связывал некоторую вялость потенциальных акционеров с недостатком денег у частных лиц⁶⁶. Во всяком случае, здесь не было ничего похожего на ажиотаж, возникший вокруг гамильтоновского Банка США, когда в одном только Нью-Йорке акции на 2,5 млн долл. разошлись в течение часа, а всего по стране в самый короткий срок было распродано акций на 8 млн долларов⁶⁷. Столь разная реакция деловых кругов объяснялась целым рядом причин. Объяснение, данное Моррисом, также имеет право на существование. Однако более глубоким было недоверие финансистов к непрочной Конфедерации и ее слабой центральной власти.

Для укрепления кредита Моррис использовал, мягко говоря, экзотические способы. Недоверчивому вкладчику показывали груды се-

ребра, бесконечной линией уходящие вглубь кладовых. При этом искусно установленные зеркала отражали монеты, создавая иллюзию, что их в несколько раз больше, чем на самом деле ⁶⁸. Как бы там ни было, этот способ принес свои плоды. Ценные бумаги, выпущенные Банком, вскоре уже пользовались полным доверием. В районе Филадельфии, по крайней мере, они принимались наравне с монетами ⁶⁹.

Банк Северной Америки стал поначалу действительно национальным финансовым учреждением. Именно там хранились все денежные средства Конгресса. Займы, предоставленные Банком правительству за время администрации Морриса, превысили 1,2 млн долларов. В качестве дивидендов Банк выплатил Соединенным Штатам 22 тыс. 867 долларов. Дивиденды, выплаченные акционерам, за первый год существования Банка составили 4,5%, за пятый — 9,5 ⁷⁰.

В конечном итоге, из всей программы Морриса Банк оказался наиболее успешным проектом и поначалу вызвал наименьшее сопротивление. Его кассир Джон Уилсон уверял: «Этот план, в общем, одобряют и поддерживают не только купцы, но и наиболее разумная часть сообщества в целом, независимо от чина и звания» ⁷¹. Однако оппозиция назревала за пределами Пенсильвании. Артур Ли, например, считал, что Банк оттягивает на себя средства из южных штатов: «У нас огромные проблемы с деньгами, и не то чтобы была реальная их нехватка. Причина в том, что учреждение Банка и процветавшая до сих пор в этом торийском городе (Филадельфии. — *М.Ф.*) коммерция собрали здесь всю монету» ⁷².

По окончании войны над Банком разразилась гроза. В 1784 г. он подвергся ожесточенным нападкам со стороны пенсильванской партии конституционалистов, где тон задавали фермеры из западных районов штата ⁷³. Банк, по мнению конституционалистов, противоречил таким фундаментальным ценностям революционной ментальности, как добродетель и равенство. Историк Э. Фонер отмечает поразительное сходство между антибанковской риторикой 1780-х гг. и джексоновского периода ⁷⁴. В обоих случаях на Банк сыпались обвинения в ростовщичестве, в фаворитизме, в предпочтении, отдаваемом торговцам перед фермерами и механиками, в том, что он сможет навязывать свою волю легислатуре штата или станет проводником иностранного влияния и т.п. Он казался вообще несовместимым с демократическими принципами правления. Один из конституционалистских лидеров заявил: «Это учреждение, основанное единственно на принципе алчности, которое иссушает все мужественные и благородные чувства в человеческой душе, никогда не изменит своей цели, и если оно продолжит свое существование, то добьется своего: сосредоточит в своих руках все богатство, власть и влияние штата» ⁷⁵.

Повод для возмущения создавали некоторые особенности функционирования Банка Северной Америки. Основной его функцией было предоставление краткосрочных кредитов торговцам. Для фермеров кредиты подобного рода были бесполезны, так как фермерское хозяйство могло обеспечить их возврат лишь в течение нескольких лет. Эта дискриминация стала сильным аргументом противников Банка внутри Пенсильвании ⁷⁶.

Историки связывают первую в США «банковскую войну» с модернизационными процессами и неизбежно сопутствующей им соци-

альной напряженностью. Банк в качестве элемента капиталистической экономики воспринимался как вызов традиционным аграрным интересам и республиканской добродетели ⁷⁷.

В апреле 1785 г. по инициативе конституционалистов ассамблея Пенсильвании попросту отменила хартию Банка Северной Америки. Удар был тяжелым. Акции Банка упали ниже номинала; его ценные бумаги больше не пользовались спросом, а реальный капитал уменьшился. В марте 1787 г. Банк Северной Америки все же получил от пенсильванских властей новую хартию. Она ограничивала срок деятельности Банка (хотя и могла быть возобновлена), а также его капитал и виды операций, которые он мог производить. Гамильтон отмечал позднее, что новая хартия кардинально изменила характер Банка: она «так сужает основные принципы этого учреждения, что делает его непригодным для обширных функций национального банка» ⁷⁸. В результате Банк Северной Америки утратил свой общенациональный характер. Он просуществовал до 1929 г., когда его погубила Великая депрессия, но лишь в качестве одного из рядовых банков штатов.

1784 г. оказался роковым не только для Банка Северной Америки, но и для самого Финансиста. Война закончилась, и многие американцы считали, что централистская финансовая политика Морриса уже ни к чему. 29 марта 1783 г. виргинский делегат А. Ли внес предложение, чтобы Конгресс потребовал от суперинтенданта финансов немедленного отчета по всем счетам. Еще ранее был создан комитет для проверки дел департамента финансов ⁷⁹. В ноябре 1784 г. Моррис окончательно покинул свой пост. Еще раньше он объявил, что Америка не в состоянии выплатить проценты по своему долгу голландцам и французам ⁸⁰. Репутация американцев в Париже от этого, конечно, не улучшилась.

На смену суперинтенданту пришла коллегия финансов (Board of Treasury). Его экономическая политика была демонстративно отброшена. О ней вспомнили на государственном уровне лишь спустя шесть лет. Проекты Финансиста были продолжены Гамильтоном, занявшим к тому времени пост министра финансов.

Что касается лично Морриса, то в 1786 г. он был избран на конвент в Аннаполисе, в 1787 — на Филадельфийский конституционный конвент. Оба события были для США судьбоносными — в Аннаполисе было принято окончательное решение о необходимости реформирования Конфедерации, а в Филадельфии создана современная федеральная конституция. Роберт Моррис, впрочем, в этих случаях не проявил особой активности. Во всяком случае, он почти не выступал ни на одном из упомянутых собраний. Однако многие современники были убеждены, что Финансист, напротив, развил в 1787 г. бурную деятельность, но только закулисную. Именно он добился избрания на Филадельфийский конвент своего однофамильца и единомышленника Губернера Морриса, а тот последовательно пытался вписать в конституцию максимальную возможную централизацию власти. Именно Роберт Моррис предложил сделать Джорджа Вашингтона председателем Конвента, что немедленно подняло авторитет еще ненаписанной конституции на несколько порядков. Да и жил Вашингтон в это время в доме Морриса ⁸¹. Антифедералисты выстраивали из этого целую теорию заговора: «Какая жалость, что этот великий человек (Ва-

шингтон. — М.Ф.) был на Конвенте и что он останавливался в доме Роберта Морриса и каждое воскресенье катался верхом с Гувернером Моррисом. Конечно, они ввели его в заблуждение»⁸².

Вашингтон, в свою очередь, не забыл друга при формировании своего первого кабинета. Как легко догадаться, Моррису он прочил пост министра финансов. Однако тот отказался, предложив вместо себя кандидатуру Гамильтона.

В 1789—1795 гг. Финансист был сенатором от штата Пенсильвания. Особенными свершениями его карьера в Сенате не ознаменовалась. Он, как и следовало ожидать, поддерживал «гамильтоновскую систему», продолжавшую его собственные начинания. И, как всегда, его голова была полна коммерческих проектов, в разной степени авантюрных. Например, он занялся строительством каналов, основал компанию по производству паровых машин и запустил первый в Америке железопрокатный стан. Его инициативность была поистине неистощима. Филадельфийцы не уставали поражаться: сегодня Финансист запускает в своем саду воздушный шар, завтра основывает садоводческое общество и выращивает лимоны в своей теплице. Когда же он пригласил Пьера Ланфана, будущего архитектора столицы страны, чтобы построить самый роскошный дом в Филадельфии, горожане были попросту шокированы. Дом был огромен — ничего подобного в Пенсильвании еще не видывали. На его отделку везли импортный мрамор, мебель из Парижа, стекло из Англии, фарфор из Китая. Увы, постройка так никогда и не была завершена, а в филадельфийских кофейнях недостроенный дворец прозвали «глупостью Морриса»⁸³.

В то время несостоявшийся обитатель мраморного дворца, на свою беду, ввязался в земельные спекуляции. Он скупил большую часть западной территории штата Нью-Йорк и солидный кусок будущего округа Колумбия в надежде перепродать участки голландским иммигрантам. Его авантюру похоронила международная политика. Голландия оказалась втянутой в войну с революционной Францией, а затем и в наполеоновские войны, так что предполагаемые переселенцы в Америку так и не приехали. Довершила катастрофу трансатлантическая финансовая паника 1797 г., вызвавшая коллапс американского рынка недвижимости.

В итоге Моррис оказался крупнейшим в США землевладельцем, но наличных у него не было совершенно⁸⁴. Экономический кризис разорил многих. Джеймс Уилсон бежал от кредиторов в Северную Каролину, где и умер, повторяя в бреду: «Не пускайте сюда шерифов!» Генри Ли, отец будущего главнокомандующего армией южан Роберта Ли, оказался в долговой тюрьме. Что касается Роберта Морриса, то он долгое время пытался делать вид, что все в порядке, и вести привычную жизнь «князя купцов». И все же настал день, когда и он оказался вынужденным прятаться от кредиторов в своем загородном поместье. Но это его не спасло. В 1798 г. он был арестован и провел три года в заключении за долги. Мрамор его недостроенного дворца разошелся на монументы от Нью-Джерси до Южной Каролины.

Выйдя на свободу благодаря решению Конгресса, Моррис должен был разделить между девятью десятками кредиторов остатки своего состояния. «Ну, вот, теперь я — свободный гражданин Соединенных Штатов, но не могу назвать своим ни единого цента», — писал он своему сыну Томасу⁸⁵.

Попытки вернуться в мир большого бизнеса и найти поддержку у нового президента, Томаса Джефферсона, окончились ничем. Здоровье также было подорвано. В 1806 г. Моррис умер в кругу семьи. Своим детям «князь купцов» смог завещать лишь кое-какие безделушки, оставшиеся от былой роскоши (старшему сыну, например, достались золотые часы, а дочери — серебряные ложечки). Гувернер Моррис получил на память о друге телескоп, купленный когда-то Робертом у французского эмигранта ⁸⁶.

Разработанная Моррисом программа провоцировала целый ряд традиционных страхов, сопутствующих модернизации: страх перед централизацией экономики, перед столицей, высасывающей ресурсы всей страны, перед коррупцией и утратой республиканской добродетели. Есть и еще один вопрос, требующий ответа: была ли эта программа «контрреволюцией в финансах»? Нет. В ближайшей перспективе она отражала потребность в мобилизации ресурсов, централизации экономики, укреплении государственного кредита. Все эти меры были необходимы, прежде всего, для ведения войны. Этот аспект неоднократно подчеркивал и сам Моррис ⁸⁷.

В более отдаленном временном плане программа Морриса представляла собой программу экономической модернизации страны, поскольку была направлена на достижение экономической независимости. В этом смысле она способствовала решению задач самой революции. Однако программа Морриса не отвечала господствовавшему в экономической мысли XVIII в. либерализму Адама Смита и физиократов. Американский суперинтендант финансов в своих проектах обращался к более ранним теоретикам, к опыту XVII столетия — опыту кольбертизма во Франции и английской «Славной революции». Причина этому проста: экономика Соединенных Штатов находилась на значительно более низкой ступени развития, чем экономика развитых европейских стран. Фритредерские максимы, взятые на вооружение Великобританией, уже начавшей свой путь к положению «мастерской мира», были бы губительны для Америки, в экономическом отношении еще не успевшей освободиться от колониальной зависимости. Перед американцами стояли те самые задачи, которые европейские меркантилисты уже решили за столетие до того: развитие собственной промышленности, ее защита от иностранной конкуренции, создание в стране единого экономического пространства. Казалось, уже апробированные в Европе средства гарантируют успех. Однако добиться реализации своей программы в полной мере Моррису не удалось. Такую возможность получил лишь его последователь Александр Гамильтон.

Примечания

1. RAPPLEYE CH. Robert Morris: Financier of the American Revolution. N.Y. 2010.
2. VER STEEG C.L. Robert Morris: Revolutionary Financier: With an Analysis of His Earlier Career. Philadelphia. 1954; FERGUSON E.J. The Power of the Purse: History of American Public Finance, 1776—1790. Chapel Hill (N.C.). 1961.
3. Напр.: КРЮЧКОВА О.В. Финансовая деятельность континентального конгресса. (1775—1783). — Американский ежегодник. 1975. М. 1975, с. 61—65.

4. Freeman's Journal. 9.IV.1783.
5. См. подробно: RAPPLEYE CH. *Op. cit.*, p. 252.
6. В 1730-х гг., во времена раннего детства Р. Морриса, из Ливерпуля отправились в плавание 197 невольничьих судов — 27% всего работоргового флота Великобритании. См.: *Liverpool and Transatlantic Slavery*. Liverpool. 2007, p. 14.
7. HANDLIN O., HANDLIN M.F. *The Wealth of the American People. A History of American Affluence*. N.Y. e.a. 1975, p. 25.
8. *Pennsylvania Journal*. 31.X.1765.
9. RAPPLEYE CH. *Op. cit.*, p. 19.
10. *To the Delaware Pilots [and] To Capt. Ayres*. [Philadelphia. 1773].
11. *Letters of Delegates to Congress, 1774—1789*. Washington (D.C.). 1976—2000, v. 4, p. 147. (LDC).
12. *Ibid.*, v. 5, p. 412.
13. Роберт Моррис — один из двух человек (вторым был Роджер Шерман), которым выпала честь подписать все три важнейших документа Американской революции: Декларацию независимости, «Статьи Конфедерации» и конституцию 1787 года.
14. Этот спор продолжился в исторической литературе. Ср.: OBERHOLTZER E.B. *Robert Morris: Patriot and Financier*. N.Y. 1903; VER STEEG C.L. *Op. cit.*; FERGUSON E.J. *Op. cit.*; ФУРСЕНКО А.А. *Американская революция и образование США*. М. 1976.
15. *Расходы США по ведению войн 1775—1985 гг. Проблемы американистики*. М. 1989, с. 313.
16. B. Franklin to S. Cooper. 22.IV.1779. In: FRANKLIN B. *Letters from France. The Private Diplomatic Correspondence. 1776—1785*. N.Y. 2006, p. 33—34; *Война за независимость и образование США*. М. 1976, с. 285; ДАЛИН С.А. *Экономические аспекты войны за независимость. Материалы 2-го симпозиума советских историков-американистов*. М. 1976, ч. 1, с. 158; KOISTINEN P.A.C. *Beating Plowshares into Swords: The Political Economy of American Warfare, 1606—1865*. Lawrence. 1996, p. 18; РОТБАРД М. *История денежного обращения и банковского дела в США. От колониального периода до Второй мировой войны*. Челябинск. 2005, с. 56.
17. *Journals of the Continental Congress. 1774—1789*. Washington, 1904—1937, v. 16, p. 262. (JCC); BLANCHARD C. *The Journal, 1780—1783*. Albany. 1876, p. 106—107; BEZANSON A. e.a. *Prices and Inflation during the American Revolution: Pennsylvania, 1770—1790*. Phila. 1951, p. 46—57; EJUSD. *Inflation and Controls, Pennsylvania, 1774—1779*. In: *Views of American Economic Growth*. N.Y. 1966, p. 66—79.
18. *Война за независимость и образование США*, с. 206.
19. *Royal Gazette (New York)*. 12.V.1781.
20. BOLLES A.S. *The Financial History of the United States, from 1774 to 1789*. N.Y. 1879, p. 317. Проблема национального кредита на протяжении всех 1780-х гг. осложняла отношения США как с союзниками, так и (после заключения мира) с бывшей метрополией. О роли этого вопроса в англо-американских переговорах см.: ТРОЯНОВСКАЯ М.О. *Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775—1823)*. М. 2010, с. 55—56.
21. J. Duane to G. Washington. 29.I.1781. In: LDC, v. 16, p. 634.
22. JCC, v. 19, p. 180.
23. См.: R. Morris to J. Langdon. 13.VIII.1782. In: MORRIS R. *Papers, 1781—1784*. Pittsburgh. 1973—1984, v. 6, p. 179.
24. JCC, v. 21, p. 912, 919—920, 943, 947—951.
25. В будущем большинство из них вошло в элиту федералистской партии.
26. LDC, v. 19, p. 322.
27. MORRIS R. *Op. cit.*, v. 1, p. 242, 305; vol. 2, p. 176; vol. 6, p. 656—657.
28. *A Salute to Courage: The American Revolution as Seen Through Wartime Writings of Officers of the Continental Army and Navy*. N.Y. 1979, p. 230; OBERHOLTZER E.B. *Op. cit.*, p. 84—85.
29. R. Morris to A. Hamilton. 5.X.1782. In: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 6, p. 499—500.
30. LDC, v. 16, p. 670; WEBSTER P. *Political Essays*. Phila. 1791, p. 166; HAMILTON A. *The Papers*. N.Y.-L. 1961—1987, v. 2, p. 244.

31. MORRIS R. *Op. cit.*, v. 4, p. 30.
32. *Ibid.*, p. 32. Бирмингем в XVIII в. славился своими фальшивомонетчиками.
33. MORRIS G. Observations on the Finances of America. In: JCC, v. 11, p. 1048—1050.
34. СОГРИН В.В. Политическая история США. XVII—XX вв. М. 2001, с. 41—42.
35. JCC, v. 22, p. 432, 438.
36. *Ibid.*, p. 444.
37. *Ibid.*, p. 437; MORRIS R. *Op. cit.*, v. 4, p. 376; v. 5, p. 559.
38. JCC, v. 22, p. 431.
39. *Ibid.*, p. 439; v. 23, p. 545—546; MORRIS R. *Op. cit.*, v. 2, p. 125—135; v. 3, p. 413.
40. SLAUGHTER T.P. The Tax Man Cometh: Ideological Opposition to Internal Taxes, 1760—1790. In: William and Mary Quarterly, v. 41 (October 1984), p. 566—591 (WMQ).
41. LDC, v. 18, p. 551.
42. *Ibid.*, v. 16, p. 668; v. 19, p. 110—112.
43. BANCROFT G. History of the United States of America from the Discovery of the continent. Port Washington (N.Y.). 1967, v. 6, p. 14.
44. J. Madison to E. Randolph. 2.VII.1782. In: LDC, v. 18, p. 619.
45. R. Morris to A. Hamilton. 16.X.1782. In: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 6, p. 603. См. также: R. Morris to B. Franklin. 27.XI.1781. *Ibid.*, v. 3, p. 269.
46. To the Citizens of America who are Creditors of the United States. [Phila. 1782]; Arthur Middleton's Draft Resolution, [3—8.VII.1782]. In: LDC, v. 18, p. 621.
47. J. Warren to E. Gerry. 16.XI.1783. In: GERRY E., WARREN J.A Study in Dissent: The Warren-Gerry Correspondence, 1776—1792. Carbondale. 1968, p. 170.
48. STAPLES W.P. Rhode Island in the Continental Congress, 1765—1790. N.Y. 1971, p. 400.
49. CONLEY P.T. Democracy in Decline: Rhode Island's Constitutional Development, 1776—1841. Providence. 1977, p. 78.
50. LDC, v. 18, p. 680; MORRIS R. *Op. cit.*, v. 6, p. 113—114.
51. MORRIS R. *Op. cit.*, v. 6, p. 123—126.
52. MAIN J.T. The Antifederalists. Critics of the Constitution. 1781—1788. Chapel Hill. 1961, p. 77.
53. Casca. Freeman's Journal. 29.X.1783.
54. BUEL R. In Irons: Britain's Naval Supremacy and the American Revolutionary Economy. New Haven. 1998, p. 217—227. Р. Бьюэл связывал с политикой блокады также падение доходов от «реквизиций» и серьезный кризис Банка Северной Америки. *Ibid.*, p. 229—230.
55. Ch. Thompson's Notes of Debates. 5.VIII.1782. In: LDC, v. 19, p. 21; R. Morris to the President of Congress. 28.VIII.1781. In: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 2, p. 133.
56. MORRIS R. *Op. cit.*, v. 1, p. 397.
57. PAINE TH. Six New Letters. Being Pieces on the Five Per Cent Duty Addressed to the Citizens of Rhode Island. Madison. 1939, p. 19, 49, 51. Все это не согласуется с распространенным убеждением, которое разделял и сам Пейн: косвенные налоги платит потребитель.
58. *Ibid.*, p. 51.
59. KEANE J. Tom Paine: A Political Life. Boston e.a. 1995, p. 239; ALDRIDGE A.O. Man of Reason. The Life of Thomas Paine. L. 1960, p. 98—99. См. также: Th. Paine to R. Morris. 23.I.1783. In: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 7, p. 359.
60. Цит. по: HUNT G. The Life of James Madison. N.Y. 1902, p. 38.
61. JCC, v. 21, p. 1187—1189; MORRIS R. *Op. cit.*, v. 1, p. 68—72. О других проектах национального банка, разработанных в это время, см.: СОГРИН В.В. Идеиные течения в американской революции XVIII в. М. 1980, с. 213—215.
62. JCC, v. 21, p. 1187—1189.
63. MORRIS R. *Op. cit.*, v. 1, p. 287.
64. *Ibid.*, p. 211.
65. NETTELS C.P. The Emergence of a National Economy, 1775—1815. N.Y. 1962, p. 32.
66. MORRIS R. *Op. cit.*, v. 1, p. 145.
67. ПЕЧАТНОВ В.О. Гамильтон и Джефферсон. М. 1984, с. 169—170.
68. OBERHOLTZER E.B. *Op. cit.*, p. 108—109.
69. LDC, v. 18, p. 621.

70. BANCROFT G. *Op. cit.*, v. 6, p. 123; DEWEY D.R. *Financial History of the United States*. N.Y. 1903, p. 47, 55; FERGUSON E.J. *Op. cit.*, p. 137; ПОТБАРД М. История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск. 2005, с. 59.
71. J. Wilson to J. Pemberton. 1.IV.1782. In: RAPPAPORT G.D. *The First Description of the Bank of North America*. In: WMQ, v. 33. (Oct. 1976), p. 666.
72. A. Lee to F. Dana. 6.VII.1782. In: LDC, v. 18, p. 624. Пенсильванские конституционалисты, напротив, обвиняли Банк в том, что он изгоняет монету из штата. Об этом см.: PAINE TH. *The Complete Writings*. N.Y. 1945, v. 2, p. 391.
73. MAIN J.T. *Political Parties Before the Constitution*. Chapel Hill. 1973, p. 345, table 128.
74. FONER E. *Tom Paine and Revolutionary America*. N.Y. 1976, p. 194.
75. *Debates and Proceedings of the General Assembly of Pennsylvania, on the Memorials Praying a Repeal or Suspension of the Law Annulling the Charter of the Bank*. Phila. 1786, p. 66.
76. HAMMOND B. *Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War*. Princeton. 1957, p. 53.
77. RAPPAPORT G.D. *Op. cit.*, p. 664—665.
78. HAMILTON A. *Op. cit.*, v. 7, p. 324.
79. JCC, v. 23, p. 334; v. 24, p. 37, 216, 222, 387, 396—399; MORRIS R. *Op. cit.*, v. 7, p. 62—63, 386, 669.
80. R. Morris to E. Boudinot. 17.III.1783. In: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 7, p. 594—595; BANCROFT G. *Op. cit.*, v. 6, p. 124. О реакции европейцев на заявление Морриса можно судить по письму: M. Ridley to G. Morris. 18.VII.1783. In: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 8, p. 313. Реакцию шокированных этим заявлением американцев демонстрирует статья за подписью «Луций» в «Freeman's Journal». Обращаясь к Моррису, автор восклицал: «Вы могли бы вскричать, подобно Макбету: “Я сделал все. Я прикончил общественный кредит во время сна”». Freeman's Journal. 12.III.1783.
81. Впоследствии Моррис предложил свой дом Вашингтону уже в качестве официальной резиденции. Там и жили два первых президента США в период своего пребывания в должности. Особняк этот не сохранился, но на его месте в настоящее время размещена музейная экспозиция. Однако Моррис в ней не фигурирует. Экспозиция демонстрирует жизнь Дж. Вашингтона, Дж. Адамса, их семей, а также рабов, служивших первому президенту в Филадельфии.
82. *The Documentary History of the Ratification of the Constitution*. Madison. 1976—2011, v. 8, p. 183.
83. RAPPLEYE CH. *Op. cit.*, p. 502.
84. OBERHOLTZER E.B. *Op. cit.*, p. 327; CHERNOW B.A. *Robert Morris, Land Speculator, 1790—1801*. N.Y. 1978, p. 122—124.
85. Цит. по: RAPPLEYE CH. *Op. cit.*, p. 512.
86. *Ibid.*, p. 514—515.
87. Напр.: MORRIS R. *Op. cit.*, v. 6, p. 90.

Как готовили революцию 1905 г.

С.А. Нефёдов

После начала забастовки Гапон колебался, не зная, что делать дальше. Корреспондент А. Филиппов свидетельствует, что «никаких определенных планов действия у Гапона не было. Начиная с 1 января к нему являлись случайные люди, которые отнимали у этого умело скрывавшего свою растерянность, отсутствие знаний и программы человека все его время... В конце концов, Гапона по чьему-либо предложению внезапно одевали, куда-нибудь везли и так же случайно и неожиданно привозили назад»¹. Куда возили Гапона? Очевидно, к каким-то интеллигентным персонам, которым было неудобно прийти на квартиру Гапона (там собирались рабочие, и на столе не было места из-за пивных бутылок). Сотрудник «Биржевых ведомостей» Феликс писал, что в это время «Гапон сближается с М. Горьким и определенной группой прогрессивных писателей и, видимо, подпадает под их влияние»².

Горький поначалу считал Гапона «зубатовцем»³, но затем изменил свое мнение. В описании Гапона их встреча после расстрела 9 января выглядит как встреча близких друзей⁴. Разумеется, на допросах в полиции Горький отрицал это знакомство⁵ и, по-видимому, из тех же конспиративных соображений Гапон умалчивал об их встречах до 9 января. Но в одном месте Гапон проговаривается об анонимных «друзьях-литераторах», которых он 6 января просил помочь ему написать петицию, причем выясняется, что среди этих «друзей» были Богучарский и В.Г. Богораз (писавший под псевдонимом «Тан») ⁶. Карелин предполагал, что Горький тоже участвовал в составлении петиции⁷. Для Гапона Горький был непререкаемым авторитетом: он называл его не иначе, как «великим писателем»⁸.

Помимо Горького, Матюшенского и «прогрессивных писателей» на контакт с Гапоном в эти дни вышел еще один яркий представитель революционной интеллигенции — Пётр Рутенберг.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. №№ 6—7.

Пётр (Пинхас) Рутенберг был бывалым революционером: уже студентом, а потом инженером он участвовал в эсеровских кружках и выполнял ответственные партийные поручения⁹. Рутенберг был близко знаком как с вожаками эсеровских террористов, Гершуни и Савиновым, так и с лидерами петербургских социал-демократов¹⁰. Гапон считал Рутенберга «одним из вожаков местной революционной партии», и действительно 9 января Рутенберг выступал в окружении группы эсеровских боевиков¹¹. Горький свидетельствовал, что в те дни Рутенберг «имел сильное влияние на Гапона в смысле революционном»¹². Видный эсер С.Д. Мстиславский вспоминал, что Рутенберг собирался «подхватить и понести дальше, развертывая в подлинно революционное, движение, поднятое Гапоном»¹³. Он якобы говорил: «Я хотел сделать из Гапона рычаг, которым можно было бы повернуть русскую революцию»¹⁴. Однако биограф Рутенберга В.И. Хазан считает, что «попытка навязать Рутенбергу, который в то время формально не был даже членом эсеровской партии, роль главного режиссера массового спектакля под названием “Кровавое воскресенье” не выглядит исторически состоятельной. В частности, она не подтверждается свидетелями подготовки шествия рабочих к Зимнему дворцу и участников событий»¹⁵. В действительности, как мы увидим далее, свидетельств такого рода вполне достаточно — другое дело, что Рутенберг действовал не один, и Хазан прав в том, что он не был главным режиссером «массового спектакля».

Все оппозиционеры, искавшие встречи с Гапоном, желали одного: побудить забастовщиков выдвинуть политические требования. До 5 января требования были чисто экономическими. По донесению полиции, утром этого дня, когда на Путиловском заводе появились листовки комитета РСДРП, «священник Гапон просил рабочих листовки не читать и жечь, разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрагивать»¹⁶. Вождь петербургских большевиков С.И. Гусев 5 января писал В.И. Ленину о митинге, намечаемом Гапоном на следующий день: запланированная резолюция этого митинга соответствовала «программе пяти», об Учредительном собрании ничего не говорилось¹⁷. Таким образом, утром 5 января программа Гапона не шла дальше «программы пяти». Однако в течение 24 часов ситуация резко изменилась, и 6 января на большом митинге за Нарвской заставой Гапон выдвинул требование созыва Учредительного собрания. Это означало, что массовое движение рабочих, до тех пор направленное против фабрикантов, теперь меняет фронт и обращается против правительства. Мало того, Гапон призвал рабочих идти к Зимнему дворцу, требуя свободных выборов. Это было требование революционеров из листовок РСДРП. Гапон внезапно перешел на сторону революции и увлек за собой десятки и сотни тысяч веривших ему (и ничего не понимавших) рабочих — можно сказать, увлек их на штурм самодержавия. Как такое могло произойти? Как мог священник, только что присягнувший на евангелии, что он «не идет против царя», объявить себя «политическим революционером»?

«О Гапоне много писалось, но тайна его выступления в роли вождя рабочих масс против правительства... осталась, кажется, погребенной с ним самим», — писал свидетель событий, большевик Д. Сверчков¹⁸. Действительно, позднее говорили о каких-то бумагах

Гапона, из-за которых якобы его и убили эсеровские боевики во главе с Рутенбергом, а адвокат В. Беренштам, со слов Рутенберга, упоминал о неких таинственных обстоятельствах организации выступления 9 января — обстоятельствах, о которых он не решился рассказать широкой публике ¹⁹.

Сам Гапон следующим образом объяснял свои действия: «Я решил, что другого исхода не было, как всеобщая забастовка, а так как забастовка эта несомненно вызовет закрытие моего союза, то я и поспешил с составлением петиции и последними приготовлениями... Я пригласил вожakov революционной партии присоединиться к нам и поддержать забастовку, сознавая, что в данную минуту всякая помощь, откуда бы она не пришла, была хороша» ²⁰. (Отметим, что Рутенберга Гапон именуется как раз «одним из вожakov революционной партии»). Гапон говорил о приглашении «вожakov», описывая события 5 января, но в своем повествовании он часто не точен в датах; в действительности это приглашение имело место 6 января ²¹, а встреча с «вожаками» состоялась в ночь на 8 января, и, как мы увидим далее, речь тогда шла уже не о поддержке забастовки, а об участии в шествии к Зимнему дворцу.

Павлов пишет, что идею подобного шествия с петицией отстаивали гапоновские штабные — то есть группа Карелина. Споры о петиции, которые велись в декабре, продолжались, и Гапон по-прежнему выступал против ее подачи. Павлов свидетельствует, что «страсти у руководителей “Собрания”, с одной стороны, и у Гапона, с другой, жестоко разгорелись, и Гапон сдался» ²². Однако в этих спорах речь шла о подаче «рабочей» петиции на основе «программы пяти», без серьезных политических требований. Как отмечалось выше, 3 января Гапон сказал Фуллону: «Может быть, рабочие захотят подать петицию царю — так не бойтесь: все будет тихо и мирно» ²³.

Однако Гапон не умел писать петиции, и его друг, литератор Стечкин, который после декабрьской ссоры, по словам Петрова, «бегал за Гапоном», снова предложил свои услуги ²⁴. 5 января на квартире Стечкина на ул. Гороховой состоялось обсуждение петиции, причем неизвестно, по чьей инициативе для обсуждения были приглашены какие-то партийные представители. Павлов пишет, что «Гапон, несколько запоздав, пришел в высшей степени возбужденный и прямо обратился к собравшимся: “Господа, события развертываются с поразительной быстротой, шествие к Дворцу неизбежно, а у меня пока только всего и имеется...” Он выбросил на стол три листка, вырванные из записной книжки и исписанные красными чернилами. Это был проект петиции». Очевидно, это была «программа пяти». «По ознакомлении с содержанием проекта, — продолжает Павлов, — представитель с.-д. заявил, что в такой редакции петиция для социал-демократии неприемлема. Гапон предложил тогда сделать исправления или составить другую петицию. Представитель с.-д. тут же набросал проект, который был присутствовавшими и самим Гапоном одобрен...» ²⁵.

Якобы одобренный Гапоном проект петиции назывался «Резолюция рабочих об их насущных нуждах». В эту резолюцию были включены экономические требования из «программы пяти», но на первом месте стояло требование созыва Учредительного собрания, а пункт о

передаче земли крестьянам отсутствовал. Еще одно требование — «прекращение войны по воле народа» — как будто случайно совпадало с лозунгом, провозглашенным «Комитетом» на банкете 14 декабря ²⁶.

Гапон на словах согласился с этим проектом, вероятно, потому, что, как свидетельствует Рутенберг, он плохо разбирался в политике и имел манеру «соглашаться» со всеми, даже, если высказывались прямо противоположные мнения ²⁷. Как писал Павлов, «у него не было устойчивости взгляда: сегодня ему казалось так, потому, что он не обдумал хорошенько положения, а завтра... он переходил к другому положению, быть может, не менее ошибочному» ²⁸. Действительно, назавтра — или уже к вечеру — проект «резолуции» был отвергнут Гапоном.

Историки не смогли установить, кто был «представитель социал-демократов», написавший «Резолюцию», хотя Л. Гуревич разговаривала на эту тему со Стечкиным ²⁹. Петров полагал, что «Резолюция» была написана Стечкиным ³⁰; газета большевиков «Вперед» писала, что, по словам самого Стечкина, она «выработана им и представителями социал-демократии» ³¹. Однако петербургские социал-демократы ничего не знали об этих своих «представителях»; более того, корреспондент «Искры» из «группы при ЦК», опять же со слов Стечкина, говорил о том, что в собрании на Гороховой участвовали «очень интеллигентные люди», и полагал, что это были либералы ³². Известно, что меньшевики тогда не доверяли гапоновцам, а большевики стремились «вырвать движение из рук Гапона» ³³. Пиетет Стечкина по отношению к «очень интеллигентным людям» наводит на мысль об участии тех самых «прогрессивных писателей» и «друзей-литераторов», которые оказывали влияние на Гапона. Известно, в частности, что «друг-литератор» Богучарский собирался встретиться с Гапоном 3 или 4 января ³⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что обсуждаемый документ — это именно «Резолюция» собрания рабочих, а не петиция, которую можно было бы вручить после шествия. По существу, она близка тем резолюциям, которые принимались после собраний «банкетной кампании». Известно, что либералы и социал-демократы поначалу выступали против «крестного хода» к Зимнему дворцу с подачей петиции-«челобитной», так как такая акция выглядела промонархической и могла закончиться сценой единения царя с народом ³⁵. Гапон планировал именно такое шествие без «политики», а оппозиционеры 5 января вручили ему «Резолюцию» очередного собрания с характерными политическими требованиями. Это было совсем не то, что требовалось Гапону.

После совещания, около шести часов вечера, у Гапона были назначены переговоры с администрацией Путиловского завода. Избранная для этих переговоров делегация «Собрания» ждала Гапона в условленном месте, но он перепутал место встречи и набрал новых делегатов, среди которых был и Матюшенский ³⁶. По словам Матюшенского, председатель правления принес бухгалтерские книги и, произведя расчеты, показал, что требования рабочих повысить зарплату, невыполнимы. «Некоторые возражения были, но слабые и не по существу, — продолжал Матюшенский. — Гапон тоже бормотал что-то неопределенное и достаточно несуразное и смолк. Он как будто не хотел или не знал, что говорить» ³⁷. Однако в репортаже, предназна-

ченном для «Наших Дней», Матюшенский писал нечто совсем иное. Члены правления якобы утверждали, что одни требования можно удовлетворить только после проведения собрания акционеров, а другие — после согласования с Министерством финансов. Гапон и делегаты упорно отстаивали свою точку зрения и приводили юридические обоснования, за которыми слышался голос знающего и опытного переговорщика (самого Матюшенского). Но, в конечном счете, «правление осталось при своем мнении»³⁸, то есть получалось, что забастовщикам было отказано в выполнении их требований. Об этом и сообщил Гапон рабочим, вернувшись в «Собрание»³⁹.

Однако в действительности дело обстояло иначе. Полицейский отчет о встрече в правлении говорит, что «правление согласилось удовлетворить главные требования рабочих: увеличение заработной платы, совместное обсуждение рабочими и мастерами расценок, комиссия для разбора претензий, даровая медицинская помощь на дому, увольнение мастера Тетявкина и обратный прием уволенных рабочих». Лишь относительно 8-часового рабочего дня правление заявило, что этот вопрос требует обсуждения с другими заводладельцами Санкт-Петербурга⁴⁰.

Таким образом, забастовщики добились большого успеха, и можно было бы заканчивать стачку. Но стачка не закончилась — очевидно, потому, что Гапону «помогал» Матюшенский, сумевший представить уступки правления как набор отговорок и оттяжек. Впрочем, ввиду заявленной правлением необходимости согласования с Министерством финансов, Гапон попытался на следующий день встретиться с Мирским и Коковцовым, но министры его не приняли⁴¹.

Вернемся теперь к перипетиям вокруг «Резолюции». После совещания на Гороховой Стечкин отправился на митинг рабочих, который проходил за Невской заставой. Руководители местного отдела «Собрания» в своих выступлениях «отклонялись от политических требований и выставляли главным образом требования экономические»⁴². Стечкин в начале выступления сказал, что «он только что возвращается от очень интеллигентных людей, которые ему указали на недостаточность требований, выставляемых рабочими»⁴³. Затем он предложил собранию принять только что согласованную с Гапоном «Резолюцию», которая и была одобрена рабочими. Спустя некоторое время, на митинг прибыл Гапон; он призвал рабочих идти к Зимнему дворцу «бить челом государю». «При приподнятом настроении, вызванном речью Гапона, рабочие кричали: “Всемирно идти с челобитной!”»⁴⁴. Затем рабочих пригласили подписывать петицию, но текста еще не было, и они расписывались на чистых листах. Гапон в это время спрашивал Стечкина о том, что было до его прихода: «Гапон, узнав, что я говорил рабочим до него, расстался со мной очень холодно, упрекая, ... что я дискредитирую его в глазах рабочих»⁴⁵.

Как свидетельствует Матюшенский, Гапон был недоволен тем, что Стечкин прочел рабочим «Резолюцию» без его разрешения⁴⁶. «Резолюция» ему не нравилась, прежде всего, своими политическими требованиями, а ситуация сложилась так, что тысячи рабочих уже подписались под этими требованиями. Получалось, что Гапона «подставили»: ему публично приписали намерение требовать созыва Учредительного собрания. Первой реакцией Гапона был испуг — ему

казалось, что его немедленно арестуют. «В ночь на 6 января я ушел из дому из боязни быть арестованным и тем погубить все дело, — вспоминал Гапон. — Хотя Фуллон и дал мне честное слово, что меня не арестуют, но я не хотел подвергаться случайности»⁴⁷.

Однако прежде, чем уйти из дома, Гапон обсудил вопрос о перспективах забастовки с собравшимися на его квартире рабочими. Манифест путиловцев с призывом к забастовке распространялся по петербургским заводам, и многие предприятия прислали своих депутатов к Гапону. Присутствовал и корреспондент Филиппов, который рассказал о намечавшейся на завтра встрече заводоладельцев с министром финансов Коковцовым. На этой встрече должен был решиться вопрос о возможности дальнейших уступок рабочим, и Матюшенский советовал «ждать, пока забастовка охватит весь Петербург и тем самым убедить предпринимателей, что пред ними выступает солидарная, сплоченная масса, которой нельзя не уступить»⁴⁸. Было решено расширять стачку и придать ей всеобщий характер. Однако 6 января, в четверг, было Крещение — праздничный и выходной день, поэтому всеобщую стачку было решено начать 7 января, в пятницу.

Выходя от Гапона в первом часу ночи, Матюшенский встретил направлявшихся к тому двух известных партийных работников⁴⁹. Матюшенский не называет их имен, но очевидно, что после скандала с «Резолюцией» оппозиционеры пытались вновь вступить в переговоры с Гапоном. Эти попытки продолжились с раннего утра 6 января. Когда Гапон зачем-то вернулся на свою квартиру, он обнаружил, что там его поджидают несколько литераторов и даже один «английский корреспондент». Это были «друзья-литераторы», переговорив с Гапоном они по его просьбе или с его согласия принялись за составление нового варианта петиции⁵⁰. Гапон упорно скрывал имена своих друзей, но известно, что пришедший к Гапону в 12 час. дня Варнашѐв застал у него на квартире Богучарского, Богораза и Матюшенского, причем последний определенно был занят написанием текста петиции⁵¹. Может быть, в числе «друзей-литераторов» были и другие люди; со слов Матюшенского известно, что Богораз действительно представил свой вариант петиции, и, кроме того, еще один вариант предложили некие «социал-демократы»⁵². Ни вариант Богораза, ни вариант социал-демократов до нас не дошел; в основу петиции был положен вариант, написанный Матюшенским. «Свидетельскими показаниями установлено, что он составлял петицию, которую рабочие собирались подать 9 января Е.И.В.», — говорится в судебном деле Матюшенского⁵³. «Генерал от революции» вспоминал, что он писал (или, вероятно, дописывал) петицию вечером 6 января, а его жена делала копию для редакции «Наших Дней»⁵⁴. Редакция «Наших Дней» состояла в основном из членов «Комитета», организованного по решению Парижской конференции с целью «создать грандиозные уличные беспорядки с участием рабочих масс»⁵⁵. Как отмечалось выше, Матюшенский был послан к Гапону редакцией «Наших Дней» и в период своей деятельности в гапоновском «штабе» каждый день заходил в редакцию и писал отчеты⁵⁶. Таким образом, содержание петиции Матюшенского было согласовано с «Комитетом».

«Друзьям-литераторам» удалось преодолеть сопротивление Гапона и вставить в новый вариант петиции политические требования.

Филиппов, который постоянно бывал у Гапона в эти дни, описывал эту борьбу. При этом выяснились некоторые неожиданные подробности: оказалось, что Матюшенский поначалу не хотел писать петицию, и его побуждали к этому какие-то активные рабочие. «Нужно было приложить немало усилий для того, чтобы Матюшенский составил манифест-обращение, где уже фигурировали требования об избирательных правах и обо всех свободах, впоследствии осуществленных. Великий мастер подать смелую мысль, сам Матюшенский упорно отказывался приняться за перо, а только настояния некоторых присутствовавших рабочих, по-видимому искавших исчерпать открывшееся движение в интересах осуществления идей крайне левых, заставило этого “друга рабочих”, как он себя именовал, приняться за перо и написать длинное-предлинное обращение, которое он пытался, однако, не оставлять в подлиннике в руках Гапона, ссылаясь на то, что охрана немедленно вышлет его из Петербурга, раз определится наличие его среди гапоновцев»⁵⁷.

Эту фразу можно интерпретировать как свидетельство о наличии некой группы гапоновских «штабных», выдвигавшей политические требования, и тогда появляются основание для гипотезы о том, что все гапоновское движение было по своей сути независимым рабочим движением, находившимся разве что под некоторым влиянием социал-демократической пропаганды. Этой точки зрения придерживались, в частности, В. Святловский⁵⁸, С.И. Потолов⁵⁹, Л.Я. Гуревич⁶⁰, Р.Ш. Ганелин⁶¹.

С этой позицией смыкается версия меньшевиков, которые пытались представить дело так, будто это их агитация заставила Гапона включить в петицию политические требования. «Искра» утверждала, что «знаменитая петиция останется вечным памятником политического успеха *нашей* (курсив в оригинале. — С.Н.) работы»⁶². Лидер меньшевиков Ю.О. Мартов писал, что меньшевистская «группа при ЦК» «была повсюду со своими ораторами и листовками... Когда Гапон увидел, что не сталкиваясь с социал-демократами он не сможет сохранить за собой стотысячные массы, он мог отыскать только одних представителей партии — тех, кто проявил себя в эти дни, т.е. “группу” и с ней вел переговоры»⁶³. (Нужно, правда, сразу отметить, что Гапон вступил в контакт с «группой при ЦК» только в ночь на 8 января).

Любопытно, что жандармский генерал А.И. Спиридович — видимо под впечатлением заявлений «Искры» — поддерживал версию о влиянии социал-демократов: «Одновременно социал-демократы собирали полуконспиративные сходки из наиболее “сознательных” рабочих, обсуждали с ними вопросы революционного характера, составляли листовки с требованиями к администрации различных фабрик и заводов, намечали планы действия. Они выработали пункты требований, которые должны были войти в “петицию”, и когда 6-го Января Гапон написал свою “петицию”, в основу ее он положил именно эти выработанные социал-демократами пункты, и вся “петиция” представляла собою как бы сколок с социал-демократической программы-минимум»⁶⁴. Нужно отметить, что «петиция» отнюдь не была «сколком» — к примеру, в социал-демократической программе отсутствовал пункт о передаче земли народу.

О том, как Гапон относился к претензиям такого рода, свидетельствуют воспоминания С.А. Рапопорта. «Кто-то в разговоре или в печати высказался, что социал-демократы руководили рабочими отделами, а в последние дни до 9-го января всецело овладели движением. Гапон пришел в ярость. “Да я их гнал, в шею гнал из отделов! — кричал он. — Они только мне мешали. Они чуть не провалили всего дела! А рабочие мои прямо не выносили их, несколько раз старались бить этих незваных пропагандистов, и мне приходилось спасать их!”»⁶⁵

Если вернуться к свидетельству Филиппова, то нужно отметить, что в действительности оно не позволяет сделать вывод, что какая-то группа гапоновских «штабных» (а это могла быть только группа Карелина) выдвигала политические требования. Филиппов говорит лишь о том, что рабочие просили Матюшенского написать «манифест», и он написал петицию, в которой оказались политические требования. Выше уже приводилось свидетельство Павлова о том, что на Гапона оказывалось аналогичное давление «штабными», и он согласился на организацию шествия с подачей петиции. Но нужно было, чтобы петицию кто-то написал потому, что Гапон не обладал необходимыми литературными талантами. Поэтому «штабные» и просили Матюшенского сделать это. Гапон тоже его просил об этом 6 января, а может быть, и раньше. Как мы знаем, группа Карелина придерживалась «платформы пяти», в которой не было требования созыва Учредительного собрания. В конечном счете, Матюшенский согласился написать петицию, но написал не то, о чем его просили.

«Любопытно как характеристика для оценки событий и самого Гапона, — продолжает Филиппов, — что он всячески отказывался принять текст воззвания Матюшенского и в особенности часть политическую с требованием общего характера, выходящую за пределы рабочих интересов экономического и бытового характера. Гапон находил, что все это способно испортить дело в глазах правительства и вызовет репрессии, совершенно исключительные, а потому и нежелательные. И единственный раз за время наших частых встреч в ту пору, Гапон оказался определенным в своих суждениях и даже настойчивым. Но были какие-то силы, которые влияли и на него, и на Матюшенского. И воззвание-манифест были переписаны...»⁶⁶.

Что за силы влияли на Гапона и Матюшенского? Большевик Сверчков вспоминал, что «“освобожденцы”, то есть либеральные буржуазные круги, были чрезвычайно довольны отцом Гапоном... Целей Гапона они не знали, но всячески старались примазаться к нему и влиять на него»⁶⁷. «Искра» передавала сообщение своего корреспондента из «группы при ЦК»: «Священник Гапон *весьма* (выделено в оригинале. — С.Н.) теперь разговаривает с либералами. Ему же переданы деньги на поддержание стачки... Священник Гапон объяснял либералам, что он теперь “политический революционер”, что теперь он откроет свои карты... Января 6-го за Нарвской заставой (там Путиловский завод) в первом отделе Русского общества говорил Гапон; выставил требование учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Собрание приняло это требование. Была решена всеобщая забастовка. В воскресенье решили идти к Зимнему дворцу с детьми и домочадцами и требовать учредительного собрания... Итак, в воскресенье Гапоном назначена

революция. «Гапон — демагог, не брезгающий никакими средствами, — говорят про него либералы, — но за ним теперь идут массы и надо теперь, чтобы масса пришла к Зимнему дворцу» (выделено в оригинале. — С.Н.), и они усердно разговаривают теперь с Гапоном, дают ему деньги и обещают их без конца»⁶⁸.

Это сообщение корреспондента «Искры» ставит точки над «i». Чтобы убедить Гапона, либералы пустили в ход двигатель всех революций: деньги. И Гапон сразу же объявил себя «политическим революционером», а вечером на митинге за Нарвской заставой потребовал созыва Учредительного собрания. Гапон не был борцом за идею: Савинков свидетельствовал, что Гапон любил деньги, любил женщин, комфорт, роскошь — именно так он проявил себя в эмиграции⁶⁹. Что касается Матюшенского, то знавшие его люди отзывались о «друге рабочих», как о человеке, весьма нечистоплотном, — и действительно, осенью 1905 г. он прославился кражей денег, принадлежавших гапоновскому «Собранию»⁷⁰. Так что, отказываясь поначалу писать петицию, он, скорее всего, просто набивал себе цену. Вероятно, какая-то часть денег, выделенных либералами, досталась и простым рабочим: нуждающимся забастовщикам стали выдавать по 70 коп. в день (это было больше обычной оплаты чернорабочего)⁷¹.

То обстоятельство, что включение политических требований в петицию было делом рук либералов-«освобожденцев», отмечалось ранее многими историками. Р. Пайпс подчеркивал: «То, что Союзу Освобождения удалось убедить единственную легально функционирующую рабочую организацию включить в свою петицию требование политической свободы... стало его величайшей, единственной в своем роде победой»⁷². И.М. Пушкарёва писала, что роль Гапона «в составлении петиции очевидна только в одном: он “загорелся” осуществлением идеи обращения к царю с петицией в результате *поддержки ее либералами-“освобожденцами”*» (выделено в оригинале. — С.Н.)⁷³.

Гапон, конечно, не мог признать, что текст петиции написан не им, а каким-то литератором. «Ни один из составленных проектов не удовлетворил меня, — утверждал Гапон, — но позднее, руководясь этими проектами, я сам составил петицию, которая и была напечатана... Я провел остаток ночи (на 7 января. — С.Н.) в доме одного из рабочих, работая над составлением петиции»⁷⁴. Однако, по свидетельству Матюшенского, петиция была готова уже вечером 6 января и тогда же была принята штабом Гапона без обсуждения⁷⁵. Журналист Н. Симбирский, побывавший на квартире Гапона в ночь на 7 января, видел, как председатель «Собрания» И. Васильев переписывал петицию — в этом экземпляре уже содержалось требование созыва Учредительного собрания⁷⁶. Филиппов отмечал, что написанная Матюшенским петиция «прочитывалась 6—7-го и 8-го января *от имени Гапона* (курсив наш. — С.Н.) на предварительных собраниях рабочих, куда вслед за тем являлся и сам Гапон»⁷⁷.

Если верить Матюшенскому, то написанная им петиция была тем документом, который А.А. Шилов называет «вторым вариантом петиции» (считая первым вариантом «Резолюцию»). Следуя замыслу Гапона, который хотел идти к царю «крестным ходом», Матюшенский оформил петицию как «челобитную», которую рабочие понесут «царю-батюшке». Петиция содержала те же экономические требова-

ния, что и «программа пяти», но им предшествовало «прошение» об Учредительном собрании: «Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе: ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощи, прими ее! Повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все» ⁷⁸.

Гапон все же сопротивлялся включению в петицию самых одиозных пунктов, и во втором варианте исчезло требование «прекращения войны по воле народа». С другой стороны, во второй вариант петиции вернулась забытая авторами «Резолюции» «постепенная передача земли народу». Тем не менее, во время утреннего обсуждения с «друзьями-литераторами» Гапон согласился с главным — с требованием созыва Учредительного собрания. Это означало перейти Рубикон — теперь Гапон становился революционером и нуждался в поддержке революционных партий. В тот же день, 6 января, он обратился к социал-демократам и эсерам с предложением о встрече для организации совместных действий ⁷⁹. Агитаторам революционных партий больше не препятствовали выступить в «Собрании» ⁸⁰.

Помимо упомянутого митинга за Нарвской заставой, где Гапон впервые выдвинул требование созыва Учредительного собрания, вечером 6 января состоялся еще один митинг — в Невском районе, в помещении Смоленской школы. Здесь впервые перед рабочими выступили агитаторы-«освобожденцы». В то время, как в главном зале произносили речи либералы, в других залах агитировали эсеры и социал-демократы ⁸¹. «Обе партии решили примкнуть к движению, которое было вызвано не ими, — писал французский журналист Э. Авенар. — Необходимо было организовать грандиозную демонстрацию. Обсуждали, следует ли устроить ее вооруженной или мирной» ⁸². Таким образом, узнав о планируемом Гапоном «крестном ходе», партии сразу же решили присоединиться к нему и уже обсуждали вопрос о том, как превратить его в «вооруженную демонстрацию». Правда, социал-демократы (в отличие от эсеров) в то время считали, что демонстрация должна быть мирной ⁸³.

Поздно вечером 6 января на квартире Гапона состоялось заседание забастовочного штаба. Представители разных заводов докладывали о готовности к всеобщей стачке. Некоторые предприятия отказывались бастовать; среди них был Императорский фарфоровый завод. Гапон был настроен решительно. «Скажи рабочим фарфорового завода, — обратился он к депутату, — если завтра к полудню все не бросят работу, я пришлю туда тысячу человек, которые заставят их сделать это!» ⁸⁴

Фабриканты тоже готовились к всеобщей стачке. «В тот же четверг, вечером, — писал Авенар, — министр финансов устроил в министерстве совещание владельцев главнейших заводов. Как они желают отвечать на требования и угрозы рабочих? Присутствовало 40 человек, большинство с иностранными фамилиями. Один высказался за примирительный образ действия, но после того, как представитель одного завода сказал, что на насилие следует отвечать насилием, и потребовал вмешательства вооруженной силы, большинство присоединилось к этому мнению. Никто не протестовал. Ответ фабрикантов был сообщен министру, который должен испросить у императора разрешение действовать»⁸⁵.

Утром 7 января началась всеобщая стачка. «Сего числа с утра забастовали все крупные фабрики и заводы столицы, — докладывало Охранное отделение, — и, кроме того, прекратили работу и некоторые мелкие производства, частью самостоятельно, частью по принуждению забастовщиков, которые... угрозами требуют присоединиться к стачке»⁸⁶. «Сегодня в 10 часов утра толпа рабочих до 300 человек, преимущественно с... Балтийского завода и с забастовавшего Трубочного завода, прошла по 23 и Косой линиям Васильевского острова и остановила работы на всех мелких фабриках и заводах по этим линиям»⁸⁷.

Какие-то агитаторы распустили среди рабочих слух о том, что государь-император издал указ, дарующий рабочему люду особые льготы, а власти его скрывают. Возможно, речь шла об указе 12 декабря, в котором говорилось о разработке мер по социальному страхованию. Рабочие в своей массе, конечно, не знали об этом указе, и у агитаторов появилась возможность обвинить чиновников в его сокрытии. «Ввиду этого рабочие Василеостровского и Невского районов сегодня собираются идти в город на площадь Зимнего дворца..., — говорилось в полицейском донесении. — Настроение рабочих... быстро повышается, идет сильное пьянство, по чайным и трактирам слышны разговоры о необходимости разгрома торговых заведений». «Днем из Нарвского отдела были посланы депутаты в остальные отделы, чтобы узнать, как рабочие отнесутся к предложению отца Гапона собраться 9 января на Дворцовой площади. По возвращении депутатов, подтвердивших сочувствие рабочих упомянутому предложению, около 8 часов вечера в Нарвском отделе вновь состоялось собрание, на котором раздавались гектографированные объявления, призывающие рабочих собраться к 2 часом дня в воскресенье на Дворцовую площадь для предъявления Государю императору через уполномоченного от всех рабочих отца Гапона петиции»⁸⁸.

В ночь на 7 января Гапон окончательно покинул свою квартиру и с этого времени прятался по временным пристанищам. Тем не менее, утром 7 января его нашла целая делегация «освобожденцев». Как выразился Богучарский в письме к Струве, — «большая компания нашей публики»⁸⁹. По свидетельству Павлова, «на этом собрании к принятой уже петиции были присоединены некоторые пункты от народнических групп и от группы, так называемой, “Без Заглавия”»⁹⁰. «Без Заглавия» — это была группа, образовавшаяся уже после распада «Союза Освобождения», в которую входили, в частности, Богучарский, Прокопович и Кускова.

Богучарский в примечании к воспоминаниям Павлова пытается отрицать, что «освобожденцы» редактировали петицию, но ему в этом случае нельзя верить, поскольку он отрицает и сам визит «большой компании»⁹¹. О совещании «освобожденцев» с Гапоном рассказывает в письме к Струве от 8 января некий неизвестный корреспондент, который обычно подписывался «Дик...» (и далее неразборчиво). Письмо «Дика» было скопировано полицией, и эта копия была опубликована С.И. Потоловым⁹², который, видимо, не был знаком с оригиналом, хранящимся в РГАСПИ⁹³. Потолов (так же, как и К.Ф. Шаццлло⁹⁴) считал, что «Дик» — это псевдоним Прокоповича, однако в фонде Струве имеются письма «Дика», приходящиеся на время, когда Прокопович пребывал в заключении после ареста 11 января. Судя по тому, что в архиве сохранилось больше десятка его писем, «Дик» был профессиональным корреспондентом, информировавшим Струве о самых разных событиях в России, в столицах и провинции. В одном из писем он упоминает, что во время обысков в редакциях «Нашей Жизни» и «Наших Дней» ему пришлось уничтожить свои записи⁹⁵. Очевидно, «Дик» работал в одной из этих газет. Вполне возможно, что это был сотрудник «Новой жизни» К.Е. Диксон.

Из письма к Струве следует, что уже утром 7 января Гапон (превратившийся в «политического революционера») предлагал «интеллигентам» примкнуть к шествию и запастись красными флагами. Флаги нужно было нести свернутыми, их предполагалось развернуть, если царь откажется выполнять требования рабочих. Кроме того, предполагалось, что рабочие на всякий случай запасутся оружием. Разумеется, «освобожденцы» сочли участие интеллигентов в демонстрации, которая может закончиться кровопролитием, бессмысленным и опасным⁹⁶. Среди них были люди, которые по-прежнему не доверяли Гапону, хотя другие — как, например, Богучарский, — были в восторге от красноречия священника и считали, что «его сама судьба послала русскому движению»⁹⁷. Но, в любом случае, «освобожденцы» были готовы воспользоваться гапоновским движением в своих целях.

Что касается петиции, то после редактирования 7 января (в котором в какой-то момент участвовал и Рутенберг⁹⁸) в нее было возвращено требование «прекращения войны по воле народа» и дополнительно включен пункт об отделении церкви от государства. Кроме того, появился абзац с обвинениями в адрес чиновничьего правительства, схожими с теми, которые предъявляли бюрократии «освобожденцы». Петиция сохранила внешний вид челобитной, но в формулировке некоторых требований появилась категоричность, нарушавшая прежний смиренный тон⁹⁹.

Между тем, содержание петиции стало известно властям. Министр юстиции Н.В. Муравьев пригласил Гапона к себе, и тот после некоторых колебаний около 6 час. вечера пришел в министерство. «Скажите мне откровенно, что все это значит?» — спросил меня министр, когда мы остались одни, — писал Гапон. — Я, в свою очередь, попросил его сказать мне откровенно, не арестуют ли меня, если я буду говорить без опаски. Он как будто смутился, но затем, после некоторого размышления, ответил “нет” и затем торжественно повторил это слово. Тогда я рассказал ему об ужасных условиях, в которых находятся рабочие и народ в России... При этом я вручил

ему копию нашей петиции... Я был очень удивлен, когда Муравьев сказал мне, что у него уже есть такая копия. Взяв мою, он внимательно просмотрел ее и затем простер руки с жестом отчаяния и воскликнул: “Но ведь вы хотите ограничить самодержавие!” “Да, — ответил я, — но это ограничение было бы на благо как для самого царя, так и его народа...” Муравьев изменился в лице, слушая меня, но затем внезапно встал, простер руку и, отпуская меня, сказал: “Я исполню свой долг”. Когда я спускался по лестнице, меня поразила мысль, что эти загадочные слова могли иметь только тот смысл, что он поедет к царю посоветовать стрелять без колебания»¹⁰⁰.

Это свидание было моментом истины, как для властей, так и для Гапона. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов позднее писал, что «это движение застало полицию врасплох. И в Департаменте и в градоначальстве все были растеряны. Гапона считали своим и поэтому не придавали забастовке большого значения. Когда потом спохватились, было уже поздно»¹⁰¹. Вечером 7 января на совещании у Мирского Муравьев удивил присутствующих рассказом о том, что Гапон, оказывается, «убежденный до фанатизма социалист... говорит, что собственно рабочий вопрос пустяки, что они только придрались к этому, а главное — политика». Фуллон предложил немедленно арестовать Гапона, но Мирский отнесся к этому предложению отрицательно, опасаясь возбудить недовольство рабочих. Решено было принять меры безопасности и вызвать в столицу дополнительные воинские подразделения. Ближе к ночи Фуллон вызвал командира гвардейского корпуса князя Васильчикова и поручил ему расставить войска в ключевых пунктах¹⁰².

После беседы с Муравьевым Гапон приехал на митинг, где он читал рабочим петицию и объяснял появление требования о созыве Учредительного собрания. По словам председателя Нарвского отдела Янова, он говорил о негодности чиновников для решения дел, которых они не понимают, стоя далеко от народа, — то есть повторял аргументы «освобожденцев». Гапон говорил вдохновенно. «Это выступление Гапона сопровождалось необыкновенным даже в те дни подъемом в среде слушателей, порой доходившим до невероятной, религиозной экзальтации», — вспоминал один их эсеровских вожаков В. Гончаров¹⁰³. Затем Янов вместе с Васильевым и Петровым проводили его до квартиры Петрова, где они увидели переделывающего петицию Матюшенского. «Когда здесь была прочитана петиция в окончательном ее виде, — говорится в показаниях Янова, — то я, Васильев и Петров начали было заявлять, что такие требования не могут исходить от рабочих, но Гапон не дал нам распространяться и раздраженно сказал: “Не суйтесь с лишними советами, у меня своя определенная программа, дайте идти делу своим порядком”»¹⁰⁴. Этот эпизод показывает, что даже верные Гапону «штабные» были возмущены, когда, наконец, увидели петицию целиком, но Гапон не считался с их мнением.

В ночь на 8 января на квартире Петрова состоялась встреча Гапона с вождями социал-демократов и эсеров (он просил о такой встрече еще в четверг). Сначала Гапон разговаривал с представителями меньшевистской «группы при ЦК»: С.И. Сомовым, Г. Людвигом и «оратором Андреем»¹⁰⁵. Об этой встрече сообщала «Искра»: «Гапон зая-

вил: “У меня сто тысяч рабочих. Все пойдут на площадь со мной во главе. Если пропустят меня и депутацию рабочих к царю, мы все изложим и попросим свободы. Если он испугается и захочет обмануть, клятву с него возьмем перед всем народом и потребуем в виде гарантии 8-часового рабочего дня с той же платой, что и за 10 часов”. Гапон производил впечатление симпатичного, но малосознательного человека, не вполне понимающего, куда и на что он идет. Если, говорит он, не допустят в город, то прорвем заставы и дальше идем мирно. Если будут стрелять, разобьем оружейные магазины, зайдем телефон, телеграф... Разговор с Гапоном продолжался долго. Решили действовать дружно, мирно. Идти сначала все без песен, без знамен, без речей, но после первого же нападения всем развязывались руки: речи, знамена, сопротивление»¹⁰⁶. «На самом деле мы не высказывали своего отношения к хождению к Зимнему дворцу, а занимались больше “интервьюированием” Гапона, — вспоминал С.И. Сомов. — В тот вечер он вполне верил, что народ будет допущен к Зимнему дворцу... Мы, однако... сказали ему, что мы предвидим кровавый оборот движения, и, по-видимому, нам удалось несколько поколебать его оптимизм»¹⁰⁷.

Когда ушли меньшевики, Гапон разговаривал с эсерами (рабочий Кирюшин, студенты Мухин и Кауфман). Как передавал Гончаров, «Гапон задал вопрос: “А есть ли бомбы и оружие у социал-революционеров?” На уклончивый ответ, что если понадобится, то найдется, Гапон начал разворачивать картину завтрашнего шествия. Он настаивал, чтобы партийные люди были с оружием в рядах шествия и следили за ним, Гапоном. Если его около дворца остановят и не пропустят к царю, он даст знак белым платком — крути, ломай телеграфные столбы, деревья и все, что попадет под руку, строй баррикады, бей жандармов. “Тогда, — говорил Гапон, — не петиции будем подавать, а революцией будем сводить счеты с царем и капиталистами”»¹⁰⁸.

Известно, что помимо меньшевиков и эсеров с Гапоном (через посредство Рутенберга) изъявили желание встретиться большевики. Но Гапон не поехал на эту встречу: он знал, что их агитаторы жестоко критикуют его на митингах¹⁰⁹. Как сообщал корреспондент «Революционной России», «агитаторы комитета с.-д., с которыми мне пришлось иметь дело, совершенно не понимали психологии массы. 7-го, кажется, они все еще продолжали усиленно и самоуверенно твердить, что раньше всего будут “стараться вырвать движение из рук Гапона”»¹¹⁰.

Из сведений о переговорах в ночь на 8 января несомненно вытекает, что инициатива привлечения социал-демократов и эсеров к участию в шествии принадлежала Гапону. Правда, план «политического революционера» был очень похож на провокацию: дело могло окончиться тем, что Гапон подставит под расстрел и рабочих, и эсеров, и социал-демократов. С точки зрения партийцев, акция была абсолютно неподготовленной. Не хватало главного: оружия, чтобы в случае худшего исхода сопротивляться полиции и войскам. Но Гапон надеялся на лучший исход. Ведь он планировал не демонстрацию, а «крестный ход» с подачей верноподданнической «челобитной». «Мы поднимем иконы, — говорил он Матюшенскому, — возьмем портреты царя и с пением “Спаси Господи люди твоя”... пойдём...»¹¹¹.

Примечания

1. ФИЛИППОВ А. Странички минувшего. I. Несколько слов о Гапоне. — Новый Журнал для Всех. 1913, № 6, с. 113.
2. ФЕЛИКС Г.А. Гапон и его общественно-политическая роль. СПб. 1906, с. 27.
3. ЕРМАН Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М. 1966, с. 45.
4. ГАПОН Г. История моей жизни. Л. 1926, с. 104.
5. Протокол первого допроса А.М. Горького в связи с его участием в событиях 9 января 1905 года. — Исторический архив. 1955, № 1, с. 99.
6. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 83; ВАРНАШЁВ Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией. — Историко-революционный сборник. Т. 1. М.-Л. 1924, с. 203.
7. КАРЕЛИН А.Е. 9 января и Гапон. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 111.
8. ПОТИФАРОВА М., ДВУШЕВ Ф. Был ли Гапон провокатором? — Советский музей. 1990, № 4, с. 42.
9. ЛЕБЕДЕВ В. Перед девятым января. К смерти П.М. Рутенберга. — Новое русское слово. Н.-Й. 1942, № 10 551, с. 2.
10. САВИНКОВ Б.В. Избранное. М. 1990, с. 86.
11. ЛЮБИМОВ Д.Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории. 1965, № 9, с. 114.
12. ГОРЬКИЙ А.М. Поп Гапон. Архив А.М. Горького. Т. VI. М. 1957, с. 19.
13. МСТИСЛАВСКИЙ С. Отрывки о пятом годе. — Каторга и ссылка. 1928, кн. 39, с. 8.
14. ЛЕБЕДЕВ В. Ук. соч., с. 2.
15. ХАЗАН В.И. Пинхас Рутенберг. Иерусалим-М. 1998, с. 124.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 19об.
17. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. Документы и материалы. М. 1975, с. 8.
18. СВЕРЧКОВ Д. На заре революции. Б.м. 1921, с. 53
19. БЕРЕНШТАМ В. 9 января. По воспоминаниям политического защитника. — Суд идет. 1925, № 1, ст. 27; ГРИБОВСКИЙ В.М. Загадочные документы Гапона (из личных воспоминаний). — Исторический вестник. 1912, № 3, с. 955—961.
20. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 82.
21. Рабочее движение в городах и деревнях. — Революционная Россия. 1905, № 60, с. 18; Искра. 1905, № 85, с. 4.
22. ПАВЛОВ И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. 1908, кн. 4, с. 89.
23. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 81.
24. ПЕТРОВ Н.П. Записки о Гапоне. Ч. 1. — Всемирный Вестник. 1907, №1, с. 51.
25. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., с. 91.
26. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. М. 1955, с. 16—18.
27. РУТЕНБЕРГ П.М. Убийство Гапона. М. 1990, с. 18.
28. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., кн. 3, с. 43.
29. ГУРЕВИЧ Л. Я. Девятое января. Харьков. 1926, с. 84, прим. 22.
30. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 51.
31. Революционные дни. — Вперед. 1905, № 4, с. 1.
32. Искра. 1905, № 84, с. 2.
33. Рабочее движение в городах и деревнях, с. 19; ЛЕМКЕ М. 9 января 1905 г. (Листок дневника). — Красная летопись. 1922, № 1, с. 121.
34. ЛЕМКЕ М. Ук. соч., с. 120.
35. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., кн. 4, с. 90.
36. ГА РФ, ф. 102. Д-7. 1905, оп. 202, д. 138, л. 24.
37. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Гапон и мой антихрист. Благовещенск. 1917, с. 9.
38. На заводах. — Наши дни. 1905, № 18, с. 4.
39. ГА РФ, ф. 102. Д-7, 1905, оп. 202, д. 138, л. 24.
40. Там же, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1, л. 19.
41. Рабочее движение в городах и деревнях, с.18.
42. Революционные дни, с. 1.
43. Искра. 1905, № 84, с. 2.

44. ЛЮБИМОВ Д.Н. Ук. соч., с. 125.
45. Протокол допроса С.Я. Стечкина. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 327.
46. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 28.
47. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 83.
48. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 14.
49. Там же.
50. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 83.
51. ВАРНАШЁВ Н.М. Ук. соч., с. 203.
52. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 42.
53. ГА РФ, ф. 102. ДП. Д-7. 1905, оп. 202, т. 1, д. 138, л. 36об.
54. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 28.
55. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 5.
56. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 9.
57. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 114—115.
58. СВЯТЛОВСКИЙ В. Профессиональное движение в России. СПб. 1907, с. 88—89.
59. ПОТОЛОВ С.И. Георгий Гапон и российские социал-демократы в 1905. К вопросу о союзниках и союзах в первой русской революции. В кн.: Социал-демократия в российской и мировой истории: обобщение опыта и новые подходы. М. 2009, с. 224—239.
60. ГУРЕВИЧ Л.Я. Девятое января. Харьков. 1926.
61. ГАНЕЛИН Р.Ш. К истории текста петиции 9 января 1905 года. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. XIV. Л. 1983, с. 229—262.
62. Цит. по: ВЕНЕДИКТОВ Д. Григорий Гапон. М. 1931, с. 18.
63. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 278, оп. 1, д. 5, л. 12.
64. СПИРИДОВИЧ А.И. Революционное движение в России. СПб. 1914, с. 77.
65. А.С. (С.А. РАПОПОРТ). Георгий Гапон. — Русское богатство. 1909, № 1, с. 180.
66. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 114—115.
67. СВЕРЧКОВ Д. Ук. соч., с. 53.
68. Искра. № 84, 18.I.1905, с. 2.
69. САВИНКОВ Б.В. Ук. соч., с. 205.
70. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 113—114.
71. НЕВСКИЙ В. Январские дни в Петербурге. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 22.
72. ПАЙПС Р. Струве: левый либерал. 1870—1905. М. 2001, с. 522.
73. ПУШКАРЁВА И.М. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. (неучтенные альтернативы начала революции). — Труды Института российской истории РАН. 2008, № 7, с. 90.
74. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 84.
75. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 28.
76. СИМБИРСКИЙ Н. Правда о Гапоне и 9-м января. СПб. 1906, с. 72.
77. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 114—115.
78. ШИЛОВ А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года. — Красная летопись. 1925, № 2, с. 30—31.
79. Рабочее движение в городах и деревнях, с. 18; Искра. 1905, № 85, с. 4.
80. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 82.
81. События в Петербурге 9—11 января (от члена местной группы при Ц.К.). — Искра. 1905, № 86, с. 2.
82. АВЕНАР Э. Кровавое воскресенье (9 января). Харьков. 1925, с. 76.
83. Там же.
84. СИМБИРСКИЙ Н. Ук. соч., с. 71.
85. Там же.
86. Начало первой русской революции, с. 24.
87. Там же, с. 23.
88. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4. ч. 1, л. 25—27.
89. РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 66, л. 25.
90. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., кн. 4, с. 91.
91. Там же.

92. ПОТОЛОВ С.И. Григорий Гапон и либералы (новые документы). В кн.: Россия в XIX—XX вв. СПб. 1998, с. 96—100.
93. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 76—78.
94. ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М. 1985, с. 315.
95. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 72об., 85.
96. Там же, л. 76—78.
97. ЛЕМКЕ М. Ук. соч., с. 120.
98. СВЕРЧКОВ Д. Ук. соч., с. 57; БЕРЕНШТАМ В. Ук. соч., ст. 24.
99. ШИЛОВ А. Ук. соч.
100. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 86—87.
101. ГЕРАСИМОВ А.В. На лезвии с террористами. Paris. 1985, с. 25.
102. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. — Исторический архив. 1965, т. 77, с. 273.
103. ГОНЧАРОВ В. Январские дни 1905 года в Петербурге. — Каторга и ссылка. 1932, № 1, с. 153.
104. Протокол допроса В.А. Янова, с. 319.
105. ЛЮДВИГ Г.-Б. Гапоновские дни. Личные воспоминания участника. — Новое русское слово. Нью-Йорк. 1942, № 10 594, с. 2; ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 50—51.
106. Искра. 1905, № 85, с. 4.
107. СОМОВ С.И. Из истории социал-демократического движения в Петербурге в 1905 году. — Былое. 1907, № 4, с. 38.
108. ГОНЧАРОВ В. Ук. соч., с. 154.
109. Начало первой русской революции, с. 9.
110. Рабочее движение в городах и деревнях, с. 19.
111. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 23.

Отечественная военная пресса о японском шпионаже (1903—1914 гг.)

В.О. Зверев

В отличие от мало изученной истории английской, австрийской и китайской разведывательных служб, действовавших против России в начале XX в., о японской разведке в современной историографии сказано довольно много. После распада советского государства и вплоть до настоящего время были опубликованы многочисленные труды, авторы которых исследовали различные аспекты функционирования японской агентуры в преддверии, во время Русско-японской войны и в последовавший за ней межвоенный период¹.

Обобщив и проанализировав теоретический опыт, мы предприняли попытку воспользоваться практически не задействованным в научном обороте документальным ресурсом — сообщениями средств периодической печати — и посмотреть на проблему японского шпионажа глазами журналистов и редакторов (пусть и состоявших на военной службе).

Начнем с утверждения о том, что такой профессии как военная журналистика в самодержавной России не существовало. Все теоретические труды в военных газетах и журналах о японских шпионах готовились не штатными публицистами, а кадровыми военнослужащими. Представители старшего и высшего офицерского состава армии, произведения которых носили частный характер, нередко имели боевой опыт и специализировались в конкретной области военного знания (в том числе, в войсковой и агентурной разведке).

Как военные авторы, условно делившиеся по принципу освещения этнической и географической специфики деятельности той или иной разведслужбы, действовавшей против России (в условиях мирного времени или в обстановке войны), так и военно-периодические издания и их редакционные коллегии имели градацию по профессиональным задачам, территориальной близости к потенциальному противнику и целевой аудитории. Например, первая в стране военная газета «Русский инвалид» (в 1913 г. ей исполнилось 100 лет) и журнал

Зверев Вадим Олегович — кандидат исторических наук, доцент Омской академии МВД России.

«Военный сборник» (их общее редактирование осуществлялось под руководством генерал-майора Беляева), имели единый девиз: «Все-сторонняя разработка военного дела в России и за границей». Издавались они в Санкт-Петербурге, и в число их читателей попадало не только офицерство, но и немалая часть просвещенного общества.

Совершенно иной статус, не знавший аналогов в истории российской прессы, имели такие журналы, как «Военное дело за границей» (до 1910 г. — «Сведения из области военного дела») и «Китай и Япония. Обзор периодической печати». Их объединяло концептуальное предназначение, смысл которого скрывался во фразе: «Изучение и знание своего противника — важнейший залог успеха в современной войне». Они тиражировались при штабах приграничных военных округов — Варшавского и Приамурского. Подборкой (переводом) и публикацией материалов по историческим и актуальным проблемам немецкого и японского шпионажа на их страницах занимались не квалифицированные редакторы, а кадровые разведчики, по совместительству работавшие на этих должностях². Единственным же различием было то, что первый из журналов был покупаем широкими читательскими массами, а со вторым могла познакомиться лишь узкопрофильная категория лиц: подписка на журнал принималась «исключительно от войсковых частей, учреждений и военнослужащих»³.

Судя по ведомственной принадлежности названных органов периодики и имевшемуся у них доступу к информации для служебного пользования можно сделать закономерные выводы: газетно-журнальные новости о японском шпионаже были редкими, лаконичными и, скорее всего, подвергавшимися предварительной цензуре. Они поступали в редакции официальных издательств не только от частных лиц (военных авторов), но и от государственных органов — разведывательных отделений Главного штаба (с 1906 г. Главного управления Генерального штаба) и военных округов, причем сведения из армейских структур, которые непосредственно вели борьбу со шпионами или занимались ее организацией, претендовали на документальную точность.

В 1903 г. в листке «Изборник разведчика. Бесплатное приложение к журналу “Разведчик”» появилась статья штабс-капитана Бурского «Японская армия». В ней автор, побывавший годом раньше в качестве слушателя Института восточных языков на «разговорной практике» в Японии, делился новостями, полученными от военного атташе при русском посольстве о ее центральном военно-управленческом аппарате. Со ссылкой на полковника Генерального штаба Г.М. Варнавского, он писал, что Военное министерство Японии состоит из канцелярии и 6 департаментов или отделов. В частности, Отдел общих дел, возглавляемый генерал-майором (он же товарищ военного министра), включает в себя два подразделения — Отделение общих дел и Отделение секретов. Последнее «ведает секретными бумагами, офицерами, командированными за границу, военно-статистическим отделом Японии, переводами со всех иностранных языков»⁴. Кроме того, Бурский обращает внимание своих читателей и на другое особое ведомство, но уже в составе Главного штаба. Из шести его отделений «3-е ведает изучением военного дела за границей, изучает возможные театры войны, ведет военную статистику. Начальником является генерал-лейтенант или генерал-майор»⁵.

Под непосредственным руководством разведывательной службы своего военного ведомства в преддверии войны с Россией на Дальнем Востоке японцы организовали широкую агентурную сеть в Корее, Маньчжурии и вдоль русского побережья Тихого океана. Этот тезис находит обоснование у автора статьи «Японское шпионство»⁶. Некто «М.Г.», вспоминая в своем труде систему японского шпионажа против России (примерно с 1900 по 1903 гг.), приводит следующие факты:

— во все пункты, имеющие значение в военном отношении, были посланы агенты под видом купцов, приказчиков, парикмахеров. Это были по большей части ловкие люди из бывших унтер-офицеров и солдат, прослуживших не один год в строю. Их обязанность состояла в следующем: изучение разговорной речи, близкое ознакомление с местными жителями, топографическими и климатическими условиями окружающей среды;

— Цицикар, Харбин, Владивосток, Ляоян, Мукден и некоторые другие большие города были распределены на «участки с отдельным для каждого участка лазутчиком»;

— агенты были обязаны ежегодно предоставлять в «разведочное бюро», находившееся в Токио (вероятно, речь идет о вышеупомянутых органах Военного министерства), подробные отчеты. Они включали точные описания населенных пунктов с фотографическими видами, заметки о климате, характеристику местных жителей, влиятельных чиновников, купцов, а также численность жителей, количество домов, колодцев, скота, качество фуража, состояние дорог и т. п.

Итак, незадолго до начала Русско-японской войны, прежде всего военнотружущие русской армии, а вместе с ними и гражданские лица (читатели «Разведчика») могли сложить первичное представление о довоенной разведывательной структуре Военного министерства Японии. Она, с нашей точки зрения, в большей степени отличалась единообразием и параллелизмом решаемых актуальных и потенциальных задач. Одновременная организация заграничных поездок и изучения военного дела в иностранных государствах посредством чтения их периодических изданий и других литературных источников способствовала лишь неэффективному расходованию казенных средств и дополнительному обременению офицеров-разведчиков.

Помимо вышеуказанного сообщения о системе японского шпионажа против России, продублированного в № 79 авторитетного издания «Русский инвалид» от 5 апреля 1908 г. (что подчеркивает его своевременность и важность), во всеобщем доступе оказалась не менее содержательная и поучительная статья «Разведка и шпионаж»⁷. Ее автор, капитан французской службы (переводчик-составитель данной публикации А. Бенкендорф), построил свое повествование на анализе некоторых событий периодов последних войн: Русско-японской 1904—1905 гг. и Франко-прусской 1870—1871 годов. К какому итогу он пришел? Во-первых, он засвидетельствовал размах превентивных военно-разведывательных мероприятий японцев, описанных «М.Г.» в работе «Японское шпионство». Действительно, перед началом войны с Россией генерал Фукушима, помощник начальника штаба маршала Оямы, составил план войны, «основанный всецело на донесениях шпионов, которыми он предварительно наводнил Маньчжурию. Еще гораздо раньше японские офицеры под видом купцов, коми-вожатых, па-

рикмахеров и т.п. собирали необходимые сведения на театре военных действий и, кроме того, завязывали солидные связи с жителями...»⁸. И, во-вторых, иностранный автор, одним из первых в русской литературе обратился к феномену преемственности между немецкой и японской спецслужбами. Доказывая, что японцы были «достойными учениками немцев», он приводил практику становления разветвленной шпионской сети немцев во Франции в преддверии вооруженного столкновения с ней. «Немцы уже задолго до 1870 г. имели своих людей в восточных городах Франции, в Париже, на севере в Бургоне и на Луаре. С объявлением войны эти лица объявили, что не смеют, как беглецы вернуться в Германию, или же выдавали себя за эльзасцев и таким образом остались в стране, откуда сообщали сведения»⁹.

Этот опыт был не единственным примером того, что сумели позаимствовать у немцев японские военные. Французский офицер ссылается еще на один прием, взятый ими на вооружение. Во время войны с Францией, немецкие разведчики «задерживали местного жителя, имеющего жену и детей, приставляли к нему ловкого человека, если можно офицера, переодетого лакеем. Затем этого жителя отправляли в расположение противника, предупредив его, что если он не вернется, то его жена и дети будут казнены. Житель проникал туда под каким-нибудь предлогом, его же мнимый лакей собирал сведения»¹⁰.

Японцы не только расширили свои познания в тактике шпионажа, но и придали немецкой идее более суровый вид: они «отбирали у китайских семей отцов или сыновей, причем отца оставляли заложником, а сыновей отправляли шпионить. В случае невыполнения задач, отца казнили»¹¹.

Во время военного столкновения в Маньчжурии Военное министерство Японии опиралось не только на передовые достижения в области разведки, заимствованные у некоторых европейских армий, но и прибегало к собственным нововведениям. Как следует из секретного циркуляра № 131 Секретного отделения Департамента полиции МВД от 11 июня 1905 г. на имя губернаторов, градоначальников и Варшавского обер-полицмейстера, в японской газете «Осанна Майници-Симбун» от 15—28 декабря 1904 г. была размещена заметка о том, что редакцией этой газеты командирован в Россию американец с целью изучения ее экономического состояния. Причем исполняющий обязанности директора департамента П. Рачковский не просто информировал своих подчиненных, а предписывал им в случае обнаружения указанного американца учредить за ним наблюдение (эта риторика косвенно указывала на имевшиеся у политической полиции основания подозревать журналиста в связях с японской разведкой)¹².

Итак, спустя три года после окончания Русско-японской войны в отечественной военной прессе появились первые сообщения, проливающие свет на существование «тайного фронта» в дальневосточном регионе незадолго до и во время вооруженного столкновения на маньчжурском театре военных действий. Читатели не только узнали о географии японского шпионажа и поняли, какие сведения представляют военный интерес для противника, они задумались о таких профессиональных способностях шпионов, как лицемерие и умение перевоплощаться. Новость о заимствовании «азиатами» европейского

опыта ведения разведки и использовании европейцев в достижении целей шпионажа подвигала к мысли об универсальном (межгосударственном) характере этого явления, не знающем ни национальных границ, ни естественных преград.

Все приобретения и национальные разработки в военной области (в том числе, по части разведывания), а также практику их применения и результаты японцы длительное время хранили в строжайшем секрете. Со ссылкой на немецкую газету «*Danzers Arme-Zeitung*», редколлегия журнала «Сведения из области военного дела», а вслед за ней и коллеги из «Разведчика», рассказывали, что в 1906 и 1907 гг. военный министр Японии генерал-лейтенант Тераучи издал приказы о запрете разглашения военного опыта, полученного в ходе Русско-японской войны ¹³.

Несмотря на свою блистательную победу над русской армией и флотом, японцы не прекратили обследование России в разведывательном отношении. В послевоенном Приамурье они прибегли к уже известной тактике организации визуальной разведки, апробированной ими в предшествующие годы (она упоминалась в вышеприведенной статье «Японское шпионство»). Мы не будем останавливаться на ее рассмотрении, так как в научной литературе сформулировано обстоятельное мнение о скрытой японской угрозе, исходившей от содержателей публичных домов и курилен опиума, владельцев прачечных и парикмахерских, мелких лавочников ¹⁴.

Наряду с пригодившимся опытом японская разведка прибегла к новому приему, осуществимому лишь в мирных условиях добрососедства. Он заключался в сборе военных сведений под прикрытием рыболовства у российского побережья Тихого океана. 21 января 1909 г. в своем письме за № 735 приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в очередной раз с обеспокоенностью сообщал премьер-министру П.А. Столыпину о том, что «...японские рыбопромышленники на нашем Дальневосточном побережье, без всякого сомнения, попутно занимаются изучением страны» ¹⁵.

Привлекательность Приамурского края (прежде всего, Приморья) была обусловлена его обороноспособностью (фортификационные сооружения и др.). Особого упоминания заслуживает крепость Владивосток. Из стенографического отчета 124-го (закрытого) заседания Государственной думы от 31 мая 1910 г. следует, что в случае начала учебных артиллерийских стрельб из данного форпоста, «японские рыбаки выезжают, будь это днем или ночью, для рыбной ловли и наблюдают за действием снарядов» ¹⁶.

Процесс военного знакомства японцев с дальневосточными берегами (в частности, с северными уездами Камчатской области) под видом коммерческой (рыболовецкой) деятельности нашел свое подтверждение в статье Л. Болховитинова, опубликованной на страницах журнала «Военный сборник» ¹⁷. Автор обратил свое внимание на несколько важных организационных и тактических аспектов:

— число японцев, проживающих в областях русского Дальнего Востока, «не велико, 10 тыс. душ мужского и женского пола»;

— японцы не только добывают биоресурсы у российских берегов, но и занимаются шпионажем. В районе одного из Курильских проливов (на острове Шумша) они организовали «базу для всяких опера-

ций против русского севера»: образовали поселок и соорудили радиотелеграфную станцию;

— «каждая группа японских шхун, отправляющаяся для рыбных промыслов к русским берегам, обязана предоставить подробное описание своих рыболовных участков побережья и прилегающей к ней страны. При этом два лучших описания, составленных данной группой судов, награждаются особой премией, взимаемой в виде штрафа с двух шхун той же группы, представивших худшие описания»¹⁸.

Закономерным результатом акцентированного интереса военно-разведывательного ведомства Японии к прибрежным территориям стали заметки в отечественной военной прессе. «Властями задержано несколько переодетых в рыбацкие костюмы японцев, — находим в очередном номере издания «Китай и Япония. Обзор периодической печати» за 1910 г., — у которых оказались фотографические аппараты и наброски местностей. Вдоль океанского побережья ходят китайские шаланды, на которых находятся одетые в военную форму японцы...»¹⁹.

Помимо дальневосточного региона, отличавшегося территориальной близостью к Японии, в перечень профессиональных ориентиров ее разведывательной службы попали и некоторые местности Сибири, инфраструктура которых имела военно-стратегическое назначение. Здесь, судя по находящимся у нас малоизвестным архивным материалам, японское политическое и военное руководство настойчиво отслеживало ход строительства Амурской железнодорожной магистрали. Приведем лишь некоторые тому доказательства. В начале 1907 г. разведка Омского военного округа доносила, что 12 января «из порта Пуруги выезжают через Владивосток в Санкт-Петербург командированные японским правительством инженер путей сообщения Фурукова и инженер капитан Шидзума»²⁰. В отличие от ожидаемого приезда японских специалистов, маршрут следования которых остался загадкой (хотя гипотетически он мог пролегать и через восточносибирский участок сооружаемой Амурской железной дороги), в следующем официальном документе уже просматривается конечный пункт прибытия иностранцев и их вероятные шпионские намерения. Из зашифрованной телеграммы № 56 903 Иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова на имя П.А. Столыпина от 25 июля 1909 г. видно, что японский консул в Харбине Каваками в сопровождении трех лиц собирается предпринять поездку по Забайкалью с целью знакомства с постройкой Амурской железной дороги²¹. Спустя месяц, как следует из новостей газеты «Новая Русь», в том же направлении и с той же целью выехала группа японских инженеров, «командированных... японским правительством»²².

Эти сообщения приводят к трем заключениям. Первое. Принимавшие некоторое единообразие (по форме и профилю направленности) визиты были проявлениями «инженерно-технического туризма», то есть легального посещения иностранного государства для сбора несекретных сведений о нережимных объектах обороной инфраструктуры (линии железнодорожных передач, железнодорожные мосты, вокзалы и пр.). Причем, с юридической точки зрения, подобная профессиональная мобильность иностранцев в России не противоречила нормам ее уголовного законодательства в сфере борьбы со шпионажем.

Второе заключение. Интенсивность и целенаправленность обследования Амурского железного пути, соединявшего малозаселен-

ную и слабо защищенную восточную окраину России с ее европейской частью, была вызвана желанием военного ведомства Японии проанализировать ее пропускную способность, что позволило бы спрогнозировать примерное количество армейских эшелонов, способных за расчетную единицу времени прибыть на конкретную станцию предполагаемого дальневосточного театра военных действий. А сумма эшелонов (вагонов), в свою очередь, могла дать точные данные по ожидаемой численности воинских частей, артиллерии, боеприпасов и тылового имущества. Это помогало оценить объективные преимущества в живой силе и вооружениях враждующих сторон задолго до их фактического столкновения на полях сражений и шансы каждого из противников на победу.

И третье заключение. Содержание новостной заметки издания «Новая Русь», по всей видимости, создало прецедент во взаимоотношениях государства и прессы. В то время как русская разведка (при Главном управлении Генерального штаба и штабах 12-ти военных округов), как утверждает Н.В. Греков²³, скептически относилась к возможности получения интересных сведений об иностранном шпионаже из газет, высшая исполнительная власть в лице П.А. Столыпина имела противоположное мнение. Премьер-министр не только ежедневно знакомился со столичной прессой, следил за отношением общественности, в том числе, к злободневным военным вопросам, но и прислушивался к некоторым из ее авторов, а, порой, незамедлительно реагировал. Публикация в «Новой Руси» о целевой (скорее разведывательной) командировке в Амурскую область японских инженеров стала поводом для его переписки с министром путей сообщения. Из ответного письма министра С.В. Рухлова № 14 948 от 24 сентября 1909 г.²⁴ видно, что, во-первых, информация репортеров подтвердилась, и указанные лица действительно в августе проезжали на пароходе по рекам Амур и Шилка, но «в районе линии не были». Во-вторых, к их предстоящему приезду, если верить сообщению инженера Подруцкого (подчиненный Рухлова), отнеслись с не меньшей степенью серьезности. Являясь руководителем строительства западной части Амурской железной дороги, он распорядился о недопущении на линию постройки японских визитеров. А так как эта реакция имела место заблаговременно — в июне месяце — можно догадаться, что ее побудителем были не столько петербургские газеты (которые, кстати, читали и в удаленных регионах страны), сколько местная пресса. При этом серьезные новости, в частности, о предполагаемом японском шпионаже (допускаем, что их первоисточником могли быть жандармы или военные) становились для наиболее ответственных государственных чиновников сигналом для принятия решительных контрмер.

Однако столь энергичные действия представителей высшего и местного уровней исполнительной власти, на наш взгляд, носили эпизодический характер и касались обеспечения безопасности отдельно взятого глобального проекта в силу его дороговизны, масштаба и ориентированности на решение военно-стратегических задач за Уралом. Другие очевидные угрозы, источником которых было все то же Военное министерство Японии, в данном случае, «военный туризм» — слабо контролируемое курсирование иностранных (японских) офицеров, прибывших в Россию, якобы, с целью изучения ее

языка, истории, культуры — не привлекали столь пристального внимания со стороны государства и оставались в компетенции военных. Судя по секретной телеграмме из разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба военным и жандармам Омска с просьбой организовать негласный надзор за лицами, подозреваемыми в причастности к шпионажу в пределах округа, только 13 апреля 1907 г. из Японии в Харбин, Иркутск и Европейскую Россию выехали четыре офицера: Морихару, Шикий, Кимнимичи, Такаяма²⁵.

В Омском историческом архиве мы обнаружили и более убедительный пример, свидетельствующий об использовании японцами практики «военного туризма» в отдельных сибирских городах. По данным которыми располагал штаб Омского военного округа, 20 июля 1908 г. из Благовещенска в Иркутск на пароходе «Сибирь» выехал капитан японского Генерального штаба Фукуда (он же Фукумадза). Будучи офицером для поручений при японском Главном штабе, он был командирован во Владивосток с целью изучения русского языка и «ведения разведки в пределах России»²⁶.

11 июля 1908 г. в городах Верхнеудинск, Троицкосавск и Кяхта японский офицер (как выяснилось впоследствии — полковник японской армии) под видом торговца нижним бельем осуществлял разведку. Из письма Директора Департамента полиции МВД С.Е. Виссарионова № 135 983 от 17 сентября 1909 г. на имя временно исполняющего должность начальника Генерального штаба Ф.Н. Добрышина следует, что японец имел при себе толстую записную книжку, географическую карту и подозрную трубу. От местного населения он узнал ценные сведения о расположении войск в Забайкальской области: «в Троицкосавске находятся 18-й и 28-й Сибирские стрелковые полки, с 6-ю тысячами солдат и 3-я батарея; всего в области 100 тысяч войск пехоты с положенным числом орудий»²⁷.

Не меньшую научную ценность (в смысле дополнительного признания правдоподобности приведенных выше архивных данных о специфике японского шпионажа) представляют результаты наблюдений филеров Омского жандармского управления. Как следует из их ежедневных «Сведений» — рукописных отчетов о проделанной работе — в первой половине 1914 г. в разработке управления по Омску находились японские подданные (возможно военнослужащие). Уличенные в подозрительных связях с владельцами местных прачечных и парикмахерских, а также замеченные в приобретении открыток с видами Иркутска и использовании фотографического аппарата, они (проходившие в отчетах под кличками «Мех», «Клин», «Синий», «Ходок» и пр.) немедленно регистрировались как потенциальные шпионы²⁸.

Другим документальным обоснованием нашей версии о так называемом военном туризме является следующее ведомственное сообщение. 25 июня 1914 г. 9-е отделение (контрразведка) Департамента полиции МВД России уведомило всех начальников жандармских управлений и охранных отделений о применении иностранными разведками нового способа шпионажа — туризма. Иностранные туристы, как вытекает из циркуляра, под видом пешеходов, совершали кругосветные путешествия «на пари» и тщательно обследовали важные в стратегическом отношении местности. Причем условием такого пари являлось «не только передвижение пешком, но и отсутствие денеж-

ных средств, с получением таковых лишь от продажи собственных фотографических карточек»²⁹.

Эта информация вызвала предположение, что, с одной стороны, главными действующими лицами («туристами») были люди физически выносливые, психологически устойчивые, способные безошибочно определить степень важности военно-оборонительных сооружений, военно-топографическое значение естественных препятствий (допустим, на участках высадки десанта) и пр., то есть принадлежали к числу кадровых военных. С другой стороны, если контрразведчики Департамента полиции отождествляли данный способ военного шпионажа с деятельностью всех иностранных разведывательных служб, ориентированных против России, значит, он мог быть в полной мере соотнесен с работой каждой из них в отдельности. Отсюда следует, что японская разведка, как одна из сильнейших спецслужб не только в Азии, но и в Европе, с большой степенью вероятности прибегала к «военному туризму» в процессе исследования своего ближайшего противника на континенте.

Дополнением к всестороннему профессиональному изучению России в военном отношении в условиях мирного времени было описание различных сторон ее жизни усилиями откомандированных японских репортеров. По мнению автора заметки «Японская пресса и русский Дальний Восток», имя которого осталось неизвестным, на страницах газет Токио и Осака находили себе место статьи о России «политико-экономико-статистические; этно-, гео- и картографические, а также переводы беллетристических новинок, почти всегда с фотографиями и чертежами»³⁰. Всестороннее и точное информирование предполагало не только расширение и углубление знаний образованных японцев о вероятном противнике, но и поддержание их геополитических амбиций, а также стимулирование враждебности и милитаристских настроений.

Таким образом, в преддверии первой мировой войны (по убеждению некоторых военачальников и государственных деятелей, таких как военный министр В.А. Сухомлинов, генерал-губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергеб и др., предстоящее вооруженное столкновение следовало ожидать не на западном, а на восточном направлении) количество полноценных статей и заметок о японском шпионаже заметно возросло. По сравнению с тремя публикациями, освещавшими шпионскую деятельность японцев с 1900 по 1905 гг. (причем ни одна из них не датировалась военным временем), в послевоенный период в военной и гражданской периодике мы обнаружили три статьи по рассматриваемой тематике и семь заметок о задержании агентов японской разведки в городах России.

Представленный печатный материал не только познакомил целевую аудиторию с актуальной проблемой послевоенного шпионажа японцев, но и помог сделать два вывода: Япония не удовлетворилась условиями Потрстмутского мирного договора и с не меньшей интенсивностью продолжает всестороннее изучение оборонительного потенциала России; для достижения осведомительных целей подбираются неизвестные ранее приемы легендированного сбора разведывательных данных.

Завершая периодизацию и рассмотрение вопросов организации японского шпионажа в отечественной (военной) прессе начала XX в., заметим, что за военный шпионаж в пользу Японии, например, в самый продолжительный, межвоенный, период было арестовано и

осуждено незначительное число лиц. В качестве доказательства сошлемся на цифры статистики, полученные нами в ходе подборки искомых публикаций (в поле зрения автора попали 13 газет общероссийского и регионального масштаба или 4 тыс. 346 газетных номеров)³¹. Как видно из заметок на шпионскую тему, в 1908 и 1912—1913 гг. в Никольск-Уссурийске, Иркутске, Красноярске, Севастополе, Ташкенте и других городах было задержано соответственно 1 и 7 человек³². В их число попали 5 кадровых разведчиков, 2 японских подданных и 1 русский³³. Японцы Кмура Хейтаро и Битако, задержанные «в пределах Посьетского участка» (близ залива Посьета в Японском море) «за подсчетом военных сил и с инструментами для съемки плана», Приамурским военно-окружным судом были приговорены к 3 и 2 гг. тюрьмы соответственно³⁴.

Добиться выявления большего числа шпионов и привлечения их к судебной ответственности в указанное время, помимо причин второстепенных, мешало наличие двух внутренних и одного внешнего фактора. К первым из них отнесем известное исторической науке несовершенство уголовного законодательства России в части государственной измены и военного шпионажа, а также запоздалое создание специализированной службы по борьбе с иностранными шпионами (рождение русской контрразведки произошло только в середине 1911 г.). Под внешним фактором мы подразумеваем то, что японская организация военного осведомления была одной из самых закрытых в профессионально-корпоративном мире. В отличие от европейских разведок, вербовавших русских подданных (максимально обезличивая тем самым свой шпионаж и придавая этому явлению практически неуловимый характер) и, вероятно, не подозревавших о существовании действенных приемов их разоблачения, японцы предпочитали другую технологию. Они делали ставку не только на различные формы коммерческого прикрытия (рыболовство, торговля, комивояжерство и пр.), но и на «человеческий фактор» — множество мигрантов, прибывавших из Китая и Кореи. «Разбросанная на нашей пограничной территории китайская и корейская масса, — утверждал П.А. Столыпин, — представляется весьма удобной средой для организации шпионства нашими противниками...»³⁵. Привлечение к сотрудничеству представителей монголоидной расы, как нам кажется, объяснялось не только повсеместной эксплуатацией эффекта их внешней идентичности с японцами (в представлении русских властей). Традиционный для большинства европейцев стереотип дополнялся желанием японской стороны сохранить в абсолютном секрете особенности организации своей разведки. Главным подспорьем на этом пути были обоюдные языковые барьеры (взаимное непонимание русских властей и иностранцев) и боязнь Министерства иностранных дел России идти на обострение дипломатических отношений с Японией или Китаем из-за единичных и, порой, недостаточно обоснованных обвинений их подданных в шпионаже. Возможно поэтому среди задерживаемых в российских владениях японских шпионов практически не было местных жителей, а те китайцы или корейцы, которые помогали японцам из соображений боязни за собственную жизнь и безопасность своих родственников, в случае ареста, предпочитали не идти на диалог со следствием.

Резюмируя сказанное о публикациях военно-шпионского содержания, остановимся на основных выводах, сделанных в процессе осмысления заявленной темы.

1. Военные авторы и редакционные коллегии ведомственных изданий становились центрами сосредоточения ценных, своевременных, а в некоторых случаях — уникальных знаний о японском шпионаже накануне, во время Русско-японской войны и после ее окончания. Редакторы (они же, нередко, и авторы статей) особых военных журналов³⁶, судя по актуальности и новизне публикуемых сообщений, читаемости в военной среде, профессионально справлялись с выполнением своих обязанностей по совмещению столь разных по роду деятельности должностей — в армейской разведке и печатном деле. Будучи людьми высокообразованными (каждый офицер Генерального штаба окончил Николаевскую академию Генерального штаба), они умело сочетали имевшиеся в их распоряжении служебные сведения и канал информационно-просветительского вещания на целевую аудиторию. Такой подход не только способствовал популяризации малоизвестного феномена иностранного шпионажа в военной среде и ликвидации полной безграмотности у солдат, нижних чинов и строевых офицеров. Обнародование специфики японского шпионажа повышало профессиональную бдительность в армейских гарнизонах и делало избирательными и более осторожными в общении с незнакомцами и людьми малознакомыми, в частности, иностранцами, широкие массы обывателей.

2. Обнаруженные в ходе научного поиска немногочисленные известия о японском шпионаже, объективность содержания многих из которых была удостоверена данными из архивов и иных опубликованных материалов, позволили расширить представление отечественной истории о военном шпионаже Японии против России. В столь противоречивый период их взаимоотношений, как выяснилось, японская разведка не только не утратила интереса к обороноспособности своего «большого» соседа, она действовала планомерно, настойчиво и по знакомой уже «немецкой схеме». Европейская технология создания эффективных агентурных позиций в приграничных и иных стратегически значимых районах страны-противника, насчитывавшая несколько десятилетий своего функционирования, с успехом была использована японцами в России трижды — перед вооруженным конфликтом на Дальнем Востоке, во время и после войны.

3. Высшая власть не могла не прислушиваться к свободной прессе, особенно, после демократических преобразований 1905—1906 гг., потому что ее сообщения по актуальным проблемам иностранного шпионажа нередко подтверждались донесениями правоохранительных органов и спецслужб. Осознавая, таким образом, значительные осведомительные возможности газетных изданий — наличие собственных корреспондентов и других источников информации за рубежом — по освещению специфических вопросов японского шпионажа в России, власти использовали их как дополнительный неофициальный канал сведений. Он заслуживал серьезного внимания и способствовал оперативному предупреждению проявлений шпионажа.

Взглянув на проблематику японского шпионажа глазами военных авторов и редакторов мы убедились в том, что их периодические

сообщения во многом совпадали по своему содержанию с информацией, имевшейся у других органов печати (в том числе, гражданских), местных, исполнительных и высших законодательных органов власти, правоохранительных и разведывательных структур. О чем это свидетельствует? С одной стороны, суммарная численность публикаций о работоспособности японской системы шпионажа и степень их достоверности говорит о высоком уровне погруженности в проблему органов контрреагирования (как главного источника поступления этих новостей). С другой, — отмеченные смысловые совпадения указывают на примерно одинаковый объем знаний, которым располагали власти и общество о глубине и специфике японского разведывательного проникновения в военные тайны России. Отмеченные ракурсы подтверждают наличие к началу первой мировой войны благоприятных объективных и субъективных условий для всеобщего и повсеместного противодействия японским шпионам со стороны государства и патриотически настроенных народных масс.

Примечания

1. См., напр.: ДЕРЕВЯНКО И.В. Шпионов ловить было некому. — Военно-исторический журнал. 1993, № 12, с. 51—54; ПАВЛОВ Д.Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны. — Отечественная история. 1996, № 1, с. 14—29; КИРМЕЛЬ Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906—1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 1999; ГРЕКОВ Н.В. Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М. 2000; ЕРМАЧЕНКО И. «В борьбе с какой-то азиатской дрянью...». Шпиономания в годы русско-японской войны. — Родина. 2004, № 1, с. 76—79; ПЕСТУШКО Ю.С. Неизвестные страницы японского шпионажа (1906—1917 гг.). — Япония. Ежегодник. 2006, № 35, с. 230—242; ПЛУТОВ А.В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг. Дисс. канд. ист. наук. Владивосток. 2011.
2. К примеру, в межвоенный период времени ответственными редакторами «Военного дела за границей» были подполковник Генерального штаба Н.С. БАТЮШИН (начальник разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа) и его подчиненные — капитаны Генерального штаба Д.К. ЛЕБЕДЕВ, Г.А. МУХАНОВ и В.К. ШЕВЧЕНКО. В своей редакционно-издательской деятельности они руководствовались накопленным, обобщенным и проанализированным опытом борьбы со шпионами в районах приграничного с Германией Западного военного округа. См., напр.: Военное дело за границей. 1911—1914 гг. (все номера).
3. См., напр.: Китай и Япония. Обзор периодической печати. 1911—1914 гг. (все номера).
4. БУРСКИЙ. Японская армия. Изборник разведчика. Бесплатное приложение к журналу «Разведчик». СПб. 1903, с. 48—49.
5. Там же, с. 51.
6. М.Г. Японское шпионство. — Разведчик. 1908, № 910, с. 229.
7. БЕНКЕНДОРФ А. Разведка и шпионаж. — Военное дело за границей. 1911, № 27, с. 35—104.
8. Там же, с. 56.
9. Там же, с. 62.
10. Там же, с. 67.
11. Там же, с. 68.
12. Государственный архив Омской Области (ГА ОО), ф. 14, оп. 1, д. 1171, л. 8.
13. Военная тайна. — Сведения из области военного дела. 1906, № 1, с. 142—143; Военные тайны в Японии. — Разведчик. 1907, № 887, с. 614.
14. См., напр.: ВОТИНОВ А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М. 1939, с. 11—13; РЕШЕТНЕВ И.А., СИНИЧЕНКО В.В. К вопросу о

- шпионаже на восточных окраинах России в конце XIX — начале XX в. — Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007, № 6, с. 48; СИННИЧЕНКО В.В. Противодействие российских имперских властей японской разведке на дальневосточных рубежах в начале XX века. — Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013, № 4 (67), с. 101—102.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 586, л. 2.
  16. Государственная дума. III Созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть IV. СПб. 1910.
  17. БОЛХОВИТИНОВ Л. Желтый вопрос на русском Дальнем Востоке. — Военный сборник. 1910, № 2, с. 169—174.
  18. Там же, с. 169, 173—174.
  19. Японские шпионы в нашей пограничной полосе. — Китай и Япония. Обзор периодической печати. 1910, № 12, с. 39.
  20. ГА ОО, ф. 14, оп. 1, д. 1189, л. 10.
  21. РГИА, ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 739. л. 357.
  22. Там же, л. 592.
  23. ГРЕКОВ Н.В. Ук. соч., с. 30.
  24. РГИА, ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 739, л. 592.
  25. ГА ОО, ф. 14, оп. 1, д. 1189, л. 65.
  26. Там же, д. 1211, л. 73.
  27. Там же, ф. 270, оп. 1, д. 607, л. 1.
  28. Там же, д. 636, л. 44—47, 50—55, 329—380.
  29. Там же, ф. 271, оп. 1, д. 41, л. 81.
  30. Х.Л. Японская пресса и русский Дальний Восток. — Вестник Океана. 15.II.1914, № 18, с. 2.
  31. Подсчитано автором. Источник: Разведчик. 1907, № 890, с. 626; Приамурские ведомости. 22.VII.1908, № 1283, с. 3; Черноморская речь. 19.I.1912, № 10, с. 3; Туркестанская военная газета. 22.I.1912, № 607, с. 3; 19.II.1912, № 617, с. 3; 6.IV.1912, № 634, с. 3; 15.IV.1912, № 638, с. 3; 20.VI.1912, № 662, с. 3; 5.IX.1912, № 689, с. 3; 19.IX.1912, № 693, с. 3; 6.I.1913, № 728, с. 3; 9.I.1913, № 729, с. 2; 11.I.1913, № 730, с. 3; 13.I.1913, № 731, с. 3; 23.I.1913, № 735, с. 2; 1.II.1913, № 739, с. 3; 10.II.1913, № 742, с. 3; 15.II.1913, № 744, с. 3; 17.II.1913, № 745, с. 3; 27.II.1913, № 747, с. 2—3; 13.III.1913, № 753, с. 3; 20.III.1913, № 756, с. 3; 14.IV.1913, № 764, с. 4; 30.X.1913, № 831, с. 2; 20.XII.1913, № 849, с. 2; Амурский пионер. 2.II.1912, № 27, с. 2; 10.III.1912, № 56, с. 3; Амурский листок. 18.VII.1912, № 1213, с. 2; 19.I.1913, № 1356, с. 3; 7.II.1913, № 1371, с. 2; 16.V.1913, № 1443, с. 2; 31.V.1913, № 1455, с. 2; Московский голос. 17.VIII.1912, № 189, с. 3; 25.VIII.1912, № 196, с. 3; Смоленский вестник. 3.I.1913, № 2, с. 2; Виленский военный листок. 15.V.1913, № 729, с. 3; 28.VIII.1913, № 759, с. 3; 4.IX.1913, № 761, с. 3; 7.XII.1913, № 788, с. 3; Новое время. 2.IX.1913, № 13 461, с. 1; 11.IX.1913, № 13 470, с. 2; Вестник Океана. 28.I.1914, № 2, с. 2.
  32. За границами нашего исследования остался период до и во время Русско-японской войны ввиду отсутствия в прессе упоминаний о возможном шпионаже японцев в России и Маньчжурии (в зоне боевых действий). При изучении послевоенного (межвоенного) периода внимание автора было приковано лишь к тем годам (1908, 1912—1913), которые были отмечены в газетных публикациях активностью японских агентов в российских городах.
  33. Хроника. Приамурский край. — Приамурские ведомости. 22.VII.1908, № 1283, с. 3; По России. Иркутск. — Смоленский вестник. 3.I.1913, № 2, с. 2; Арест важного шпиона. — Туркестанская военная газета. 11.I.1913, № 730, с. 3; Местная хроника. Шпионство. — Амурский пионер. 10.III.1912, № 56, с. 2; Арест японца. — Виленский военный листок. 15.V.1913, № 729, с. 3; Арест японского офицера. — Амурский листок. 31.V.1913, № 1455, с. 2; Арест японца. — Виленский военный листок. 7.XII.1913, № 788, с. 3.
  34. Хроника. Приамурский край, с. 3.
  35. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 492, л. 6.
  36. «Военное дело за границей» (ранее «Сведения из области военного дела») и «Китай и Япония. Обзор периодической печати».

Деятельность судебных представителей сельских сословий на Урале в конце XVIII в.

В.А. Воропанов

Вопросы реализации института сельских заседателей в судах общей подсудности второго и первого звеньев («верхних и нижних расправах») и уездных полицейских администрациях («нижних земских судах») относятся к числу неизученных в истории России. Между тем, оценки их деятельности в научной литературе до сих пор носили исключительно негативный характер.

Социальные противоречия, копившиеся в областях Поволжья, Урала и Западной Сибири, получили выход в Пугачёвском «бунте». Неоднозначное отношение жителей Южного Урала к пережитому опыту социального взрыва проявилось с началом реализации реформы местного управления и проведения выборов кандидатов на государственные должности в судах и администрациях. В осуществлении правосудия в судах общей подсудности первого и второго звеньев в губерниях Урала по штатам, утвержденным Екатериной II, потребовалось занять 206 представителей. Исполнением административно-полицейских обязанностей были заняты еще 80 человек. Срок исполнения должностей сельских заседателей составлял три года.

Состав судебных представителей, прежде всего, зависел от численности и активности сословно-этнических групп. По итогам IV ревизии русские преобладали лишь в Северном Приуралье, составляя в целом 85% жителей края; 6,5 приходились на удмуртов, 3,8 — на марийцев, 2,5 — на татар, 0,9% — на башкир¹. Этническую и религиозную разнородность избирателей скрывали их социально-правовые различия: должности сельских заседателей занимали государственные, заводские, дворцовые, экономические, ясачные крестьяне, служилые люди и ямщики. Абсолютное большинство жителей Вятского и Пермского наместничеств относилось к государственным крестьянам. К 1781 г. в селениях, приписанных к казенным заводам, проживало свыше 70% всех государственных крестьян Пермского наместничества². В 1783 г. в состав Верхотурской нижней расправы входили три заводских крестьянина и ямщик³. В судах второго звена соблюдалось уездное и этнорелигиозное представительство. В 1781 г. должности в Пермской верхней расправе заместили крестьяне, прибывшие из Крас-

---

Воропанов Виталий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ноуфимской, Осинской, Оханской, Соликамской округ и по два обывателя из Кунгурской и Чердынской. От нехристианского населения в уголовный департамент верхней расправы включили Абрэхима Ягодина, в гражданский — Исака Измайлова ⁴. Схожий состав представителей сформировался в Екатеринбургской верхней расправе ⁵.

В 1760—1770-х гг. интенсивным увеличением населения отличались территории как будущих Вятского и Пермского, так и Уфимского наместничеств (на 31, 41,2 и 34% соответственно) ⁶. В 1782 г. в уездах на территории Южного Урала проживали уже свыше 588 тыс. чел., в том числе около 219 тыс. русских, 139 тыс. башкир, 83 тыс. татар, 44 тыс. чувашей, 19 тыс. мордвы, 1,8 тыс. малороссов, 0,8 тыс. удмуртов. Соотношение народов по уездам было различным ⁷. В числе крупных сословий Уфимского наместничества наряду со служилыми людьми и государственными крестьянами входили тептяри и бобыли: более 80 тыс. человек по итогам переписи 1782 г.; 19 264 «души» обоего пола насчитывали дворцовые крестьяне, 10 828 — экономические, 28 985 — приписные и заводские, 15 219 — семьи отставных солдат и казаков, 1250 — «пахотных» солдат, 348 — однодворцев ⁸.

В силу динамичных изменений в составе населения, проживавшего в деревнях, слободах, крепостях и редутах, волостная организация земледельцев в крае к концу столетия не сложилась ⁹. Культурное, религиозное, хозяйственное взаимодействие влекло естественную ассимиляцию мелких этнических групп и постепенное размывание этнического самосознания с преимущественным влиянием башкир, русских и татар. Проведение административно-территориальной реформы ускорило трансформацию родоплеменных отношений в башкирской среде. «Волостное» деление коренного народа Южного Урала усложнялось, география и плотность его расселения менялись. Складывались кланы «башкирских татар», «башкирских калмыков» ¹⁰. В соответствии с именованным указом от 14 января 1782 г. нижние расправы в Уфимском наместничестве были разделены на две группы с учетом особого правового статуса служилых народов края — башкир и мещеряков.

Уездные выборы искусственно объединили интересы пришлого и коренного, земледельческого и полукошевого населения, форсировали становление сословного самосознания разноязыких общин. В соответствии с требованиями инструкций, сотни претендентов на должности отразили групповое многообразие жителей Оренбуржья. Интенсивное межэтническое взаимодействие, 200 лет заключавшее как конфликтную, так и созидательную стороны, стимулировало конкурентную активность сельских общин. В 1782 г. вакансии сельских заседателей в Уфимском наместничестве заместили зажиточные и, как правило, грамотные обыватели, укрепившие житейские позиции обретением опыта публичной службы. 9 из 18 членов коллегий нижних расправ «общей подсудности» происходили из служилых и ясачных татар: трое в Уфе, по двое в Бугульме, Мензелинске и Оренбурге. Вероятно, к татарам принадлежал и ясачный тептярь Даут Кадырметев, заседатель Мензелинской расправы. Государственные и ясачные крестьяне русского происхождения (5 чел.) были утверждены в составе коллегий Бугульминской, Мензелинской, Уфимской и Челябинской расправ. Кандидаты от мордовских и чувашских общин были представлены в Бугульминской и Оренбургской первой, а также временно Оренбургской второй нижних расправах. Наконец, в число заседателей Оренбургской первой нижней расправы входил делегат от малороссов — Матфей Черкасский ¹¹.

Указом от 31 декабря 1782 г. наместническое правление, уведомив уездные власти об учреждении 9-й и 10-й нижних расправ в Бирске и Челябинске, предписало привести этносословное представительство в судебных органах в соответствии с именованным указом от 14 января: башкир Адилшу Азаматова и Малика Арыкова перевести из Челябинской

первой во вторую нижнюю расправу, чуваша Якима Васильева и мордвина Савелия Махимова уволить из состава коллегии Оренбургской второй нижней расправы «и отпустить в дома их с надлежащим о добродетельном поведении от присутствия той расправы свидетельством». Исполняя указ, Челябинский нижний земский суд известил жителей башкирских и мещерякских волостей, «чтоб они по земским своим делам относились в ту новоучреждаемую расправу»¹².

В феврале-марте 1783 г. в Бирской, Оренбургской и Челябинской округах прошли внеочередные выборы. В Челябинском уезде голосовали объединения крестьян и служилых людей. В ряд тюркоязычных общин для оказания помощи в проведении выборов были направлены сельский заседатель Челябинской второй нижней расправы Адилша Азаматов и дворянский заседатель Челябинского нижнего земского суда капитан Пётр Билонг. В соответствии с требованиями указа, обыватели выдвинули кандидатов, пользовавшихся безусловным нравственным авторитетом, преимущественно грамотных, владевших недвижимой собственностью, женатых и уже имевших детей. Общественные приговоры избиратели подписывали или припечатывали тамгами.

Так, в Айлинской волости команда старшины Байгазы Козямышева выдвинула кандидатом походного старшину Утява Ярытиулова, команда старшины Субхангула Кашманова («народские люди со общего согласия выбрали и удостоили») — писаря Габбаса Мамаева («которой состояния доброва»). Группа башкир в составе Айлинской волости команды сотника Туигуна Кусюкова и Сызгинской волости команды сотника Карабаша Кужугулова («да и протчих сотников и мирских людей») направила в Челябинск сотника и муллу Зелкарнея Тебетова («выбранного от народу, как он поведения и состояния хорошаго»). Другой башкирской командой Сызгинской волости («Сызгинской волости от мирских людей») в Челябинск был направлен сотник Карабаш Кужаев («как он поведения и состояния хорошаго»). В Каратабынской волости команда старшины Ялтыря Тархана Таимасова уполномочила муллу Махмута Сюлейманова, в Катайской волости команда старшины Терегула Казанбаева — есаула Курмангали Терегулова («которой поведения хорошаго башкирской грамоте читать и писать умеющей в штрафах и наказаниях никогда не бывал прожиточной имеет у себя домовое против протчих исправное обзаведение женат и имеет детей и тое должность без сомнения снести может»), команда старшины Сулеймана Кармышанова — муллу Курбангила Маулбаева, в Цирлинской волости команда сотника Аязгула Кызылова — башкира Курмана Исаева. В выборах приняли участие служилые этнические группы, приписанные к башкирам как особому сословию: калмыки команды сотника Мурзабая Кашкина наделили правом представительства Багашу Аликаева, сарты команды есаулов Имангула Султанова и Абдряша Акметева — Якупа Саканова, татары Ичкинского юрта деревни Могильной команды сотника Мансура Супхангулова — Мянута Муиминова.

Многолюдные и экономически преуспевавшие общины земледельцев бывшей Исетской провинции не уступали в активности служилым сословиям. Численность государственных крестьян в Челябинском уезде постоянно увеличивалась, достигнув к 1795 г. 42 926 душ обоего пола; вместе с экономическими они составили 52% всех жителей¹³. Мирской сход Таловской слободы направил в уездный центр Фёдора Ядрешникова, Куртамышской — Петра Собакина («из лутчих крестьян хорошаго состояния»), Карачельской — Данилу Блинова («которой состояния и порядка добраго не вор не пьяница, неподозрительной и тое должность снести может»). По итогам голосования в состав коллегии Челябинской первой нижней расправы дополнительно были включены представители Каминской слободы Кузьма Черепанов и экономического села Воскресенского Филат Моторин¹⁴.

Таким образом, завершение реформы незначительно повлияло на этническое соотношение судебных представителей в нижних расправах общей подсудности. В расправах специальной подсудности в 1783 г. башкирские делегаты заняли 80% должностей. В Оренбургской и Уфимской верхних расправах 4 должности заместили башкиры, по 3 (15%) — ясачные татары, мордвины и чувашаи, остальные — мешчеряк, тептярь, бобыль, государственный и дворцовый крестьяне из числа староверов, однодворец и отставной прапорщик. В состав коллегии Уфимского совестного суда в качестве сельских заседателей вошли башкиры ¹⁵.

После повышения Троицкой крепости до статуса уездного центра, где стали действовать 11-я и 12-я нижние расправы, в Челябинской округе весной 1786 г. вновь состоялись внеочередные выборы, поскольку заседатели Утяв Ярытиулов и Мансур Тархан Таимасов происходили из селений, уже неподсудных Челябинской второй нижней расправе. Айлинские баширы избрали кандидатами сотника Мамбеткула Интиямова, башкира Абсаляма Кучкарова и писаря Габбаса Мамаева, балакатайские — Ахмера Сарыгулова, каратабынские — Анана Шукурова, катаяйские — муллу Мухамета Сяитикова и походного есаула Курмангали Терегулова. Служилые калмыки направили на уездные выборы Аптиней Муртазина («по согласию народскому выбрали рядоваго калмыка Аптиней Муртазина которой поведения и состояния хорошаго и дом имеющей прожиточной»), мешчеряки — муллу Ахмера Шарыпова («что де он добраго рода и поведения прожиточной и неподозрительной человек»), сарты — Абдулкарима Чинбаева, татары — муллу Хурамшу Ямбулатова. На должностях в Челябинской второй нижней расправе в 1786 г. были оставлены походный старшина Адилша Азаматов, с 1760 г. работавший писарем, затем толмачом в Исетской провинциальной канцелярии, и мулла Ибрагим Абдряшитов. Из числа вновь выдвинутых кандидатов по 8 голосов из 10 получили сотник Мамбеткул Интиямов и башкир Анан Шукуров ¹⁶.

Связи и отношения, сложившиеся среди служилых людей, создавали преимущества низшей администрации во время выдвижения кандидатов ¹⁷. Не менее 17 сельских заседателей из башкир, мешчеряков и татар в списке 1784 г. являлись старшинами, их детьми, помощниками, есаулами, сотниками, трое — писарями, двое — муллами. Особым приоритетом обладали ветераны, лица, удостоенные государственных наград. Кроме исполнения регулярных повинностей не менее 10 заседателей участвовали в войнах с Пруссией, Польшей и Турцией, в действиях против пугачёвских отрядов ¹⁸. Важно отметить, что, учитывая массовое вовлечение башкирской знати в движение Пугачёва ¹⁹, успешное проведение этнословных выборов свидетельствовало о примирении народа с русским монархом.

В то же время правовой статус тюркских общин и традиции «племенной демократии» предполагали реальное согласие большинства избирателей с кандидатурами, выдвинутыми для замещения должностей всех уровней публичной власти. Служилые команды в полном составе участвовали в выборах, их жители свободно выражали мнения, оставляя подписи и оттиски тамог под избирательными документами ²⁰.

Первый опыт привлечения представителей широких масс населения к сотрудничеству с государственным аппаратом имел противоречивые результаты. Отдельные крестьяне и служилые люди усваивали нормы поведения худших чиновников, попадая под суд за нанесение побоев мирянам, вымогательство, взяточничество, прочие должностные преступления ²¹. Лица, призванные осуществлять правосудие, оставались во власти традиционного мировоззрения. Злоупотребление полномочиями, прежде всего, обуславливалось обыкновениями народной жизни, стремлением удовлетворять узкогрупповые интересы ²².

Тем не менее, Екатерина II справедливо рассчитывала на снижение и преодоление инерции традиционного уклада жизни и крупные социальные перемены в процессе развития российского «общества»²³.

В условиях преобладания лично свободного населения деятельность расправ на Урале носила более масштабный характер, чем в центральных губерниях России. Так, с октября 1786 г. по октябрь 1787 г. в Вятской верхней расправе были разрешены 393 дела из 820 (48%), в 13 нижних расправах Вятского наместничества — 2663 дела из 3616 (73,6%)²⁴. Материалы судебной-деловой переписки и решения, вынесенные коллегиями верхних и нижних расправ, объективно свидетельствуют об участии сельских заседателей в освоении практики производств по уголовным и гражданским делам.

Прежде всего, судебные представители усваивали правовой статус расправ и их место в системе государственных органов при работе с заявлениями истцов — прошениями, жалобами, «доношениями». Так, 4 августа 1785 г. Челябинская первая нижняя расправа распорядилась передать прошение капитана Голикова с приложением указа Главной провиантской канцелярии и списками казенных должников, выданных ему, в нижний земский суд, усмотрев из статьи 232 Учреждений о губерниях и «прочих узаконений», «что Ея Императорскаго Величества воля и высочайшее благоволение состоит в том чтоб всякаго верно подданнаго ничем не отягощать а особливо сего рода людей без нужды от домов не отлучать а по зрелому и точному рассмотрению обстоятельств на месте земский суд заключает приговор которой по самой истинне и вследствие законов учинить надлежит данной суд высочайшие законы имеет те ж самые какие и расправа». В «сообщении» от 26 июля 1793 г. Челябинская первая нижняя расправа, напротив, настояла на передаче ей для разбирательства дела по желанию истца крестьянина М. Зырянова, разъяснив нижнему земскому суду реальное значение указа наместнического правления от 29 марта № 3978 и обосновав волей законодателя свое право и на производство предварительного расследования²⁵.

Коллегии расправ контролировали скорость производств, вызывая ответчиков повестками — «зазывными грамотами», побуждая уездную полицейскую администрацию и иные органы управления к точному и своевременному исполнению своих законных требований («как оные сведения так и те допросы за рукоприкладством прислать в расправу непродолжительно дабы за тем произведенное следствие продолжаться не могло а подсудимые не оставались и еще далее под стражею в задержании нерешимыми», «показание записать за ево рукоприкладством и за свидетельством онаго суда прислать в первую нижнюю расправу как можно наискорее и не ожидая более переписок»), следили не только за поступлением и целевым использованием денежных средств на содержание лиц, взятых под стражу, но и за возвратом не востребованных сумм. Так, 27 ноября 1791 г. первый департамент Оренбургской верхней расправы распорядился 3 руб. 60 коп. «отослать обратно в верхоуральской нижний земский суд для раздачи жителям от кого оныя получены при писменном виде». Медные деньги почтамт не принял, и коллегия уголовного департамента предписала сделать перерасчет в пользу плательщиков при новом сборе денег на содержание «колодников»²⁶.

Коллегии расправ демонстрировали населению уважение к законности, учитывая права и интересы всех участников производств по делам. Так, 26 мая 1786 г. Челябинская первая нижняя расправа в лице судьи Николая Оловенникова, заседателей Михаила Клопова, Филиппа Моисеева, Самсона Савина и Ивана Фалелеева прекратила уголовное преследование ответчиков в связи с неявкой в суд истца, постановив: «Когда проситель крестьянин Хомяков на производство

сего дела гербовой бумаги отзываясь не дает и чем ответчикам чинит проволочку и раззорение, а такого рода дела производятся на основании законов на гербовой а не на простой бумаге, то по силе Уложения 10 главы 110 статьи ему Хомякову отказать; и впредь в сем деле суда не давать и ответчиков старосту Павлова с товарищи от сего дела учинить свободными». В решении по делу суд напомнил истцу о праве обратиться за защитой к капитану-исправнику («которой по содержанию высочайшаго о губерниях учреждения 8 главы 243 статьи должен всякому обиженному дать судейское покровительство, изследывая на месте без многого писменного производства») ²⁷.

В свою очередь судебные представители осваивали процедуру осуществления правосудия, формально гарантированного законодателем, и практику правоприменения. Расправы успешно разрешали дела о преступлениях в семейно-бытовой сфере, учитывая как требования законодательства, так и предписания обычного права. Так, при постановлении решения по делу о нанесении телесных повреждений — прокалывании руки рогатиной крестьянином Иваном Котоминым сыну за брань («грубые речи») — Алапаевская нижняя расправа учла мнение истца («чистосердечное раскаяние»), объявившего, что «по отеческой любви законного наказания не ищет и сына прощает», и оценила физический вред, причиненный ответчику («уязвление родителем»), как замену уголовному наказанию, предусмотренному статьей 4 главы XXII Соборного Уложения — битью кнутом ²⁸.

По делам о преступлениях против нравственности расправы выносили обвинительные приговоры как с назначением, так и без назначения наказания ²⁹, а также решения о назначении церковных наказаний, как, например, Вятская нижняя расправа в отношении крестьянина М. Зворыгина, 12 лет самовольно проживавшего вне места приписки и не посещавшего церковных служб, представившая подсудимого и материалы по делу в наместническое правление ³⁰.

Об ответственном отношении к служебным обязанностям заявляли сельские заседатели нижних земских судов, несшие равную ответственность с табельными коллегами, загруженные разнообразной административной и полицейской работой. Так, сельский заседатель сержант Василий Лопатин отчитался перед Верхнеуральским нижним земским судом в связи с жалобой истца: «Плюхину как издавна мне знакомому человеку обещался что я буду стараться всячески изыскивать средства выискивать ево покражу... Естли Тупей Амангильдин хотя мало при воровстве приличится то я не 30 как он Плюхин признавал себя довольным могу вызвать и 50 и ево удовольствовать». Однако доказательств по делу следователю собрать не удалось. Процессуальный статус осознавали не только должностные, но и частные лица: допрос, проведенный в Карагайской крепости, завершился заявлением подозреваемого, помощника башкирского старшины Тупея Амангильдина, о том, «что он будет в суде о сем отвечать в свое время» ³¹.

В конце 1796 г. сельский заседатель того же нижнего земского суда Мухаммет Рахим Алмухаметев, получивший формальный запрос и предупреждение, «что за медленное... по делам исполнение представлено будет вышнему начальству», рапортовал нижнему земскому суду («по справке моей с делами оказалось») о том, что им не исполнены 14 распоряжений: из-за отлучки ответчиков в Оренбург, из-за бегства обвиняемого из-под ареста, из-за розыска подозреваемых, наконец, в связи с продолжительностью иных следственных действий («в разсуждении поручаемых от нижнего земского суда самонужнейших а особливо о ходивших за границу башкирцов дел»). «Честь имею при регистре представить», — заключил М.Р. Алмухаметев ³².

В свою очередь, сталкиваясь с нарушениями требований законодательства, сельские заседатели вступали в противоречия с табельными

ми коллегами, как, например, в деле об увольнении с должности судьи прапорщика И. Лихачева. В июне 1783 г. на основании рапорта («по похвальному протесту») сельского заседателя Ивана Сунцова о необоснованном нарушении сроков производств по делам Вятская уголовная палата сделала предупреждение судье и секретарю Вятской нижней расправы, поставив ее деятельность под особый надзор коллегии верхней расправы³³.

Нижние расправы и нижние земские суды систематически транслировали принцип юридической ответственности подчиненным должностным лицам, контролируя работу делопроизводителей и проверяя основания их отсутствия на рабочих местах³⁴, выдавая типовые «наставления» исполнителям — солдатам, прикомандированным к государственным органам («будучи тебе в сей посылке уездным людям никоих обид наказ не чинить и ко взяткам не касатся под опасением за оное по указам штрафа»)³⁵.

Деятельность новых государственных органов в условиях широкой разнородности населения и социально-правовой замкнутости сельского мира требовала длительной и стабильной юридической практики. Делегаты от сословий на должностях в расправах и нижних земских судах нередко рассматривались обывателями как представители чужих волостей или общин и наименее авторитетные носители государственных полномочий, о чем свидетельствуют оскорбления заседателей со стороны отдельных крестьян не только в округах во время исполнения поручений, но и в присутственных местах. Близкое социальное происхождение делало заседателя не только более доступным для обращений, но и более уязвимым при возникновении конфликтов. Однако лица, избранные на должности, решительно отстаивали свои права, апеллируя к законодательству в целях наказания виновных за причинение не только физического или материального, но и морального вреда, и пользовались безусловной поддержкой государственных органов³⁶.

Так, 4 ноября 1783 г. сельский заседатель Челябинского нижнего земского суда С.И. Голдобеев, командированный в округу, подвергся нападению со стороны группы крестьян и подал жалобу (челобитную) в Челябинскую первую нижнюю расправу. 12 ноября расправа рассмотрела его заявление и сообщила нижнему земскому суду о вызове ответчика — П.Л. Лаптева, крестьянина Чумлятской слободы. 13 ноября нижний земский суд направил к ответчику за счет средств истца («на коште челобитчиковом») штатного солдата для вручения зазывной грамоты, 22 ноября получил от него рапорт об исполнении поручения. Нижняя расправа выдала истцу документ о принятии его заявления — «билет», ответчику — копию с заявления истца и обязала обе стороны подпиской другого документа — «реверса» — явиться для разбирательства дела в указанное судом время.

4 и 14 декабря ответчик и истец подали в суд ходатайства о назначении процессуальных представителей: Д.И. Рышкова, канцеляриста городского магистрата, и И.С. Голдобеева, отца истца. 16 января Лаптев подал другое ходатайство, которым обосновал желание лишить Рышкова права представительства («без всякого со мною согласия и не имев от меня никакого писменного дозволения не входя в суд с платою голдобееву бесчестия шестидесяти рублей помирился и в том подали они рышков и голдобеев общее во оную расправу челобитье чем и причинил мне яко испродажу почему я ево рышкова от ответов оставляю а имею оправдание приносить сам»). Истец выдал своему представителю сшитые листы для записи информации по делу («тетрадь на записку от челобитчика челябинского нижняго земского суда селского заседателя степана голодобеева поверенному чюмлятской слободы крестьянину ивану голодобееву доказательства»). «Судное

повытье» расправы обратилось к «крепостным делам» с предложением взять с ответчика и представителя истца подписки о невыезде из города до окончания разбирательства — «поручные записи» («с тем чтоб из города не збежал до решения о сем дела, обязать в платеже иска с поруками и тою поручную для приобщения прислать в судное повытье», «с тем чтоб от того истца поверенной голдобеев от дела не отставал и за делом ходатайство имел до решения о сем дела никуда из города не съехал обязать в том с поруками и тою поручную для приобщения прислать в судное повытье»).

21—22 января 1784 г. состоялись слушания по делу. 24 января ответчик обратился с жалобой в нижний земский суд на действия судей расправы, препятствовавших верной записи его показаний о своих действиях в протокол судебного заседания («тот голдобеев браня ево и покоряя домашних ево и ударил в рыло кулаком почему и он напротив того ударил один раз по щеке и за то снял армяк а кушака и плата не сымывал»), сославшись на авторитет уездного стряпчего («а сверх того мог видеть уездной стряпчей гдин коллежской регистратор александров кои ото что для чего мне мешают заседатели с судьеи отвечат закон им представил»). 5 февраля расправа получила сообщение нижнего земского суда, приобщив новое заявление ответчика к материалам дела. Наконец, 21 февраля в расправу поступило ходатайство о прекращении дела за примирением сторон («ныне мы признав в своих сердцах правду по христианской должности полюбовно помирились и впредь по оному делу друг на друга просить более уже ни в каком присутственном месте не будем»). 12 марта суд вынес решение, взыскав пошлины на основании статей 94 и 124 главы X Соборного уложения. Протоколист зафиксировал особое мнение заседателя Ф.И. Моторина³⁷.

Следствие массового участия местных жителей в выборах кандидатов на государственные должности смена составов коллегий расправ на Урале происходила регулярно. Судебным представителям вручались документы о добросовестном прохождении службы («беспорочно»), подтверждавшие их новый социальный статус в общинах, охранявшийся законом³⁸.

Лица, получившие опыт службы в расправах и нижних земских судах, вновь претендовали на должности и, благодаря своему авторитету, получали поддержку как избирателей, так и губернского начальства. Так, бывший заседатель Челябинского нижнего земского суда С.И. Голдобеев в 1792—1797 гг. работал в первой нижней расправе³⁹. Бывшие сельские заседатели охотно оказывали содействие государственным органам подобно Алемтею Алембетеву или Булату Биктемирову, исполнявшим обязанности переводчиков при производстве следствия Верхнеуральским нижним земским судом⁴⁰.

Наконец, иные лица употребили полученные ими юридические знания для осуществления правозащитной деятельности. Так, вышеупомянутый Ф.И. Моторин регулярно выступал в качестве представителя по уголовным и гражданским делам земляков и иных лиц, но не всегда с успехом, как, например, по делу о завладении землей и угожьями, принадлежавшими общине села Воскресенского, пришлыми крестьянами⁴¹.

В свою очередь, инициативные грамотные обыватели, привлекавшиеся к ведению дел в судах, баллотировались на должности сельских заседателей, подобно походному есаулу К. Терегулову, выходцу из Катайской волости, представившему свою команду в споре с крестьянами Кочердыкской слободы о правах на земли и угожья⁴².

Новый порядок замещения должностей положительно повлиял как на взаимодействие государственных органов, так и на сотрудничество представителей разных сословий и этносов. Служебно-деловые отношения государственных служащих и сословных представи-

телей объективно перерастали в неформальные связи. Так, в доме секретаря Челябинской первой нижней расправы В.П. Черемисинова после праздника Рождества Христова 1796 г. присутствовали не только сослуживцы — канцелярские работники И. Иконников, И.П. Ласков, В. Малышев — но и сельский заседатель С.И. Голдобеев, «правозаступник» Моторин, купец С. Ильин. Развитие конфликта между Моториным и зятем Черемисинова губернским секретарем Ласковым должно было огорчить хозяев и гостей, однако завершилось внесудебным порядком с выплатой сторонами в Челябинской первой нижней расправе 10-копеечных «мировых» пошлин⁴³.

Деятельность расправ и нижних земских судов стимулировала развитие правосознания подданных. Законодатель расширил процессуальные обязанности населения в уголовных делах. Обыватели были заинтересованы в контроле над сбором «кормовых» денег, информируя нижние земские суды о выбытии лиц из-под стражи. Результаты опросов старшин, а также жителей («повальных обысков») оказывали непосредственное влияние на решения судов. От позиции сообщественников зависело возвращение лица, как осужденного, так и освобожденного от ответственности на прежнее место жительства, как, например, башкира Ишкузя Баирясова по решению первых департаментов Оренбургских верхнего земского суда и верхней расправы, вынесенному 13 июня 1796 года⁴⁴.

Сельский начальник и лица с положительной репутацией привлекались к исполнению наказаний, назначенных расправами, под их надзор поступали осужденные, подвергшиеся уголовным наказаниям («с тем дабы над поступками их наблюдал то есть ни до каких бы законам противных замыслов не допускал и кроме обыкновенной службы в другая далняя отлучки неувольнял под опасением строгаго взыскания по законам», «с тем дабы иметь за ним присмотр, до подобных вышеобъявленным поступков не допускать и за силою указа 1770 года декабря 21-го указных паспортов, увольнительных писем не давать, а принуждать к хлебопашеству, под опасением за противное тому строгаго взыскания по законам»⁴⁵).

Интенсивная хозяйственная и социальная жизнь обуславливала правовую активность населения. Рост доверия к органам государственного управления и судам, в частности на Южном Урале, выражался в резком увеличении количества обращений подданных. В соответствии с устоявшимися традициями отношений с органами государственной власти обыватели стремились использовать влияние высших в губернии должностных лиц как для воздействия на подчиненные им государственные органы, а также органы самоуправления, так и для эффективной защиты личных и имущественных прав. Указом от 29 марта 1793 г. № 3978 губернское руководство было вынуждено предписать органам уездной полицейской администрации разъяснить обывателям необходимость воздерживаться от обращений к губернатору Уфимского наместничества и в наместническое правление по делам, подлежащим рассмотрению и разрешению в нижних земских судах⁴⁶.

Таким образом, крестьяне и служилые люди пользовались возможностью противодействовать злоупотреблениям властью должностных лиц всех уровней системы государственного и общественного управления. Так, обращение нескольких крестьян Карачельского «форпоста» и Таловской слободы Челябинской округи, усомнившихся в добросовестности старост, оказалось достаточным основанием для санкционирования губернским начальством следственных действий: 21 февраля 1784 г. Челябинская первая нижняя расправа рапортовала о получении указа из наместнического правления от 16 февраля, предписав, в свою очередь, волостным судам выслать в уездный центр бывших должностных лиц с финансовыми документами («с 1778 года крестья-

янских старост с приходными и расходными книгами для исследования прислать в сию расправу в самоскорейшем времени»).

11 марта в расправу был доставлен рапорт Карачельского волостного суда с разъяснениями и просьбой освободить крестьян от поездки в Челябинск («дабы они не пришли в раззорение»). Судьи отклонили просьбу волостной администрации. 19 марта в расправу поступил рапорт Таловского волостного суда о направлении в город 7 бывших старост и проведении 9 марта мирского схода по данному делу, завершившегося составлением «общественного приговора». 22 марта подозреваемые, допрошенные в расправе, сообщили, что публично отчитались о расходовании денежных средств, не сохранив о нем никаких записей («объявили что де по окончании годов учитаемы и те книги яко им даваемы были не за шнуром и казенною печатью но единственно с народскаго согласия то в разсуждении народом им быть уже по ненадобности и уничтожены и теперь их уже при себе не имеют»).

2 и 4 мая Карачельский волостной суд сообщил расправе о высылке требуемых ею лиц, также приложив к рапорту «общественный приговор», подписанный местными жителями, участниками схода, 3 мая. На допросе, проведенном 7 и 10 мая, 6 бывших старост Карачельского «форпоста» заявили, что оплачивали из мирских денег расходы на бумагу, чернила, сургуч, свечи и дрова, услуги писцов и ямщиков, уничтожая финансовые документы после сходов, сменявших состав волостного суда дважды в году.

Переписка между нижней расправой, требовавшей подтверждения сведений, заявленных участниками производства по делу, и волостными судами, дополнительные вызовы лиц продолжались в июне 1784 — марте 1785 года. Обстоятельно изучив все факты, коллегия расправы пришла к выводу об отсутствии в действиях должностных лиц самоуправления признаков состава преступления и вынесла 20 марта 1785 г. решение о прекращении производства по делу, направив в Уфу рапорт с его копией ⁴⁷.

В свою очередь, жители служилых этнических команд искали в расправах защиту от злоупотреблений со стороны непосредственных начальников, обжаловали их действия и решения в органах надзора, наконец, использовали юридические инструменты для борьбы за влияние ⁴⁸.

Крестьяне и служилые люди обращались в расправы и нижние земские суды с заявлениями о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, причинивших им моральный, физический или материальный вред, знакомясь с процессуальными правилами и значением документов, выдававшихся им судами. Выходцы из всех социальных и этнических групп населения осваивали и использовали механизм защиты сословных прав, привлекая нарушителей к ответственности, свидетельствуя побои в присутствии должностных лиц, оплачивая составление грамотных исковых заявлений, нанимая процессуальных представителей и привлекая свидетелей.

В определенных случаях обращение к авторитету государственной власти являлось объективной необходимостью. Так, 1 марта 1787 г. башкир Хамзя Тангатаров из деревни Утяшевой команды правящего старшинскую должность сотника Юлдаша Кинжина Балакатайской волости обвинил в Челябинской второй нижней расправе сообщественников в причинении побоев и хищении имущества: денег, ножа, малахья, шапки, опущенной бобром, пуховой подушки и узды с серебряной насечкой («в вязании ево башкирцами кармышаком яримбетевым с товарищи и в ограблении денег и разного экипажа всего на девять рублей на петдесят на пять копеек») ⁴⁹. В другом случае Биккул Баракон, башкир из Тамьянской волости, заявил 13 июля 1784 г. в Верхнеуральском нижнем земском суде о хищении имущества, указав на подозреваемого и обосновав свое подозрение ⁵⁰.

Бывший сельский заседатель Валит Маметкулов из деревни Юлдашевой команды ясачных тептярей старшины Сагынбая Салантаева подал 26 января 1798 г. вслед за рапортом старшины прошение в Верхнеуральский нижний земский суд в целях защиты от клеветы со стороны мстительного начальника. 10 февраля в суд поступило прошение тептяря Балтакая Мамадалина, подтвердившего факт нанесения старшиной побоев его женам («о исследовании и поступлении по законам со старшиною сагынбаем салантаевым за напрасно причиненные женам ево фатимы юлдашевой и зеиняфы баибуловой пабой»). Производство по делу продолжалось год и сопровождалось массовым опросом свидетелей и обывателей. 11 января 1799 г. уездный суд вынес решение, освободив В. Маметкулова от обвинений лиц, свидетельствовавших против него по инициативе старшины, от уголовного преследования, и предложил потерпевшим подать иск против С. Салантаева и соучастника его преступления тептяря Б. Мамадалина («заседателя маметкулова тептяря имангулова а равно и жену ево ильчибаеву отпустить в дома их с подтверждением последним дабы впредь в подобные доносы слышанных слов не входили касателно до старшины салантаева и тептяря мамадалина то об них заседателю маметкулову в присутствии сего суда абалтакаю мамадалину посредством верхоуралскаго нижнего земскаго суда объявить буде они желают ис-кать своего бесшестия на оных салантаеве и мамедалине то ведались бы по силе указа 1725 года маяя 3-го числа формой судом а до того их салантаева и мамадалина учинить от сего дела свободными») ⁵¹.

Обращение в суд использовалось и как способ давления на ответчиков: вследствие удовлетворения истцов внесудебным порядком часть дел получала формальное завершение с выплатой «мировых» пошлин ⁵². Не составляли исключение среди ответчиков и лица, облеченные властью. Так, башкир Азанчи Исынали Кызырбаев из деревни Бажикаевой команды старшины Миньяшара Яукова Каратабынской волости, подвергшийся насилию со стороны заседателя Челябинской второй нижней расправы Сураша Супхангулова, подал жалобу капитану-исправнику. После командирования для производства расследования (обследования) заседателя нижнего земского суда прапорщика Голявинского С. Супхангулов предпочел примириться с А.И. Кызырбаевым, убедив его подать новое прошение в нижний земский суд. 5 октября 1792 г. Челябинская вторая нижняя расправа в лице судьи Андрея Михайлова, заседателей Ибрагима Имашева, Мунсипа Рахмангулова и старшины Абуллатифа Казаккулова вынесла решение о прекращении производства по данному делу за примирением сторон («как означенной истец и ответчик в вышедшей между ими ссоре до начатия еще того следствия добровольно примирились; и в доставленном от них чрез дворянского заседателя голявинского земской суд прошении своем иск сей навсегда оставили по каковым обстоятельствам сие сообщение и с приложенною их копиею присообща к прежнему и сочтя тем претензию сего просителя решимую отдать с прочими во свое время для хранения в архив») ⁵³.

Несколько дел в расправах и нижних земских судах числились неоконченными из-за неявки истцов, не желавших исполнять процессуальные обязанности и часто также удовлетворявшихся ответчиками внесудебным порядком, как, например, по жалобе крестьянина Фёдора Киселёва в побоях («бесчеловечном битии»), находившееся в Алапаевской нижней расправе в 1782—1788 гг. ⁵⁴, или по жалобе башкир на старшину Купея Бикбулатова, с 1779 г. производившееся в Исетской провинциальной канцелярии и до 1790 г. хранившееся в текущем архиве Челябинского нижнего земского суда ⁵⁵.

Наконец, обыватели стремились заручиться поддержкой государственных органов и в случаях возникновения угроз их жизни, здоро-

вью или имуществу, о чем, например, свидетельствуют «журналы», составленные в Челябинской второй нижней расправе в 1787 году. Так, 25 января башкиры Кусяк Сарыгулов и Кулгилда Алкашев из Каратабынской волости уведомили Челябинскую вторую нижнюю расправу о действиях старшины Ахмера Тураманова, запросив копию и оплатив пошлину в сумме 25 копеек. Тогда же, 3 февраля, «прошение» в расправу подал ее сельский заседатель старшина Адилша Азаматов, сообщивший о насилии со стороны муллы Ибрагима Абдрашитова. Истец предупредил о готовности подать «исковую жалобу» в случае нежелания ответчика прекратить оскорбления и нападения. 22 февраля в расправу обратился мещанин Сидор Евсеевич Хохлов, предупредивший судей об имущественном споре с сотником Кусяпом Калкамановым, проживавшим в деревне Баигазиной команды старшины Туигуна Кучюкова Айлинской волости Троицкой округи. Хохлов захватил и удерживал во владении жеребца, принадлежавшего К. Калкаманову, до выплаты им по векселю 8 руб. 80 коп., отказавшись от замены жеребца на две кобылы по предложению должника. Расстроенный сотник угрожал несогласному мещанину при свидетелях украсть «в вешнее время» две-три лошади. Хохлов просил «жалобницу принять и впредь для ведома записать». 14 декабря в расправу поступило «прошение» служилого татарина Исая Калина из деревни Алабужской Ичкинского юрта об оскорблениях и угрозах от сообщественника — татарина Акимбая Емаева ⁵⁶.

Усиление деятельности правоохранительных органов побуждало скотоводов сообщать не только об утрате собственности, как, например, башкира Буляна Рыкулдинова, заявившего Верхнеуральскому нижнему земскому суду о пропаже лошадей ⁵⁷, но и о восстановлении прав владения, как, например, служилого татарина из деревни Иски Юрт Мамадышской округи Казанского наместничества Ишмрата Хасбулатова, информировавшего 21 сентября 1787 г. Челябинскую вторую нижнюю расправу прошением о вознаграждении им Сайткула Иткулова, башкира из деревни Карабашевой команды старшины Карабаша Сызгинской волости, за поимку утерянной лошади 1 руб. и половиной аршина кумачовой ткани, оплатившего за прием прошения судебную пошлину в размере 25 копеек ⁵⁸.

Судебное регулирование позволяло обывателям отстоять сословный статус. Так, указом от 27 сентября 1795 г. Мензелинская нижняя расправа предписала нижнему земскому суду выяснить время и обстоятельства записи в ясачные татары группы тептярей и башкир округи. В общины заявителей командировались дворняжский заседатель Иван Енков и сельский заседатель Арасланбек Солтанбеков, приводивший опрашиваемых обывателей к присяге на Коране ⁵⁹. Расправы не только обеспечивали эффективную защиту прав лиц, искавших освобождения от личной зависимости, но и гарантировали им охрану от насилия владельцев, делая распоряжения в адрес нижних земских судов и мирских властей. Так, в ходе переписи населения 1782 г. семья дворовых людей капитана Фёдора Кузнецова, проживавшая в Челябинском уезде, подала иск о восстановлении в статусе государственных крестьян. В период производства по делу в Сенате главный заявитель Никита Липита подал в Челябинскую первую нижнюю расправу жалобу о злоупотреблениях душевладельца («притиснении и неусыпных домовых работах»). Нижняя расправа обязала нижний земский суд контролировать содержание крестьян («приняв в свое защищение до обид и раззорения не допускать»), передав их вплоть до разрешения дела на поруки местным жителям — Н. Безсонову «с товарищи» ⁶⁰.

Правосудие имело исключительное значение в областях интенсивной хозяйственной колонизации. Разбирательство дел проводилось в строгом соответствии с процессуальным регламентом. Так, 12

января 1797 г. Филат Моторин и Кирилл Дубынин подали от имени сообщественников жалобу «на самовольно поселившихся из шадринской округи белоярской волости на отводную села воскресенского землю к озеру рижскому крестьян». В соответствии с требованиями Челябинской первой нижней расправы, нижний земский суд получил от ответчиков 27 января и 17 февраля письменные подтверждения о вручении им «засывных грамот», а также информировал расправу о судимости К. Дубынина. 24 февраля расправа, заслушав очередное «сообщение» нижнего земского суда по делу, приказала выяснить причины осуждения Дубынина («за что был наказан и по какому делу учинить в архиве и расправе по делам выправку о чем архивариусу и повытчику дать приказ с тем что по оному у них окажется на оном учинили б натписи и возвратили в здешнюю расправу незамедля»). В связи с явкой ответчиков расправа обратилась к городничему с предложением найти и вызвать представителей истцов.

3 марта ответчики заверили в повытче крепостных дел Челябинской второй нижней расправы доверенность — «верющее письмо», 5 марта подали прошение об утверждении Челябинской первой нижней расправой лиц, ими избранных, в качестве поверенных. 7 марта в связи с отсутствием представителей истцов судебная коллегия распорядилась подготовить выписку из дела и законов для вынесения решения. 9 марта судьи выслушали справку об обстоятельствах возникновения судимости Дубынина; Ф. Моторина в расправе ознакомили с «резолуцией» суда от 7 марта. 12 марта судьи подписали решение, признав действие статьи 110 главы X Соборного Уложения не распространявшимся на нарушение, допущенное поверенными истцов, но приостановив производство по делу в связи с выбором истцами в число поверенных, наделенных равными правами, лица с судимостью вопреки требованиям статьи LIII Генерального регламента. Сумма судебных расходов, взысканных с представителя истцов Моторина, составила 4 руб. 20 коп. — по 20 коп. за лист «простой бумаги», употребленной судом ⁶¹.

Судебное представительство позволяло крестьянским и служилым общинам в территориальных спорах не только устанавливать конструктивные межгрупповые отношения, как, например, обывателей Верхнеуральской и Чебаркульской крепостей с башкирами Баратабынской волости ⁶², но и успешно противостоять крупнейшим собственникам в областях Урала, включая Демидовых и Строгановых ⁶³. Так, правящий старшинскую должность Ахмер Тураманов и юртовой сотник Укат Тохгубаев подали 3 февраля 1787 г. в Челябинскую вторую нижнюю расправу от имени башкирской команды Каратабынской волости жалобу на Федота Ахматова, златоустовского приказчика «заводчика и фабриканта» Л.И. Лугинина, тайно увезшего сырье, добытое на руднике, сданном в аренду жителям Челябинска — купцу Ивану Старцову и мещанину Петру Резанову. Башкиры заявили о стремлении Ф. Ахматова захватить их собственность («которой рудник как напред сего так и ныне от нас именованных ему ахматову ни за что не продан, и не заложен в оброк не отдан, и как небезызвестно намеряется он ахматов нас именованных захватить к себе ко владению ему тем рудником договор учинить с нами силно, как и напред сего усиливался ж он ахматов не проданную нами ему землю (на которой тот рудник отыскан) завладеть о чем от нас и протчей волости нашей башкирцов подана на него ахматова в бывшую исетскую провинциальную канцелярию спорная челобитная»). 25 февраля жалобу в расправу подали и арендаторы башкирского рудника. 16 марта к земельному спору с представителями заводчика присоединились башкиры команды Ялтыря Тархана Таимасова ⁶⁴.

В свою очередь, коренные жители Южного Урала нуждались в судебном разрешении внутриплеменных территориальных споров. Так,

в 1783 г., реагируя на претензию башкир команды Кувата Асанова Тангаурской волости к их «припущенникам» — башкирам из Кыпчакской волости («о сослании с их земли»), Верхнеуральский нижний земский суд потребовал документального обоснования права коллективного владения и подачи иска («формального челобитья») в Оренбургскую вторую нижнюю расправу, предупредив о прекращении производства по делу в случае их бездействия. На запрос расправы нижний земский суд рапортовал, что дворянскому заседателю Портнягину удалось привести стороны к согласию и разделить спорный луг. В 1786 г. тот же нижний земский суд собирал сведения для разрешения спора о лесных угодьях и сенных покосах башкир Катайской и Тамьянской волостей. На реализацию права собственности на землю в крае влияли последствия военно-политических событий второй половины 1730-х гг.: в 1785 г. Уфимская вторая нижняя расправа запросила в архивах присутственных мест Челябинска копии с нормативно-правовых актов, связанных с поселением мешеряков⁶⁵.

Смешение этнических общин и их экономических укладов влекло за собой увеличение рисков в хозяйственной деятельности: расправы и нижние земские суды, в частности, успешно разбирали дела о потравах⁶⁶.

Правосудие способствовало гармонизации социальных отношений в этнических группах, гарантируя рядовым соплеменникам удовлетворение исков к представителям родовой элиты. Имущественные интересы обывателей, заявленные в государственные органы, касались и семейно-бытовых отношений. Так, в прошении, поданном 13 октября 1787 г., башкир Аис Муххаметев из команды правящего старшинскую должность сотника Туигуна Кучукова Айлинской волости Троицкой округи уведомил Челябинскую вторую нижнюю расправу о бегстве жены, унесшей вещи на сумму 23 руб. 50 копеек⁶⁷. Наконец, расправы и нижние земские суды удовлетворяли прошения о разбирательстве дел по шариату, издавая указы в адрес духовных органов и гарантируя исполнение их решений⁶⁸.

Таким образом, в судебных органах и органах уездной полицейской администрации в областях Урала штатная численность судебных представителей низших сословий объективно и существенно преобладала над численностью членов коллегий, замещавших табельные должности. Население, безусловно, приняло реформу местного управления и воспользовалось правами, предоставленными законодателем, проводя ответственный подбор кандидатов на должности.

Активность избирателей на Южном Урале стимулировали этнокультурные различия общин, сложившихся в ходе хозяйственной колонизации края. Регулярные выборы способствовали усилению межэтнического сотрудничества и развитию территориальных общественных связей, налаживанию конструктивной социальной конкуренции. Состав судебных представителей в расправах и нижних земских судах учитывал этническую и религиозную разнородность избирателей, однако плотность расселения отдельных групп игнорировалась, должности замещались на основании итогов голосования в уездах. В составе коллегий судов второго звена поддерживалось уездное, в Уфимской и Оренбургской верхних расправах — широкое этносоциальное и религиозное представительство. В Пермской и Екатеринбургской верхних расправах резервировались должности для замещения кандидатами от нехристианских общин, в Уфимской и Оренбургской — от башкир и мешеряков.

Жители служилых этнических «команд» выражали свободу воли при выдвижении кандидатов как на должности непосредственных начальников — старшин — так и на государственные должности, голося, преимущественно, за представителей этносоциальной элиты, а также рядовых воинов, пользовавшихся личной славой и лояльных к государственной власти. Башкирская знать, массово участвовавшая в

пугачёвском движении, уже в 1782 г. активно реализовала избирательные права.

Судебные представители систематически информировались о политической культуре Российской империи, целях, задачах и практике государственного управления, оценивая статус расправ, нижних земских судов и сельских заседателей. Несмотря на то, что отдельные крестьяне и служилые люди были готовы действовать в групповых интересах, общим правилом стало их включение в систематическую работу по укреплению законности. Масштабы деятельности расправ на Урале соответствовали численности лично свободного населения.

Деятельность судебных представителей объективно повысила эффективность реализации уголовной политики и значение законодательства при разрешении имущественных споров. Заседатели фиксировали свою юридическую и нравственную ответственность, участвуя в приеме заявлений от населения, контролируя скорость производств по делам, проявляя требовательность к должностным и частным лицам, принимая решения об осуждении подсудимых с назначением или без назначения им наказаний или освобождении их от уголовного преследования. Заседатели реализовали свой статус, противодействуя правонарушениям государственных служащих, участвуя в контроле за соблюдением трудовой дисциплины и надлежащим исполнением обязанностей канцелярскими работниками.

Несмотря на низкий служебный статус, судебные представители решительно отстаивали его в конфликтах с любыми лицами, закономерно используя силу государственной власти, а также получали охрану нового личного статуса после отставки. Лица, приобретшие опыт публичной службы и правоприменительной деятельности, успешно сотрудничали с государственными органами, применяли юридические знания в роли процессуальных представителей, наконец, вновь участвовали в выборах. В свою очередь, процессуальные представители — поверенные, нанимавшиеся обывателями и группами обывателей из числа наиболее активных общественников — стали новым источником пополнения рядов кандидатов на должность судьи.

Принцип выборности не только позитивно сказался на качестве взаимодействия органов государственного, общественного и частного управления, но и способствовал улучшению общественного климата в части межсословных и межэтнических отношений. Группа социально активных подданных, сотрудничавших с государственным аппаратом, не стала частью бюрократической системы, но превратилась в устойчивый канал связи власти и населения. При смене во время выборов до 90% лиц в составе коллегий только на Урале в 1780—1796 гг. через должности сельских заседателей в расправах, совестных и нижних земских судах могли пройти около 1380 человек.

Деятельность расправ и нижних земских судов стимулировала развитие правосознания подданных. Процессуальные обязанности населения в уголовных делах включали участие в опросах («повальных обысках»), выплатах денежных средств на содержание общественников под стражей на время производства следствия, исполнении телесных наказаний, назначенных судом. Обыватели принимали коллективное решение о приеме или отказе в приеме осужденных вновь на постоянное жительство в их общину, брали лиц, в определенных случаях ограниченных судом в свободе их действий, на поруки и обязались контролировать их последующую жизнь.

При разрешении жалоб и исков обыватели, прежде всего, стремились заручиться поддержкой высших должностных лиц в губернии — начальников и правителей — гарантировавших надзор за соблюдением их прав и законных интересов при производствах по делам и, в первую очередь, за действиями или бездействием подчиненных им

государственных, а также общественных органов и должностных лиц. Активность населения позволяла местной администрации успешно избавляться от работников, профессионально и морально непригодных для государственной гражданской службы.

В то же время население массово обращалось в нижние расправы и нижние земские суды, рассчитывая на правосудие, знакомясь с нормами процессуального законодательства. Обыватели обращались в государственные органы с целью не только оказать закономерное давление на ответчиков, но и предупредить насилие, поставив потенциальных правонарушителей под их надзор. Учитывая специфику преступлений, совершавшихся в кочевом быту, заявители сообщали как о пропаже животных, так и обстоятельствах восстановления владения ими.

Пореформенные суды позволяли подданным успешно отстаивать социальный статус, а зависимым лицам — право на личную свободу. Расправы эффективно прекращали территориальные споры всех групп населения, учитывая специфику местных общественных отношений. Истцы апеллировали к авторитету государственных органов и силе государственного принуждения не только при нарушении обязательств ответчиками, но и в семейно-бытовых делах, правосудие стирало социальные границы между представителями этнической элиты и их рядовыми соплеменниками, вовлекая местные народы в правовое поле России. Наконец, государственные органы санкционировали применение мусульманского права и гарантировали исполнение решений исламских судов.

Кропотливый труд великого реформатора, безусловно, укрепил позиции государства на Урале и сократил масштабы социальных противоречий.

Примечания

1. КАБУЗАН В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М. 1971, с. 210—248.
2. ЧЕРКАСОВА А.С. Численность и размещение приписных крестьян России во второй половине XVIII в. В кн.: Историческая география России XVIII в. Ч. 1. М. 1981, с. 186—187.
3. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 491, оп. 1, д. 179, л. 14.
4. Государственный архив Пермской области (ГА ПО), ф. 290, оп. 1, д. 6, л. 2—3.
5. ГА СО, ф. 591, оп. 1, д. 5, л. 62, 64—65.
6. КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 190, 203; ТАРАСОВ Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М. 1984, с. 54.
7. АЛФЁРОВА Е.Ю., ГОЛИКОВА С.В. Эволюция этнодемографической среды Урала в XVI—XIX вв. В кн.: Этнодемографическое развитие Урала в XIX—XX вв. (историко-социологический подход). Екатеринбург. 2000, с. 22—23; КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 210—248; ТАРАСОВ Ю.М. Ук. соч., с. 61.
8. ТАРАСОВ Ю.М. Ук. соч., с. 62—63.
9. ГОЛОВЧЕНКО А.Ю. Организация волости в Оренбургской губернии во второй половине XVIII — первой половине XIX века. — Вестник ЧелГУ, сер. История. 2001, № 1, с. 19—23.
10. АЛФЁРОВА Е.Ю., ГОЛИКОВА С.В. Ук. соч., с. 24; ТОЛМАШЕВСКАЯ Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа. 2002, с. 80.
11. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО), ф. И-44, оп. 1, д. 38, л. 6об.—7; Центральный исторический архив республики Башкортостан (ЦИА РБ), ф. 346, оп. 3, д. 1, л. 2—3.
12. ОГА ЧО, ф. И-44, оп. 1, д. 38, л. 1, 6, 7об.—8, 12.
13. ТАРАСОВ Ю.М. Ук. соч., с. 48.
14. ОГА ЧО, ф. И-44, оп. 1, д. 38, л. 17—85.
15. ЦИА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 124—154, 198.
16. ОГА ЧО, ф. И-44, оп. 1, д. 114, л. 191—243об.
17. БИКЪУЛАТОВ Н.В., ЮСУПОВ Р.М., ШИТОВА С.Н., ФАТЫХОВА Ф.Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа. 2002, с. 171; ШАКУ-

РОВА Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII — начале XIX в. Уфа. 1992, с. 67.

18. ЦИА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 143—155.
19. ГВОЗДИКОВА И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачёва. Уфа. 1999, с. 185, 304—305.
20. ОГА ЧО, ф. И-117, оп. 1, д. 14, л. 30—37.
21. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 1, оп. 3, д. 1471, л. 1—11; ф. 583, оп. 16, д. 248, л. 5; д. 1317, л. 19.
22. ОГА ЧО, ф. И-44, оп. 1, д. 126, л. 1—8; ЦИА РБ, ф. 100, оп. 1, д. 2, л. 136об.
23. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. V. М. 1989, с. 338.
24. ГА КО, ф. 583, оп. 610, д. 1, л. 1—1об.
25. ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 19, л. 17—17об.; д. 58, л. 5—6об.
26. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 19, л. 32; д. 6, л. 52, 201об.; д. 14, л. 101.
27. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 36, л. 1—14.
28. ГА СО, ф. 771, оп. 1, д. 8, л. 1—11.
29. Там же, д. 207, л. 2.
30. ГА КО, ф. 583, оп. 600, д. 504, л. 1—1об.
31. ОГА ЧО, ф. И-117, оп. 1, д. 6, л. 407—408.
32. Там же, д. 19, л. 51, 142—144об.
33. ГА КО, ф. 1, оп. 3, д. 70, л. 2—18; ф. 1228, оп. 2, д. 135, л. 4—7.
34. ОГА ЧО, ф. И-117, оп. 1, д. 19, л. 134.
35. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ), ф. 1243, оп. 1, д. 15, л. 9; ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 14, л. 6.
36. ГА КО, ф. 1377, оп. 1, д. 6, л. 1—6; д. 14, л. 1—7; ОГА ЧО, ф. И-44, оп. 2, д. 153, л. 1—4об.; ф. И-115, оп. 1, д. 90, л. 1—12; д. 121, л. 25—25об.
37. ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 14, л. 1—44об.
38. ГА КО, ф. 1378, оп. 1, д. 39, л. 1, 2, 6; ОГА ЧО, ф. И-116, оп. 1, д. 14, л. 1—67.
39. ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 82, л. 10; д. 90, л. 2; д. 98, л. 15.
40. Там же, ф. И-116, оп. 1, д. 23, л. 10об., 58, 76об., 78, 96об., 99об., 114об., 123.
41. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 98, л. 1—48.
42. Там же, ф. И-44, оп. 1, д. 201, л. 1.
43. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 92, л. 1—2.
44. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 38, л. 453—454; ф. И-117, оп. 1, д. 4, л. 230—230об.; д. 17, л. 352—353об., 366—367.
45. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 6, л. 94, 634—634об.
46. Там же, д. 11, л. 5—5об.; д. 14, л. 60—60об.; ф. И-115, оп. 1, д. 58, л. 5.
47. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 11, л. 1—54. Следует отметить, что авторы «Истории Урала с древнейших времен» (М. 1989) профанировали данный источник в качестве свидетельства «углубления социальных расслоений» и, как следствие, «проявления социальной борьбы внутри крестьянского мира» (с. 399).
48. ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 38, л. 1—351.
49. Там же, д. 121, л. 11—12об.
50. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 4, л. 69.
51. Там же, ф. И-116, оп. 1, д. 23, л. 1—164.
52. ГА СО, ф. 771, оп. 1, д. 3, л. 1—2; ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 13, л. 2; д. 25, л. 1—5.
53. ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 56, л. 2—11об.
54. ГА СО, ф. 771, оп. 1, д. 210, л. 1—8.
55. ОГА ЧО, ф. И-117, оп. 1, д. 14, л. 385—385об.
56. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 121, л. 1—2, 3—3об., 7—8, 41—41об.
57. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 11, л. 1—1об.
58. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 121, л. 27—28.
59. НА РТ, ф. 1243, оп. 1, д. 15, л. 1—5, 12.
60. ОГА ЧО, ф. И-44, оп. 1, д. 91, л. 1—3; ф. И-115, оп. 1, д. 13, л. 2; ф. И-117, оп. 1, д. 6, л. 201—201об.
61. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 98, л. 1—48.
62. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 4, л. 33—33об.
63. ГА ПО, ф. 177, оп. 1, д. 115, 118.
64. ОГА ЧО, ф. И-115, оп. 1, д. 121, л. 5—5об., 9—10об., 17—18об.
65. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 4, л. 35—42об.; оп. 1, д. 6, л. 866—869; ф. И-115, оп. 1, д. 106, л. 1—20.
66. Там же, ф. И-115, оп. 1, д. 121, л. 26—26об.
67. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 6, л. 443; ф. И-115, оп. 1, д. 121, л. 37—38.
68. Там же, ф. И-117, оп. 1, д. 4, л. 45об.; д. 6, л. 279—283, 355—378, 580—581.

Проблема рабства и присоединение Техаса к США в первой половине XIX в.

К.В. Миньяр-Белоручев

На протяжении XIX в. территориальная экспансия выступала в качестве магистрального направления развития США. За пятьдесят лет — между 1803 и 1853 гг. — территория страны увеличилась в три с половиной раза. Перешагнув через Миссисипи, Соединенные Штаты покорили необъятные просторы североамериканского континента и утвердились на побережье Тихого океана. После окончания Гражданской войны (1861—1865) экспансия США продолжилась за пределами континентально-сопряженной территории в северо-западном (Аляска), тихоокеанском (Мидуэй, Гавайи, Филиппины, Уэйк, Восточное Самоа) и карибском (Пуэрто-Рико, Куба) направлениях. Однако присоединение новых территорий наталкивалось не только на внешние барьеры — противодействие государств, владевших интересующими американцев территориями или выдвигавших на них претензии, но и на внутренние — наличие оппозиции внутри страны. Объектом политической борьбы могли выступать целесообразность экспансии как таковой, выбор магистрального направления для расширения американской территории, методы осуществления экспансии, а также социально-политические последствия присоединения новых территорий.

Во второй четверти XIX в. центральное место при обсуждении проблемы территориальной экспансии занимал техасский вопрос. Впервые, правда неофициально, Соединенные Штаты выдвинули претензии на Техас сразу после покупки Луизианы (1803). Поскольку точные границы приобретаемой территории определены не были, президент США Томас Джефферсон получил возможность утверждать, что Техас является частью Луизианы, и настаивать на соответствующих территориальных уступках со стороны Испании¹. Формально первый раунд притязаний США на Техас завершился с подписанием американо-испанского Трансконтинентального договора (1819) с последовавшей спустя два года ратификацией. По условиям

Миньяр-Белоручев Константин Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ им. Ломоносова.

договора граница между Мексикой (на момент подписания договора принадлежавшей Испании, но вскоре добившейся независимости) была установлена на всем протяжении от Мексиканского залива до Тихого океана, при этом Техас оставался на мексиканской стороне границы, а США формально отказались от всех притязаний на данные территории². Указанный договор оформил переход к США Флориды (захваченной американцами в 1810—1818 гг.), а также предусматривал отказ Испании от претензий на Орегон в пользу США.

Новый раунд американских притязаний на Техас начался практически сразу после ратификации договора. Действия американцев осуществлялись в двух направлениях: на государственном уровне речь шла о попытках купить Техас у Мексики (с подобными предложениями американское правительство обращалось четыре раза: в 1825, 1827, 1829 и 1835 гг.), на негосударственном — началась колонизация Техаса гражданами США с подачи отца и сына Остинов, получивших разрешение вначале испанских, а затем и мексиканских властей на организованное освоения территории Техаса американскими поселенцами. Привлечению американцев в Техас способствовали и принятые Мексикой законы о колонизации, предусматривавшие продажу земли (в том числе и иностранцам) по ценам, существенно более низким, чем в соседних Соединенных Штатах.

В результате активной колонизационной политики в 1830 г. в Техасе насчитывалось 20 тыс. американцев, к середине 1830-х гг. общее число североамериканских колонистов достигло 30 тыс. (для сравнения — в Техасе также проживали 3,5 тыс. мексиканцев и 14 тыс. индейцев). Отношения между мексиканскими властями и американскими поселенцами складывались напряженно: колонисты оставались гражданами США, сохраняли тесные связи с родной страной и устанавливали на занимаемых землях американские порядки и законы; Соединенные Штаты, со своей стороны, оказывали всяческую поддержку американским поселенцам на территории соседнего государства; наконец, в связи с тем, что осваиваемые территории находились в непосредственной близости от американских границ, колонисты изначально брали курс на последующее включение их в состав США. Кульминацией данного противостояния стала революция 1836 г., в результате которой была провозглашена независимость Техаса, а границы новой республики в одностороннем порядке расширялись на юге и западе до Рио-Гранде (традиционно границей Техаса считалась река Нуэсес)³. Техасцы с оружием в руках отстаивали свою независимость (не обошлось без поддержки Соединенных Штатов), а США в марте 1837 г. первыми из иностранных держав признали Техасскую республику. Эндрю Джексон подписал соответствующие документы в последний день своего пребывания на посту президента США.

После провозглашения независимости Техаса вопрос о его включении в состав США получил новое звучание. Как власти, так и рядовые граждане новой республики видели свое будущее исключительно в качестве составной части Соединенных Штатов. В августе 1837 г. правительство Техаса обратилось к американским властям с официальным предложением о вхождении в состав США. Как писал посол Техасской республики в Вашингтоне, «для народа Техаса будет невозможно рассматривать народ Соединенных Штатов в качестве ино-

странного», что обусловлено «большим сходством народов и институтов обеих стран» и тем фактом, что их «отделяет друг от друга лишь воображаемая линия»⁴. Однако американское правительство восприняло данную инициативу с осторожностью: администрация нового президента Мартина Ван-Бюрена ответила отказом на предложение Техасской республики, заявив о несвоевременности подобного шага. В официальном ответе, направленном техасской стороне, государственный секретарь США Джон Форсит отмечал: «Вопрос о вхождении независимого иностранного государства в состав Соединенных Штатов никогда ранее не ставился на рассмотрение американского правительства... По мнению президента, вопросы, касающиеся того, предусматривает ли Конституция Соединенных Штатов возможность присоединения такого государства, и в том случае, если предусматривает, каким образом это присоединение может быть осуществлено, при имеющихся обстоятельствах рассматривать нецелесообразно»⁵.

Сдержанная позиция американского правительства была обусловлена внешне- и внутривнутриполитическими осложнениями, к которым могло привести присоединение Техаса. С одной стороны, Мексика считала Техас своей мятежной провинцией: в этих условиях аннексия означала резкую эскалацию американо-мексиканских отношений — нельзя было исключать и возможность начала войны (именно этот аргумент приводился в качестве обоснования несвоевременности рассмотрения вопроса об аннексии Техаса в письме Форсита⁶), хотя ее вероятность вряд ли можно расценивать как значительную. С другой стороны, с каждым годом возможное присоединение Техаса оказывалось все более тесно связано с проблемой рабства — наиболее взрывоопасным вопросом в политической жизни США середины XIX в., ставившим под удар единство ведущих американских политических партий и целостность страны как таковую. Именно вопрос о рабстве стал главным препятствием для включения Техаса в состав США, отложившим аннексию на восемь лет.

Основной массив американских поселенцев в Техасе составляли выходцы из южных штатов, чему способствовала как географическая близость к американскому Югу, так и сходство природно-климатических условий с юго-западными штатами США, что создавало благоприятные условия для сохранения привычного для южан социально-экономического уклада. В Техас ехали преимущественно мелкие рабовладельцы, которые видели в освоении новых территорий возможность увеличить свое благосостояние, или белые фермеры, слишком бедные, чтобы иметь рабов, но идеалом успеха и благосостояния которых являлся статус плантатора-рабовладельца. Хотя рабы составляли менее 15% населения Техаса, это делало его полноценной рабовладельческой страной. Отмена рабства в Мексике в 1829 г. оказалась неприемлемой для заселивших Техас американских колонистов, и мексиканское правительство вынуждено было пойти на компромисс, согласившись рассматривать рабов в качестве контрактных рабочих, договор с которыми заключался на 99 лет. С провозглашением независимости поток переселенцев в Техас увеличился, а какие-либо барьеры на пути распространения рабства исчезли.

Именно рабство, по мнению значительного числа представителей свободных северных штатов, являлось непреодолимым препят-

ствием для аннексии Техаса. Создание независимой тexasской республики и ее стремление войти в состав США поставили данный вопрос в центр широкого общественного обсуждения. Законодательные собрания восьми северных штатов приняли резолюции против присоединения Техаса, а общее число подписей под соответствующими петициями достигло шестисот тысяч ⁷. Позицию антирабовладельчески настроенных кругов в 1837 г. очень хорошо выразил Дэниел Уэбстер, сенатор от штата Массачусетс, представитель партии вигов: «Техас, по всей видимости, останется рабовладельческой страной, и я не собираюсь скрывать своего нежелания каким-либо образом способствовать распространению рабства африканской расы на этом континенте или включению новых рабовладельческих штатов в Союз... Я считаю, что народ Соединенных Штатов не согласится принять в Союз новую обширную рабовладельческую страну, достаточно большую для создания полудюжины или дюжины штатов... Я не знаю ничего, включая Конституцию и сам Союз, что не оказалось бы в опасности в результате взрыва, который последует за этим» ⁸.

Краеугольным камнем двухпартийной системы «демократы — виги», окончательно сложившейся в США в середине 1830-х гг., являлся отказ от публичного обсуждения вопроса о рабстве. Игнорирование наиболее фундаментального противоречия, существовавшего в американском обществе до Гражданской войны, стало возможным за счет того, что обе ведущие партии строились на общенациональной основе (как демократы, так и виги имели примерно равную поддержку на Севере и на Юге) и каждая из них объединяла как сторонников, так и противников рабства. Отказ от обсуждения проблемы рабства был оформлен законодательно в 1836 г., когда в нижней палате американского Конгресса — Палате представителей — была принята серия из трех резолюций, известных как резолюции Пинкни по имени их автора — Генри Пинкни, конгрессмена-демократа от Южной Каролины: «Конгресс не имеет конституционного права каким-либо образом затрагивать институт рабства в штатах Союза»; «Конгресс не должен затрагивать каким-либо образом институт рабства в округе Колумбия» (то есть, в столице США — Вашингтоне); «все петиции, представления, резолюции, предложения или сообщения, тем или иным образом касающиеся вопроса о рабстве или об отмене рабства, не будут подлежать публикации и рассмотрению, а будут сняты с обсуждения, и в отношении них не будут предприниматься какие-либо дальнейшие действия» ⁹. Наибольшую известность получила третья резолюция Пинкни, вводившая так называемое «правило кляпа» — ограничение на обсуждение аболиционистских резолюций и обращений в Палате представителей, которое из года в год возобновлялось на последующих сессиях Конгресса.

В этих условиях отказ Мартина Ван-Бюрена, представлявшего демократическую партию, от аннексии Техаса полностью укладывался в магистральное направление политической жизни США. Подобной позиции придерживались и другие ведущие политики общенационального масштаба, причем представлявшие не только северные штаты (наряду с самим Ван-Бюреном следует упомянуть Джона Квинси Адамса), но и южные (Генри Клей). После провозглашения независимости Техаса инициатива о его аннексии в Соединенных

Штатах могла исходить только от политиков-южан, стоящих на узкосекционных позициях.

Вновь вопрос о присоединении Техаса был поднят в октябре 1841 г. с подачи нового президента США Джона Тайлера, который представлял южный штат Виргиния, занимал активную прорабовладельческую позицию и по многим вопросам имел точку зрения, отличную от большинства лидеров партии вигов, в которой сам состоял. В 1840 г. Тайлер был избран на пост вице-президента США, а после скоропостижной кончины президента Уильяма Гаррисона занял высший пост в стране. Тайлер осознавал, что главные возражения представителей северных штатов против аннексии связаны с вопросом о рабстве, однако полагал, что принятие жестких мер по ограничению работорговли способно их умиротворить и обеспечить их согласие на включение Техаса в состав США¹⁰. Дэниел Уэбстер, занимавший в этот момент пост государственного секретаря, высказался категорически против плана президента, используя в первую очередь аргументы антирабовладельческого характера: «Не существует политической необходимости для аннексии Техаса; подобная мера не принесет никакой выгоды нашему Союзу, а выдвигаемые против нее возражения носят... принципиальный характер»¹¹.

Тайлер вынужден был уступить, однако от своих планов не отказался — на протяжении 1842 г. президент обсуждал данный вопрос с представителями Техаса, выражая «сильное желание» видеть эту республику в составе США¹². Он вернулся к проблеме аннексии в 1843 г. — после отставки Уэбстера. К этому времени отношения президента с вигами окончательно расстроились, и Тайлера уже ничто не связывало с партией, благодаря которой он попал в Белый дом. Основной опорой Тайлера стал узкий круг южных политиков, представлявших, главным образом, Виргинию и Южную Каролину и не скрывавших своего нежелания к поиску компромиссов по проблеме рабства. Именно в их руках оказался контроль за формированием внешней политики США, что делало практически неизбежным постановку вопроса об аннексии Техаса на политическую повестку дня.

Основными советниками Тайлера по внешнеполитическим проблемам стали Абель Апшер, Томас Гилмер (оба — Виргиния), Джон Кэлхун, Хью Легаре и Джордж Макдаффи (все — Южная Каролина). После отставки Уэбстера трое из них последовательно занимали пост государственного секретаря в администрации Тайлера: Легаре (как исполняющий обязанности, май-июнь 1843), Апшер (июнь 1843 — февраль 1844), Кэлхун (март 1844 — март 1845). Подготовка и заключение договора об аннексии Техаса было в первую очередь заслугой Абеля Апшера. Главная сложность заключалась в том, чтобы убедить правительство Техаса пойти на подписание договора, несмотря на вполне обоснованные сомнения техасской стороны в способности администрации Тайлера обеспечить ратификацию договора в Сенате США. Государственный секретарь справился с этой задачей, однако поставить свою подпись под договором Апшеру было не суждено — в феврале 1844 г. вместе с Гилмером он трагически погиб во время взрыва на военном корабле «Принстон». Договор о вхождении Техаса в состав США был заключен 12 апреля 1844 г., с американской стороны его подписал следующий государственный секретарь — Джон Кэлхун.

Ни Апшер, ни Кэлхун (равно как и Тайлер) не видели в проблеме рабства непреодолимого препятствия на пути присоединения Техаса. Свои взгляды на «особый южный институт», как на Юге именовали рабство, Апшер подробно выразил в эссе «Американское рабство», опубликованном в 1839 г. в журнале «Southern Literary Messenger», а также затронул в изданной в 1840 г. работе «Краткое исследование истинной природы и характера нашего федерального правительства». Апшер рассматривал рабство как основу демократических установлений американского Юга, институт, существование которого оправдано с точки зрения политики, экономики и морали, а также юридически обосновано¹³. Схожих позиций придерживался Кэлхун, которому принадлежит одно из наиболее известных выступлений в защиту рабства — речь по вопросу приема аболиционистских петиций, произнесенная в Конгрессе в феврале 1837 г., впоследствии изданная в качестве отдельного памфлета. В своем выступлении Кэлхун представлял рабство как неотъемлемую часть Североамериканского союза, наилучший и взаимовыгодный способ сосуществования черной и белой рас, а также отмечал благотворность рабства для представителей черной расы¹⁴.

Подготовка договора об аннексии Техаса осуществлялась тайно. Президент Тайлер и его соратники осознавали, насколько взрывоопасным является данный вопрос, и что его преждевременное обсуждение широкой общественностью может поставить крест на планах администрации. Следующим шагом после подписания договора должна была стать его ратификация в Сенате (для чего требовалось квалифицированное большинство в две трети). Это было непростой задачей с учетом того, что техасский вопрос поляризовал американское общество: если на Юге большинство выступало за аннексию, то в северных штатах данное предложение встречало мощную оппозицию со стороны противников распространения рабства. Американские сенаторы, в свою очередь, чутко реагировали на настроения своих избирателей и в большинстве случаев не были готовы их игнорировать.

Начало подготовки общественного мнения к возможной аннексии Техаса было положено более чем за год до подписания договора с Техасом (в тот момент Государственный департамент еще возглавлял Уэбстер). В январе 1843 г. было опубликовано открытое письмо Томаса Гилмера, в котором автор исходил из неизбежности скорого вхождения Техаса в состав США и выражал уверенность в том, что аннексия принесет процветание всему Североамериканскому союзу. Согласно рассуждениям Гилмера, основную экономическую выгоду от аннексии должен был получить Север, в связи с тем, что Техас представлял собой потенциальный рынок для «продуктов промышленности и сельского хозяйства нерабовладельческих штатов». Гилмер соглашался, что наиболее распространенным доводом против аннексии Техаса является существование там рабства, однако приводил следующий контраргумент: противостояние свободных и рабовладельческих штатов угрожало целостности страны вне зависимости от присоединения Техаса, в то время как внешний вызов и возобновление экспансии должны были сплотить американцев и помочь им преодолеть внутренние разногласия. Гилмер также выражал уверенность, что аннексия Техаса станет первым шагом на пути движения США к тихоокеанскому побережью,

открывающим путь к присоединению Орегона и Калифорнии ¹⁵. В письме Гилмера содержались основные доводы, которые будут не раз использоваться экспансионистами в борьбе за аннексию Техаса.

Ответ противников рабства последовал практически незамедлительно. В начале марта 1843 г. было опубликовано «Обращение к гражданам свободных штатов Союза», подписанное 13 конгрессменами-вигами от северных штатов (впоследствии их число выросло до 21), во главе которых стоял Дж.К. Адамс, конгрессмен-виг от штата Массачусетс и экс-президент США. Адамс и его соратники предупреждали, что южане, шестью годами ранее спровоцировавшие революцию в Техасе, продолжают вынашивать планы по его включению в состав США. Присоединение к Соединенным Штатам обширных территорий, на которых уже существует рабство, по мнению авторов обращения, вело к увеличению числа рабовладельческих штатов и соответственно способствовало «увечиванию рабства и укреплению господства рабовладельцев» ¹⁶.

Осенью 1843 г. администрация Тайлера начала массированное пропагандистское наступление в поддержку экспансии, все еще не раскрывая своих планов. В конце октября — ноябре 1843 г. вышла серия публикаций, в которых присоединение Техаса было представлено как залог процветания Юга, безопасности и целостности США. В статьях утверждалось, что Великобритания стремится установить свое влияние в Техасе, для того чтобы добиться окончательной отмены рабства на североамериканском континенте. Особый акцент делался на утверждении гуманности рабства (в качестве обоснования проводилось сравнение положения американских рабов и английских промышленных рабочих, состояние которых характеризовалось как «белое рабство»), благотворности и полезности этого института для страны в целом. Присоединение Техаса позиционировалось как «великая южная мера», направленная на противодействие аболиционистским устремлениям Великобритании, при этом аннексионисты активно эксплуатировали расовые предрассудки ¹⁷.

В феврале 1844 г. было опубликовано еще одно открытое письмо в поддержку аннексии («Письмо относительно присоединения Техаса»), разошедшееся впоследствии в большом количестве копий, автором которого являлся сенатор-демократ от Миссисипи Роберт Уокер. Основной тезис заключался в том, что аннексия ускорит отмену рабства в США. Рассуждения Уокера выстраивались следующим образом: почвы в штатах «старого Юга» уже истощены, что делает ведение там плантационного хозяйства невыгодным, особенно по сравнению с плодородными и еще нетронутыми землями Техаса; за его вхождением в состав США последует массовая миграция плантаторов с рабами на новые территории, в результате чего рабство вскоре исчезнет в большинстве южных штатов; что же касается Техаса, то и там экстенсивное ведение сельского хозяйства через несколько десятков лет должно привести к истощению земель и превращению рабства в экономически невыгодное, а это вынудит рабовладельцев освободить рабов, которые переселятся в Мексику или на острова Карибского моря ¹⁸. Разумеется, ни сам автор «Письма», ни большая часть из тех, кто повторял подобные аргументы, не относились к ним серьезно (достаточно сказать, что осенью 1844 г. Уокер выпустил другой пам-

флет, «Юг в опасности», в котором доказывалась необходимость присоединения Техаса для защиты института рабства).

Информация о готовящейся аннексии появилась в прессе лишь в начале марта 1844 г., и для подавляющего большинства американцев эти известия оказались полной неожиданностью. Ведущий орган вигов Массачусетса газета «Boston Atlas» следующим образом реагировала на данную информацию: «До самого недавнего времени мы не могли даже вообразить, что подобный проект найдет поддержку значительного числа членов правительства или что какой-либо политик, обладающий чуть большим политическим влиянием, чем всеми презираемый Джон Тайлер, решится на осуществление этой меры и выступит в ее поддержку»¹⁹. В середине марта было опубликовано открытое письмо Дэниела Уэбстера, в котором бывший государственный секретарь повторил свою точку зрения по вопросу возможного присоединения Техаса, озвученную в 1837 г.: аннексия является неконституционной, ненужной и опасной. Основным аргументом против вхождения Техаса в состав Соединенных Штатов, по мнению Уэбстера, является опасность распространения рабства²⁰.

Десять дней спустя после заключения договора с Техасом президент Тайлер направил его на ратификацию в Сенат. Еще через пять дней отношение к аннексии одновременно публично высказали Генри Клей и Мартин Ван-Бюрен, наиболее вероятные кандидаты от своих партий (вигов и демократов соответственно) на предстоящих осенью 1844 г. президентских выборах. Оба они отрицательно отозвались о заключенном с Техасом договоре и выступили против немедленной аннексии. При этом позиция Ван-Бюрена отличалась уклончивостью и неопределенностью: выступив против политики администрации Тайлера в техасском вопросе, лидер демократов в то же время обещал в будущем пересмотреть свое мнение, если большинство американцев выскажется за аннексию²¹. Точка зрения Клея была более последовательной: присоединение Техаса, по его мнению, было «равнозначно началу войны с Мексикой», на стороне которой могут выступить «Великобритания и Франция, или одна из этих держав». Клей признавал, что как сторонники, так и противники присоединения Техаса стремятся повлиять на равновесие политических сил между Севером и Югом, но считал неприемлемым присоединение новых территорий ради усиления одной части страны за счет ослабления другой²².

Обсуждение договора продолжалось в Сенате на протяжении полутора месяцев — с 22 апреля по 8 июня 1844 года. Наиболее ожесточенные противоречия касались двух вопросов: рабства и угрозы войны с Мексикой. Присоединяемая территория была достаточно большой, пригодной для создания четырех или пяти динамично развивающихся рабовладельческих штатов. Подобное усиление позиций рабовладельцев, которые автоматически получали дополнительные места в Сенате (по два сенатора на каждый штат), было неприемлемо для северян. Как заявил сенатор-виг от Кентукки Джон Криттенден, Север не допустит присоединения Техаса из-за распространения рабства²³.

Обсуждение вопроса о рабстве в связи с присоединением Техаса угрожало партийному единству демократов и вигов. В обеих партиях четко прослеживались три позиции по данному вопросу: многие южане выступали за присоединение Техаса, на Севере были сильны позиции

противников рабства и аннексии, наиболее многочисленную группу составляли колеблющиеся элементы, опасавшиеся, что борьба по техасскому вопросу вызовет раскол партий и поставит под удар единство Союза. При этом в целом для вигов было характерно более сдержанное отношение к экспансии как таковой, а продвижение на юг представлялось им менее желательным, чем территориальные приобретения на северо-западе. Представители демократической партии были в значительно большей степени настроены в пользу экспансии и благосклонно воспринимали аннексию в том случае, если при этом удастся избежать обсуждения проблемы рабства (возможным вариантом подобного компромиссного урегулирования могло стать «присоединение Техаса на правах свободного штата»²⁴).

Чтобы добиться ратификации договора с Техасом в Сенате, сторонники аннексии должны были решить две прямо противоположные задачи. С одной стороны, было необходимо убедить северян, что вхождение Техаса в состав США принесет экономическую выгоду для северных штатов и одновременно приблизит ликвидацию рабства. С другой стороны, требовалось доказать южанам, что в их интересах добиться осуществления аннексии в самое ближайшее время, поскольку лишь присоединение Техаса способно в полной мере защитить и укрепить собственность рабовладельцев. При этом если аннексия действительно отвечала интересам южан, то для Севера преимущества присоединения Техаса были мнимыми. Нейтрализовать возражения противников аннексии в северных штатах могли ограничение или же полная отмена рабства в Техасе в качестве условия его вхождения в состав США, однако экспансия без рабства не интересовала южан. «Принять Техас в качестве свободного штата или согласиться на его существование в качестве независимого и суверенного нерабовладельческого государства будет губительным для Союза», — писал в свое время Кэлхуну Апшер²⁵.

Партийный и секционный расклад сил в американском Сенате создавал ситуацию, при которой для ратификации договора с Техасом были необходимы голоса представителей обеих партий и обеих секций: из 52 сенаторов 28 являлись вигами (15 южан и 13 северян) и 24 — демократами (11 южан и 13 северян). Апшер, а после его гибели и Кэлхун рассчитывали добиться ратификации договора, сплотив голоса всех демократов (северных и южных) и всех представителей южных рабовладельческих штатов (демократов и вигов). В таком случае за присоединение Техаса свои голоса должны были отдать 39 из 52 сенаторов²⁶. Когда в январе 1844 г. Апшер заверял представителей Техаса, что экспансионистам удастся получить необходимое для ратификации договора число голосов, он исходил из указанных расчетов: «оценивая возможный исход голосования в Сенате, Апшер... отнес к сторонникам присоединения Техаса всех демократов, а также всех вигов от рабовладельческих штатов»²⁷.

Рассматривая в качестве приоритетной задачи необходимость привлечь на свою сторону сенаторов-вигов от южных штатов, экспансионисты в качестве главного аргумента в поддержку аннексии использовали необходимость защиты рабства на Юге, надеясь в то же время, что северные демократы поддержат аннексию, невзирая на столь радикальную постановку проблемы, «руководствуясь не доводами

администрации, но условиями самого договора»²⁸. Исходя из указанной логики, Кэлхун направил в Сенат копии своих писем, адресованных британскому посланнику в США Ричарду Пакенхему, в которых он утверждал, что сохранение рабства является важнейшей целью американской внешней политики и что присоединение Техаса воспрепятствует аболиционистским планам Великобритании в Северной Америке²⁹. Письма Кэлхуна привели к еще большей поляризации американского общества, однако своей главной цели не достигли. Позиция государственного секретаря подверглась резким нападкам противников присоединения Техаса и вызвала откровенное недоумение многих сторонников аннексии на Севере, которые выражали уверенность, что приведенные Кэлхуном аргументы в поддержку присоединения Техаса являются «плохими доводами в пользу хорошего дела»³⁰.

В ходе итогового голосования подавляющее большинство сенаторов выступило против присоединения Техаса. Сенат отклонил договор о вхождении Техаса в состав США 16 голосами против 35: против ратификации договора выступили 27 вигов (14 от южных и 13 от северных штатов), один виг с юга поддержал аннексию, за аннексию высказались 15 демократов (10 южан и 5 северян), 8 демократов голосовали против (7 северян и 1 южанин)³¹.

В Сенате обсуждение договора с Техасом завершилось поражением экспансионистов. Однако за весенние месяцы 1844 г. проблема аннексии Техаса и шире — вопрос о возобновлении экспансии — успели выйти за пределы Белого дома и Капитолия. Пока шли дебаты в Конгрессе, аннексионисты смогли привлечь к указанным проблемам внимание широких кругов американской общественности и что более важно — сделать техасский вопрос одним из ключевых в набирающей ход президентской предвыборной гонке. Партия вигов поддержала антианнексионистскую позицию Генри Клея, единодушно выдвинув его кандидатом на пост президента. Расклад сил в демократической партии оказался иным: сдержанность, которую Мартин Ван-Бюрен продемонстрировал в техасском вопросе, стоила ему партийной номинации — выдвижение Ван-Бюрена было заблокировано усилиями южного крыла демократической партии. Кандидатом демократов на пост президента стал Джеймс Полк — политик, мало известный широким кругам избирателей, главными достоинствами которого, с точки зрения южан, являлись недвусмысленная поддержка аннексии и близкая личная дружба, которая связывала Полка как с Эндрю Джексонсом (экс-президент США и основатель демократической партии), так и с Джоном Кэлхуном. Принятая на конвенте предвыборная платформа носила откровенно экспансионистский характер и содержала требование присоединения в кратчайшие сроки не только Техаса, но и Орегона³². Фактически «контроль над демократической партией постепенно переходил в руки южан», что являлось первым шагом на пути ее превращения «из общенациональной в открыто прорабовладельческую»³³.

Техасский вопрос занял центральное место в предвыборной кампании 1844 года. Присоединение Техаса вело к усилению рабовладельческого Юга, что грозило нарушить сложившийся в стране секционный баланс сил, а также ставило под удар единство обеих партий. Полярных позиций в техасском вопросе придерживались южные де-

мократы и северные виги, при этом наиболее радикальные взгляды отличали демократов Южной Каролины — с одной стороны, и вигов Массачусетса — с другой. Первые под идейным руководством Дж. Кэлхуна решительно отстаивали необходимость аннексии, вторые, возглавляемые Дж.К. Адамсом, столь же последовательно выступали против присоединения Техаса. Как для одних, так и для других техасский вопрос был неразрывно связан с проблемой рабства, и те и другие использовали угрозу сецессии — выхода из состава США в случае, если Техас войдет (массачусетские виги) или же не войдет (южнокаролинские демократы) в состав США.

Так, в 1844 г. законодательное собрание Массачусетса приняло следующую резолюцию: «В случае аннексии Техаса свободные штаты могут оказаться вынуждены выйти из состава Союза... поскольку народ, претендующий на свободу, не должен одновременно распространять и увековечивать рабство»³⁴. Схожие идеи находили выражение в памфлетах, которые издавали и распространяли противники рабства в северных штатах. «Борьба против присоединения Техаса является наиболее важным вопросом для всех противников рабства из всех, стоящих на повестке дня. Защитники рабства, всем известные рабовладельцы, повторяют снова и снова... что аннексия необходима для самого существования института рабства, необходима в такой степени, что они готовы к ней даже ценой выхода из Союза. И они не преувеличивают важность этого вопроса», — писал видный аболиционист Дэвид Чайлдс³⁵.

Не меньшим накалом отличалась аннексионистская агитация на Юге. На протяжении летних месяцев 1844 г. массовые собрания граждан в южных штатах принимали резолюции, в которых подчеркивалась необходимость присоединения Техаса в качестве гарантии обеспечения безопасности Юга и сохранения института рабства. Ярким примером рабовладельческой пропаганды стал уже упоминавшийся памфлет «Юг в опасности...», открывавшийся следующими словами: «Ни в один период своего существования американский Юг не находился в столь серьезной опасности, как сейчас. В расчете на то, чтобы привлечь голоса аболиционистов на сторону Генри Клея, виги в северных штатах... заняли откровенно антиюжную позицию, объявили рабство преступлением и в союзе с аболиционистами собираются ниспровергнуть этот социальный институт и навеки покрыть Юг позором и бесчестьем»³⁶.

Не остались в стороне от обсуждения и представители Техаса. Экс-президент Техасской республики Мирабо Ламар заявил, что вхождение Техаса в состав США отвечает как интересам американского Юга, так и самого Техаса, поскольку аннексия является необходимым условием для сохранения рабства и плантационной экономики: «Без рабства Техас никогда не достигнет ни государственного величия, ни экономического процветания. Я уверен, что присоединение Техаса к Соединенным Штатам обеспечит сохранение института рабства в обеих странах навсегда... в случае отказа от этого шага жители южных штатов подвергнут себя многочисленным бедам и опасностям»³⁷.

Опасаясь за голоса избирателей в южных штатах, летом 1844 г. Генри Клей несколько модифицировал свою позицию по техасскому вопросу. В так называемых «алабамских письмах» Клей утверждал, что в принципе не возражает против присоединения Техаса, а все его предшествующие возражения были вызваны лишь стремлением из-

бежать ненужных внутри- и внешнеполитических осложнений: «Я буду приветствовать аннексию, если она не принесет с собой бесчестье и войну и будет осуществлена со всеобщего согласия Союза, на честных и справедливых условиях. Я не считаю, что вопрос о рабстве должен каким-либо образом влиять на решение техасской проблемы, — писал Клей. — Было бы неразумным отказываться от приобретения, которое будет у нас, пока существует Земля, из-за такого временного социального института, как рабство»³⁸.

Сторонники экспансии в северных штатах (практически исключительно представители демократической партии) также делали акцент на необходимости рассматривать вопрос о присоединении Техаса отдельно от проблемы рабства. Они расценивали существование в Техасе рабства как несущественное препятствие, которое не должно влиять на принятие столь важного решения как пространственное расширение США, поскольку естественный ход развития в конце концов приведет к исчезновению этого социального института, в то время как присоединяемые земли навсегда останутся в составе Соединенных Штатов³⁹.

Хотя размежевание по проблеме присоединения новых территорий носило секционный характер, на состоявшихся в ноябре 1844 г. президентских выборах оба кандидата на высший пост в государстве показали примерно одинаковый результат в северных и южных штатах, что свидетельствовало о все еще высоком уровне политической устойчивости двухпартийной системы. Джеймс Полк одержал победу с минимальным преимуществом (под контролем демократов также оказались обе палаты Конгресса), однако лидеры демократов немедленно заявили, что итоги выборов являются одобрением предложенного экспансионистского внешнеполитического курса. Экспансионисты стремились действовать немедленно, не дожидаясь вступления избранного президента в должность. По мнению президента Тайлера, «воля как народа, так и штатов заключается в том, что Техас должен войти в состав Союза срочно и безотлагательно»⁴⁰.

Однако в этом случае решать судьбу Техаса должен был тот же состав Конгресса, что полугодом ранее отказался ратифицировать договор об аннексии. Для того, чтобы обойти очевидные препятствия, было решено оформить присоединение Техаса посредством совместной резолюцией Конгресса, для чего было достаточно простого большинства голосов обеих палат. Резолюция достаточно легко прошла через Палату представителей (120 голосами против 98), где большинство мест принадлежало демократам. Сенат, несмотря на численный перевес вигов, также одобрил резолюцию, правда, с минимальным преимуществом (27 голосами против 25)⁴¹. В ходе голосования как демократы, так и виги продемонстрировали высокий уровень партийного единства. Особым накалом отличалась борьба в Сенате, где демократы выступили единым фронтом и смогли склонить на свою сторону трех южных вигов. По сравнению с летним голосованием сторонникам аннексии удалось получить дополнительные одиннадцать голосов (в первую очередь, за счет победы Полка на президентских выборах — сенаторы чутко реагировали на изменившийся расклад сил в стране). К полному удовлетворению южан большая часть территории Техаса (за исключением земель, лежащих к северу от линии Миссурийского компромисса) объявлялась открытой для рабства.

В марте 1845 г., в заключительные дни своего пребывания в Белом доме, президент Тайлер подписал принятую Конгрессом резолюцию⁴². Летом специально собравшийся Национальный конвент Техаса одобрил предложение войти в состав Соединенных Штатов и принял новую конституцию (уже в качестве американского штата, что было закреплено результатом референдума, состоявшегося в октябре). В конце 1845 г. (29 декабря) Техас официально стал 28-м штатом США⁴³.

Присоединение Техаса открыло новый раунд территориальной экспансии США. Менее, чем через полгода началась война с Мексикой (1846—1848), поводом для которой стали поддержанные американским правительством претензии Техаса на территории вплоть до Рио-Гранде. По итогам войны Соединенные Штаты не только закрепили за собой весь левый берег Рио-Гранде, но также приобрели Калифорнию и Новую Мексику. В июне 1846 г. США достигли размежевания с Великобританией в Орегоне: используя тактику балансирования на грани войны и выдвигая завышенные и заведомо неприемлемые для британской стороны требования, американцы сумели получить территориальные уступки, которых на протяжении почти трех предшествующих десятилетий безуспешно добивались традиционными дипломатическими методами. В целом, за непродолжительный период между 1845 и 1848 гг. территория США увеличилась на две трети.

Взрывной рост американской территории ставил на политическую повестку дня вопрос о рабстве применительно к присоединяемым землям. Аннексия Техаса ознаменовала первую победу южных рабовладельцев. Орегон и Калифорния, напротив, были официально объявлены свободными от рабства. Статус Новой Мексики и Юты стал объектом ожесточенной борьбы, завершившейся компромиссом 1850 г., который, как и все предшествовавшие договоренности, стал лишь временным решением. Территориальная экспансия обнажила фундаментальное противоречие американского общества и сделала невозможным дальнейшее игнорирование проблемы рабства. Неспособность найти политическое решение этой проблемы привело к сепарации южных штатов и началу Гражданской войны.

Примечания

1. JEFFERSON TH. The Works of Thomas Jefferson. Vol. 1—10. N.Y.-L. 1904—1905, vol. 10, p. 29; GALLATIN A. The Writings of Albert Gallatin. Vol. 1—3. Philadelphia. 1879, vol. 1, p. 145.
2. U.S. Statutes at Large. February 22, 1819. Treaty with Spain. Vol. 8. Boston. 1867, p. 252—273.
3. Documents of Texas History. Austin (Texas). 1994, p. 98—106.
4. Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831—1860. Vol. 1—12. Washington. 1932—1939, vol. 12, p. 138.
5. Ibid., p. 11—13.
6. Ibid., p. 13.
7. BAILEY TH.A. A Diplomatic History of the American People. Englewood Cliffs (N.J.). 1980, p. 242.
8. WEBSTER D. The Papers of Daniel Webster. Vol. 1—14. Series 1. Hanover (N.H.). 1974—1989, vol. 6, p. 13—15.
9. Register of Debates in Congress. Vol. 12. Washington. 1836, col. 3757.

10. TYLER L.G. *The Letters and Times of the Tylers*. Vol. 1—3. Richmond (Va.). 1884—1896, vol. 2, p. 254.
11. WEBSTER D. *Op. cit.*, vol. 6, p. 15.
12. *Diplomatic Correspondence of the Republic of Texas*. Vol. 1—2. Washington. 1908—1911, vol. 2, p. 567—568, 630—633.
13. UPSHUR A.P. *Domestic Slavery*. — *Southern Literary Messenger*. 1839, vol. 5, iss. 10, p. 677—687; [UPSHUR A.P.] *A Brief Enquiry into the True Nature and Character of Our Federal Government: Being a Review of Judge Story's Commentaries on the Constitution of the United States*. By a Virginian. Petersburg. [Va.], 1840.
14. *Register of Debates in Congress*, vol. 3, col. 710—719; CALHOUN J.C. *Remarks of Mr. Calhoun, of South Carolina, on the Reception of Abolition Petitions, Delivered in the Senate of the United States, February 1837*. Washington. 1837.
15. *Madisonian*. 23.I.1843, p. 2.
16. *Boston Atlas*. 9.V.1843, p. 3; *Niles' National Register*. 1843, vol. 64, p. 173—175.
17. *Madisonian*. 28.X.1843, p. 2; 30.X.1843, p. 2; 31.X.1843, p. 2; 15.XI.1843, p. 2; 16.XI.1843, p. 2; 22.XI.1843, p. 2; *Niles' Register*. 1843, vol. 64, p. 284.
18. WALKER R.J. *Letter of Mr. Walker of Mississippi, Relative to the Annexation of Texas*. Washington. 1844, p. 11—14.
19. *Boston Atlas*. 19.III.1844, p. 2.
20. WEBSTER D. *Op. cit.*, vol. 6, p. 13—20; EJUSD. *The Letters of Daniel Webster, from Documents Owned Principally by the New Hampshire Historical Society*. N.Y. 1902, p. 289—294.
21. *Niles' National Register*. 1844, vol. 66, p. 157.
22. CLAY H. *The Papers of Henry Clay*. Vol. 1—11. Lexington (Ky.). 1959—1992, vol. 10, p. 42—44.
23. *Congressional Globe*. Vol. 13. Washington. 1844, p. 647.
24. *Philadelphia Public Ledger*. 14.XI.1843, p. 2.
25. CALHOUN J.C. *The Papers of John C. Calhoun*. Vol. 1—26. Columbia (S.C.). 1974—1984, vol. 17, p. 356.
26. *Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs*, vol. 12, p. 64; TYLER L.G. *Op. cit.*, vol. 2, p. 285.
27. *Appendix to the Congressional Globe*. Vol. 13. Washington. 1844, pt. 2, p. 559.
28. *Ibid.*, p. 720.
29. *Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs*, vol. 7, p. 18—25.
30. *Appendix to the Congressional Globe*, p. 699.
31. *Journal of the Executive Proceedings of the Senate of the United States of America*. Vol. 6. Washington. 1887, p. 312.
32. *National Party Platforms, 1840—1960*. Vol. 1—2. Urbana (Ill.). 1978, vol. 1, p. 3—4; *National Party Platforms of the United States, Presidential Candidates, Electoral and Popular Votes*. Akron (Oh.). 1896, p. 13—14, 16.
33. МАНЫКИН А.С. *История двухпартийной системы США (1789—1980)*. М. 1981, с. 53—54.
34. WEBSTER D. *The Writings and Speeches of Daniel Webster*. Vol. 1—18. Boston. 1903, vol. 13, p. 280.
35. CHILDS D.L. *An Appeal from David L. Childs, Editor of the Anti-Slavery Standard, to the Abolitionists*. Albany (N.Y.). [1844], p. 1.
36. *South in Danger. Read Before You Vote*. Address of the Democratic Association, Washington, D.C. Washington. 1844, p. 1.
37. LAMAR M. *Letter of Gen. Mirabeau B. Lamar, Ex-President of Texas, on the Subject of Annexation*. Savannah (Ga.). 1844, p. 42—43.
38. CLAY H. *Op. cit.*, vol. 10, p. 78—79, 89—91.
39. *Philadelphia Public Ledger*. 17.VI.1844, p. 2; *Cincinnati Enquirer*. 29.VIII.1844, p. 2.
40. *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897*. Vol. 1—10. Washington. 1968, vol. 4, p. 343—344.
41. *House Journal*. 28th Congress, 2nd session. 25.I.1845, p. 264—265; *Senate Journal*. 28th Congress, 2nd session. 27.II.1845, p. 220
42. *U.S. Statutes at Large*. Vol. 5. Boston. 1856, p. 797—798.
43. *Documents of Texas History*, p. 148—159; *U.S. Statutes at Large*. Vol. 9. Boston. 1862, p. 108.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Тайна гибели Михаила Черниговского

А.В. Майоров

20 сентября 1246 г. по приказу Батыя в Орде были убиты черниговский князь Михаил Всеволодович и его боярин Фёдор. Это событие, произведшее, безусловно, сильное впечатление на современников, отразилось как в русских, так и в иностранных источниках. Папский посол Джованни дель Плано Карпини, побывавший в ставке Батыя весной 1247 г., летописец Даниила Галицкого, летописи Северо-Восточной Руси и житийное Сказание об убиении Михаила единогласно свидетельствуют, что Михаил был казнен за демонстративный отказ выполнить языческие обряды, обязательные перед личным посещением хана: в частности, отказался поклониться идолу Чингисхана ¹.

Историками уже давно замечено, что отказ от исполнения религиозных обрядов мог быть лишь поводом для убийства Михаила, а подлинные его причины носили иной характер ². Дело в том, что неисполнение требований посольского церемониала, хотя бы и связанных с религиозными обрядами монголов, не могло повлечь за собой смертной казни. Монгольские правители отличались веротерпимостью и не требовали от своих подданных перемены религии.

Убийство Михаила, как совершенно нетипичный, с точки зрения монгольских обычаев, случай, отметил уже Плано Карпини: «Итак как они (монголы. — А.М.) не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше» ³.

Весьма вероятно, что требование поклониться идолу Чингисхана предъявлялось и другим русским князьям, посещавшим ставку Батыя, в частности, Ярославу Всеволодовичу и Даниилу Романовичу. Об этом может свидетельствовать сообщение летописца Даниила Галицкого о встрече его князя в Орде с неким «человеком Ярослава» по имени Сонгур: «пришедшоу же Ярославлю человеку Съньгоуроуви,

---

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

рекшоу емоу: «Брат твои Ярославъ кланялься коустоу и тебе кланя- тия»⁴. Можно согласиться с доводами А.А. Горского, что под «по- клонением кусту» летописец подразумевает поклонение монгольс- ким идолам, среди которых главным был идол Чингисхана, распола- гавшийся рядом с каким-то священным деревом⁵.

Вероятно, через этот ритуал прошел и Даниил Романович; во всяком случае, описание выпавших ему испытаний летописец заклю- чает словами: «и поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежю его (Батыя. — А.М.)». Впрочем, не исключено, что Даниилу каким-то образом удалось избежать исполнения наиболее унижительных обря- дов («избавленъ бысть Богомъ и злого их бешения и кудешства») ⁶. Последнее может означать, что требования монголов не всегда носи- ли обязательный характер.

При таких обстоятельствах неисполнение Михаилом Всеволодо- вичем условий придворного церемониала могло быть лишь внешним поводом к расправе с ним. Этот факт не ускользнул от внимательного взгляда Плано Карпини, отметившего, что монголы для «некото- рых» подчиненных им правителей «находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими», «выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их»⁷. Современные исследователи также говорят об изначально предвзятом отношении Батыя к Михаилу, обусловленном, прежде всего, политическими причинами⁸.

«Пролитие крови в Орде, — пишет А.Г. Юрченко, — событие из ряда вон выходящее (обычно монголы прибегали к отравлению). Не подлежащий сомнению факт — обезглавливание князя — указывает на то, что Михаил игнорировал какое-то весьма существенное мон- гольское предписание, но оно лежит вне сферы придворных цере- моний»⁹. На этом основании историк отказывается доверять «аги- ографической легенде», представленной в русских источниках и в рассказе Карпини, записанном, по всей видимости, со слов русско- го информатора. «Скорее всего, — пишет Юрченко, — русская вер- сия трагической истории князя Михаила является от начала до кон- ца вымышленной; в противном случае она имела бы повторы»¹⁰.

В качестве подлинной причины расправы Батыя с черниговским князем историками выдвигалось убийство по приказу последнего монгольских послов в Киеве осенью 1239 г.¹¹ или опасные для татар контакты Михаила с Западом — венгерским королем и римским па- пой¹² — или же, наконец, интриги против черниговского князя его главных соперников в борьбе за Киев — Даниила Романовича и Яро- слава Всеволодовича. К числу возможных противников Михаила, по- влиявших на его трагическую судьбу, иногда относят даже других черниговских князей, недовольных его слишком большими власт- ными амбициями¹³.

Однако любое из этих предположений на поверку оказывается либо недостаточно подкрепленным источниками, либо не может счита- ться достаточным основанием для вынесения смертного приговора в Орде.

Как устанавливает Горский, известие об убийстве Михаилом та- тарских послов в Киеве появилось только в московском великокня- жеском летописании 70-х гг. XV в., куда оно попало из сравнительно поздней редакции Жития Михаила Черниговского¹⁴. Следовательно,

это известие нельзя считать аутентичным, а сообщаемые в нем сведения — достоверными.

Родственные связи черниговского князя с венгерским королем Белой IV, на чьей дочери женился сын Михаила Ростислав, а также возможные контакты с Апостольским престолом через побывавшего в Лионе в 1245 г. архиепископа Петра, возможно, и не вызвали одобрения у монголов, но сами по себе эти связи не могли стать основанием для вынесения смертного приговора. Во всяком случае, связи с Западом, в частности, с венгерским королем и римским папой, поддерживали и другие русские правители, благополучно посещавшие ставку Батыея, прежде всего, Даниил Галицкий.

Интриги, которые нередко пускали в ход друг против друга русские князья, добиваясь расположения хана и стремясь устранить политических конкурентов, разумеется, могли спровоцировать враждебный настрой ханского двора в отношении Михаила, посетившего Батыея после своих главных соперников в борьбе за Киев. Однако ко времени визита в Орду Михаил уже не мог претендовать ни на Киев, ни на Галич, а лишь искал подтверждения своих прав на Чернигов. Но самое главное — для вынесения смертного приговора требовались более веские основания, чем личная неприязнь к Михаилу его соперников среди русских князей. И эти основания должны были лежать в совершенно иной сфере: прежде всего, Михаил должен был иметь вину перед монгольским ханом, а не перед другими русскими князьями.

В канун монгольского нашествия на Южную Русь наиболее сильные ее князья Даниил Романович Галицкий и Михаил Всеволодович Черниговский, долгие годы боровшиеся друг с другом за власть над Киевом и Галичем, бежали из родной земли и через некоторое время оказались в Мазовии. Первым приют у мазовецкого князя Конрада, своего дяди по матери, получил Михаил. Перед самым нападением татар на Польшу к сыну Конрада Мазовецкого Болеславу прибыли Даниил и Василько Романовичи и также получили убежище. Более того, по словам Летописца Даниила Галицкого, «вдась емоу (Даниилу. — А.М.) князь Болеславъ град Вышгородъ»¹⁵ (ныне город Вышогруд (Wyszogryd) в Плоцком повяте Мазовецкого воеводства).

Теплый прием, оказанный мазовецкими князьями Романовичам, очевидно, вызвал недовольство со стороны Михаила Всеволодовича, который покинул Мазовию и вместе со своей семьей и казной отправился в «землю Воротьславскоу»¹⁶

Наше внимание привлекает одна подробность летописного рассказа. Достигнув Вроцлавской земли, Михаил «приде ко местоу Немецкому именемъ Серета». Здесь неожиданно на него напали местные жители из числа немцев, отняли имущество и перебили людей, в том числе убили неназванную по имени внучку князя: «оузревши же Немци, яко товара много есть, избиша емоу люди, и товара много отяша, и оуноукоу его оубиша»¹⁷.

Упомянутый летописцем город Серета нередко отождествляют с польским городом Серадзем на реке Варте, притоке Одера (ныне — повятовый центр в Лодзинском воеводстве). К такому мнению пришел еще Н.М. Карамзин¹⁸, его придерживаются и некоторые современные авторы¹⁹.

Отождествление названий Середра и Серадз основано лишь на фонетическом сходстве и не учитывает указания летописи о том, что Михаил направлялся «в землю Вроцлавскую». Следовательно, город «именем Середра» должен был находиться где-то под Вроцлавом. Кроме того, Середра названа в летописи как «место немецкое», что, по видимому, указывает на жившее здесь немецкое население.

Таким немецким городом неподалеку от Вроцлава может быть только существующий донныне польский город Сьрода-Сленска в Нижнесилезском воеводстве (польск. Środa Śląska), имеющий также немецкое название Ноймаркт-в-Силезии (нем. Neumarkt in Schlesien). Этот город был одним из центров немецкой колонизации, усилившейся после женитьбы в 1187 г. силезского князя Генриха I Борода-того на Гедвиге Андекс-Меранской²⁰. Приглашенные Генрихом немецкие колонисты поселились в Сьроде в первой четверти XIII в., получив значительные привилегии; уже в 1230-х гг. в городе было распространено магдебургское право, точнее говоря, одна из его разновидностей — ноймарктское право (Neumarkter Recht)²¹.

Долгое время исследователи связывали рассмотренное нами известие Галицко-Волынской летописи с содержащимся в так называемой Краледворской рукописи (чеш. Rukopis královédvorský; нем. Königinhofer Handschrift) поэтическим сказанием об убиении немцами татарской царевны Кублаевны, которое стало причиной нападения татар на Чехию. Юная красавица, дочь хана Кублая, отправилась в путешествие на Запад в сопровождении десяти юношей и двух девушек. На ее сокровища и драгоценный наряд польстились немцы, устроившие засаду на дороге, по которой ехала Кублаевна, напали на нее, убили и ограбили. Узнав об этом, хан Кублай собрал несметные рати и пошел войной на Запад²².

В.Т. Пашуто, ссылаясь на исследование А.В. Флоровского, отметил, что нападение немцев на Михаила Всеволодовича, «между прочим, послужило поводом к созданию в Чехии повести об убиении татарской царевны»²³. Это же замечание находим в работах Мартина Димника, автора единственной на сегодня научной биографии князя Михаила Всеволодовича²⁴.

Действительно, реальный исторический факт — описанное в летописи убийство немцами русской княжны — мог послужить толчком к созданию легенды, которая с течением времени утратила историческую основу: русская княжна в ней превратилась в татарскую царевну. Такой вывод, еще в 1842 г. сделанный Франтишеком Палацким²⁵, прочно закрепился в последующей литературе²⁶.

В результате бурных дискуссий второй половины XIX — начала XX в. большинство исследователей пришло к выводу, что Краледворская рукопись, как и близкая к ней Зеленогорская, является подделкой, изготовленной Вацлавом Ганкой и Йозефом Линдой ок. 1817 г. и выданной за отрывки более обширных манускриптов XIII века²⁷. Но даже самые решительные скептики признавали, что сказание о Кублаевне и ряд других эпизодов созданы на основе древних исторических преданий, отразившихся в силезском фольклоре и памятниках средневековой письменности²⁸.

Одним из них была песня об убийстве в Сьроде татарской княжны, впервые опубликованная в 1801 г. в еженедельнике «Вроцлавс-

кий рассказчик» (*Der Breslauer Erzähler*) филологом и фольклористом Георгом Густавом Фюллеборном (*Fülleborn*) (1769—1803). Собственно говоря, песня повествует о победе над татарами жителей Сьроды, сумевших завлечь захватчиков в западню. Сюжет об убийстве княжны завершает песню. Широкую известность это произведение приобрело после его публикации в 3-м выпуске знаменитого сборника старинных немецких песен «Волшебный рог мальчика» (*Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder*), изданном в 1808 г. в Гейдельберге Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано ²⁹.

В 1818 г. в издаваемом Йозефом фон Хормайром «Архиве географии, истории, государственоведения и военной науки» (*Archiv für Geographie, Hystorie, Staats- und Kriegskunde*) была опубликована еще одна легенда с подобным сюжетом. Хозяин замка Дивин близ Микулова (ныне — город Подивин в районе Бржецлав, Южноморавского края Чехии) принял у себя двух дочерей хана Кублая, путешествовавших по западным странам, и не смог удержаться от соблазна присвоить их небывалые сокровища. Убив обеих девушек, он сбросил их тела в пропасть. Однако девы воскресли и грозно поднялись из бездны, взывая о мести, застыв в виде двух огромных скал, упирающихся прямо в замок. По этим приметам хан Кублай легко нашел убийцу и жестоко отомстил всей Моравии ³⁰.

И все же, разоблачение Краледворской рукописи как фальсификата ослабило интерес к европейским параллелям известия Галицко-Волынской летописи. Большинство новейших исследователей вообще не касаются этого популярного некогда сюжета, и многие результаты прежних изысканий ныне прочно забыты. Так, по мнению Н.Ф. Котляра, «приключение в Силезии» беглого черниговского князя, «когда жители какого-то города разграбили обоз Михаила и убили его внучку, не отражено ни в других русских, ни в известных нам иноземных источниках» ³¹. В новейшем чешском издании Галицко-Волынской летописи известие об убийстве немцами внучки Михаила вообще оставлено без комментария ³².

Между тем, как мы уже отметили, вопрос о европейских параллелях интересующего нас летописного сообщения не исчерпывается сведениями из Краледворской рукописи и, следовательно, не может быть поставлен в зависимость от отношения к этому памятнику.

Во второй половине XIII в. вскоре после канонизации Ядвиги Силезской (Гедвига Андекс-Меранская, жена и мать силезских князей Генриха I Бородатого и Генриха II Благочестивого) было составлено ее жизнеописание, известное как Житие или Легенда о Святой Ядвиге (лат. *Vita Sanctae Hedwigis* или *Legenda de vita beate Hedwigis quondam ducisse Slesie*, нем. *Das Leben der Hedwig von Schlesien*) Существуют две латиноязычные редакции памятника — краткая (*Legenda minora*) и пространная (*Legenda majora*), дошедшие до нас во множестве списков XIV—XVIII веков. В большинстве списков обе редакции следуют друг за другом, к ним добавлены общее введение, генеалогический трактат и таблица, а также канонизационная булла папы Климента IV от 26 марта 1267 года ³³.

Существует также представленная несколькими списками иллюстрированная версия легенды. Ее древнейший список датирован 1353 годом. Рукопись изготовлена на пергамене по заказу легницко-

го и бжеского князя Людвига I Справедливого (ок. 1321—1398) мастером Николаем Прузия из предместья Лубина (*Nicolai pruzie foris civitatem Lubyn*) для церкви Св. Ядвиги в Бжеско. В XVII—XIX вв. рукопись хранилась в городе Остров-над-Огржи (чеш. *Ostrov*, нем. *Schlackenwerth*), отсюда — принятое в литературе ее название — Островский или Шлакенвертский кодекс. После второй мировой войны манускрипт был вывезен в Северную Америку, в настоящее время он хранится в Исследовательском институте Гетти (Лос-Анджелес, США) (*Getty Research Institute. Ms. Ludwig XI 7*)³⁴.

Для наших дальнейших наблюдений важно отметить, что только девять миниатюр Островского кодекса 1353 г. находят прямое соответствие с текстом легенды, читающимся в этой рукописи. Остальные пятьдесят две миниатюры выполнены на отдельных листах и тексту легенды не соответствуют.

Из несоответствующих тексту легенды миниатюр Островского кодекса три относятся к теме монгольского нашествия на Силезию. Две миниатюры представляют битву при Легнице и смерть Генриха Благочестивого в бою, третья изображает вражеское войско под стенами Легницкого замка с отсеченной головой князя Генриха, насаженной на монгольское копьё³⁵.

Во второй четверти XV в. для Костела Святого Духа во Вроцлаве неизвестным мастером был изготовлен триптих со сценами из Жития Святой Ядвиги. Среди изображенных на нем сюжетов были три упомянутые сцены сражения под Легницей и осады города татарами, повторяющие (с незначительными изменениями) миниатюры Островского кодекса. Во время второй мировой войны центральная часть триптиха была утрачена, а уцелевшие его части ныне хранятся в Национальном музее в Варшаве³⁶.

В 1424 и 1451 гг. были сделаны два перевода Жития Святой Ядвиги на немецкий язык, сохранившиеся в списках того же времени. Особого внимания заслуживает перевод 1451 г., выполненный по латинской рукописи, переписанной в 1380 г. по повелению легницкого князя Руперта I (1347—1409) для одного из знатных жителей Вроцлава. Перевод 1451 г. сохранился в виде иллюстрированной рукописи (Хорниговский кодекс, по имени заказчика Антона Хорнига — *Biblioteka Uniwersytecka we Wroclawiu*, гkp. sygn.: IV F 192), очень близкой по содержанию текста и миниатюрам к Островскому списку, однако миниатюры Хорниговского кодекса выполнены более искусно и тщательно³⁷.

Еще один немецкий перевод Жития Святой Ядвиги (близкий к переводу 1451 г., но не тождественный ему) был положен в основу первого печатного издания памятника, увидевшего свет во Вроцлаве в 1504 г. в типографии Конрада Баумгартена, незадолго перед тем переехавшего из Оломоуца. В этом издании читаются семь дополнительных сюжетов, отсутствующих во всех ныне известных списках легенды. Все дополнительные сюжеты тематически связаны с нашествием татар³⁸.

В оригинальных дополнениях печатного издания легенды раскрываются причины татарского вторжения в Польшу и описывается маршрут движения захватчиков через Силезию. Наряду с описаниями, основанными на народных преданиях, здесь содержится немало

реальных деталей, находящих прямые или косвенные подтверждения в других источниках. Прежде всего, это касается описаний битвы под Легницей, смерти Генриха Благочестивого и последующей осады татарами Легницы, изложенных в издании 1504 г. на основе источников, более древних, чем основной текст немецкой версии легенды ³⁹.

В первом печатном издании текст легенды сопровождаются шестьдесят семь снабженных подписями гравюр, выполненных в технике ксилографии, иллюстрирующих, в том числе, оригинальные известия о татарах. Эти миниатюры в деталях отличаются от рисунков известных ныне лицевых списков легенды, хотя, несомненно, происходят из одного с ними источника. По-видимому, оригинальные известия немецкого издания читались в каком-то более раннем латиноязычном памятнике, генетически связанном с Легендой о Святой Ядвиге, поскольку некоторые из этих известий находят параллели в миниатюрах на вставных листах Островского кодекса 1353 г., в котором отсутствуют соответствующие изображениям тексты. Исследователями давно сделан вывод, что миниатюры, выполненные на отдельных листах Островского кодекса, древнее его текста или, во всяком случае, списаны с более древних оригиналов ⁴⁰.

О существовании первоначальной латинской версии оригинальных известий о татарах, воспроизведенных в немецком издании 1504 г., может свидетельствовать недавнее открытие нового средневекового источника — Истории князя Генриха (лат. *Historia ducis Henrici*). Латинский текст этого произведения, писанный почерком конца XV в. (так называемый позднеготический курсив), обнаружен Станиславом Солицким на трех чистых страницах латинского издания Нюрнбергской хроники Хартмана Шеделя (fol. 259v—260v), хранящегося ныне в Библиотеке Вроцлавского университета (*Biblioteka Uniwersytecka we Wrocławiu, inkunabui sygn.: XV F 142*) ⁴¹.

Изданная Антоном Кобергером в Нюрнберге в 1493 г. Всемирная хроника Шеделя (лат. *Liber Chronicarum*, нем. *Die Schedelsche Weltchronik*) пользовалась исключительной популярностью, поскольку содержала ок. 1800 гравюр и карт, выполненных в технике ксилографии и раскрашенных (в некоторых сохранившихся экземплярах) от руки. В один год были изданы латинский текст книги, написанный Хартманом Шеделем и ее немецкий перевод, выполненный Георгом Альтом ⁴².

Сравнительно-текстологический анализ, проведенный Ст. Солицким, показывает, что История князя Генриха могла быть одним из источников оригинальных дополнений о татарах в немецком издании Жития Святой Ядвиги ⁴³.

Для нас важно отметить, что, в новонайденной Истории князя Генриха читается тот же рассказ об убийстве жителями Ноймаркта татарской императрицы, ставшем причиной разорения Силезии татарами. По-видимому, этот рассказ можно считать первой известной ныне письменной фиксацией латиноязычного оригинала Повести об убийстве татарской царевны. Немецкоязычная версия повести в составе печатного издания Жития Святой Ядвиги Силезской, представляет собой несколько более расширенную редакцию этого же памятника.

Один из рассказов, дополняющих восьмую главу Жития Святой Ядвиги, в немецком издании 1504 г. озаглавлен «Как бюргеры и об-

щина города Ноймаркта убили татарскую императрицу вместе с ее господами, рыцарями и кнехтами, и не более как две девушки из ее служанок оттуда ушли живыми» (Alhy dy burger und dy gemeyne der stat zu dem Newmargk erschlagen dy Tatterische keyszerinn mytsampt yren herren, ritter unnd knechten und nicht mer dan czwo meyde vonn yren dynerinn dar vonn lebende quamenn).

В отличие от варианта Краледворской рукописи в немецкой версии жития Святой Ядвиге жители Ноймаркта убивают не дочь, а супругу татарского правителя, называемого «императором» (keyszer): «Они поддались этому злему и необдуманному совету, и убили господ, рыцарей и кнехтов вместе с императрицей и ее девушками и служанками, и никого не оставили в живых, кроме двух из ее девушек, которые прятались в темном подвале и в ямах, и таким образом с большой осторожностью и трудностями вернулись домой в свою страну. И когда они таким образом вернулись домой, они рассказали своему господину императору с большим плачем и жалобами о печальной смерти его супруги, как и где это произошло, и сказали: “О всемогущий император, мы с твоей супругой императрицей и ее князьями и господами следовали через некоторые города и страны христиан, которые оказывали нам большие почести и тому подобное, за исключением одного города по имени Ноймаркт, который расположен в Силезии. Там наша императрица вместе с ее князьями и господами была злейшим образом избита и убита бюргерами этого города, а мы двое оттуда бежали в великом страхе и нужде”. Как только этот император услышал о такой печальной участи своей супруги, и о своих господах и рыцарях, он чрезвычайно ужаснулся и, движимый гневом, сказал, что его голове не будет покоя до тех пор, пока это убийство, совершенное в отношении его супруги, не будет отплачено христианам большим кровопролитием и опустошением их страны. После этого он обратился к богатым людям, которые должны были ему помочь посчитаться с христианами за смерть своих господ и супруги императора. В некоторое время собралось до пятисот тысяч человек»⁴⁴.

Из дальнейшего повествование выясняется, что татарского императора, чью супругу убили жители Ноймаркта, звали Батус (Bathus), и это убийство спровоцировало нападение татар на Венгрию, Русь и Польшу: «Тогда этот татарский император, называемый Батус, собрал злых людей и разделил свое войско на две части, и с одним войском прибыл он лично в Венгрию. И это было во времена короля Беле, по Рождеству Христовому в 1241 году, во время [правления] папы римского Гоннория Третьего и императора Римской империи Фридриха. И пролилась большая кровь в Венгрии, что невозможно описать, и были убиты великие господа, епископы и прелаты, и герцог Колманус, брат короля. После этого он послал другое войско через Русь и Польшу. Предводителем был один король по имени Пета, который со своим войском также причинил большое горе, разбои и пожары в этих странах, такие немислимые, что невозможно описать. Жалобы об этом часто доходили до благородного герцога Польши и Силезии Генриха Второго Бородатого, сына святой женщины Блаженной Гедвиги. Он хотел об этом расспросить и услышал о великих зверствах татар, которые они совершили в отношении девушек, женщин, детей и церквей...»⁴⁵.

Начало истории путешествия татарской императрицы в христианские страны и посещения ею Силезии изложено в предыдущем рассказе немецкой редакции Жития Святой Ядвиги по изданию 1504 г., озаглавленном «Что последовало за тем, как татарская императрица приготовилась с ее господами, графами и рыцарством [к путешествию], после того, как ей и ее господам император разрешил осмотреть земли и города христиан и познакомиться с их правителями и рыцарством» (Alhy volget hernach, wie dy Tatterische keyszerin sich zubereytthe mith vili yrer herren, graffenn und ritterschafften, nach dem und yr der keyszer yr herre erlaw'bet het czu beschawenn dy lande unnd stette der cristenheyt unnd auch yre herlichkeyt und ritterschafft).

Здесь мы читаем: «И когда император увидел, что его жена намеревается осмотреть землю христиан, то он позаботился о том, чтобы ее сопровождало сильное и достойное общество его князей, графов и рыцарства, снабженное золотом, серебром и драгоценными камнями в большом количестве и несказанной красоты, а также сопроводительными письмами, чтобы можно было безопасно въезжать и выезжать, избегать каких-либо препятствий, как и подобает императрице великого государства. Итак, она с теми господами, которым император вручил такие дары, с большой радостью обозревала земли христиан, где ее и ее рыцарство принимали с честью и чтили большими дарами от князей, господ, земель и городов, как и подобает при приеме такой могущественной императрицы. И наконец, она прибыла на границу Силезии, к месту, называемому Зобтенберг или Фюрстенберг, об этих горах старые хроники говорят, что это родина древних благородных князей Силезии и Польши, и два мощных замка были здесь заложены в то время, а именно Фюрстенберг и Леубес, которые сейчас преобразованы в упорядоченный монастырь Святого Бенедикта Ордена цистерцианцев, а в то время самым известным городом в Силезии был Ноймаркт, построенный князьями выше названных замков; к этому то городу Ноймаркту и прибыла вышеупомянутая императрица с ее господами и рыцарством, чтобы обозреть его»⁴⁶.

Немецкие оронимы Зобтенберг (Czottenberg) и Фюрстенберг (Furstenbergk) соответствуют польскому Слезе (Ślęża) — гора, высшая точка польской части Судетского Предгорья, расположенная в 30 км к юго-западу от Вроцлава, на северном склоне которой находится город Собутка (польск. Sobótka, нем. Zobten am Berge). Слезе играла важную роль в истории Силезии, здесь находилось древнее языческое святилище, а впоследствии несколько замков, монастырей и храмов, с которыми связано множество древних легенд и преданий. Сведения о происхождении польского княжеского рода Пястов не из Гнезно, а из какого-то древнего замка на горе Слезе, по-видимому, были принесены монахами-аррозианцами, переселившимися отсюда во Вроцлав ок. 1170 г. и основавшими в силезской столице монастырь Блаженной Девы Марии на Арене⁴⁷.

Ойконим Леубес (Lewbes) соответствует польскому Любязж (Lubiąż). Монастырь у деревни Любязж (ныне в Волувском повяте Нижнесилезского воеводства) был основан ок. 1150 г. бенедиктинцами, но спустя несколько лет перешел к цистерцианцам, став со временем крупнейшим духовным и интеллектуальным центром, извест-

тным далеко за пределами Польши (польск. Opactwo Cysterskie w Lubiążu; нем. Das Kloster Leubus; лат. Luba или Abbatia Lubensis). Выходцы из него основали несколько других цистерцианских монастырей, играли видную роль в церковной и культурной жизни Центральной Европы ⁴⁸.

Далее находим объяснение причин, подтолкнувших жителей Ноймаркта к убийству татарской императрицы: «И как только граждане увидели и заметили такие большие и несказанные сокровища, которые императрица имела при себе, то они собрались вместе, держа совет, и сказали друг другу, что было бы нелепо отпустить эту женщину чужой веры с таким большим богатством, с серебром, золотом и драгоценными камнями; поэтому мы должны напасть на нее с ее господами и слугами, убить их, а ее сокровища разделить между нами и нашими гражданами» ⁴⁹.

Во всех основных деталях рассказ об убийстве татарской императрицы немецкого издания Жития Ядвиги Силезской совпадает с рассказом, читающимся в новонайденной латиноязычной Истории князя Генриха. В этом произведении описывается, главным образом, история завоевания татарами Силезии и гибели Генриха Благочестивого в битве на Легницком Поле, для обозначения которого использовано позднейшее немецкое название Вольштад/Вальштат (нем. Wahlstat; польск. Legnickie Pole). Очевидно, автор имел дело с каким-то более ранним источником, сведения которого он сопровождает своими краткими комментариями и предположениями. Начинается рассказ с описания события, ставшего причиной вражеского нашествия, — убийства татарской императрицы жителями Ноймаркта.

«Начинается история [сражения] князя Генриха, сына святой Ядвиги, с императором турок или татар в местечке Вольштад. В землях язычников жил некий татарский император, который содержал при себе законную супругу, согласно с обычаями тех земель и языческими обрядами. Эта императрица [однажды] услышала рассказ неких знатных людей о нравах, местоположении и состоянии здешних (христианских. — А.М.) земель и о достойных похвалы установлениях христианских королей, князей, баронов, рыцарей и граждан; эти люди в ту пору неоднократно посещали отдаленные края ради обретения воинских навыков и упражнения в военной науке для защиты христианской веры. От их частых рассказов эта императрица распалилась усердием и любовью — не знаю, под воздействием какого духа. Она без устали донимала слух своего императора благочестивыми и настойчивыми просьбами и, хотя неоднократно оставалась в смущении, не будучи выслушанной, не отказывалась от своей просьбы и совершенно не желала успокоиться до тех пор, пока ее не выслушали» ⁵⁰.

Наконец, уговоры достигли цели: «Император, тронутый и побежденный ее вкрадчивыми и непрерывными мольбами, даровал ей свое согласие и снабдил императрицу немалой, как и подобало ее высокому достоинству, свитой из баронов и рыцарей, богатым запасом золота, серебра и прочих ценностей, а также, как мне кажется, письмом с требованием обеспечить ей безопасный и надежный путь для следования через земли христиан и беспрепятственного возвращения в собственную языческую обитель. Получив от императора эти и другие царские отличия, она с радостью и ликованием начала

путешествие в земли христиан и, куда бы ни приходила, всюду встречала величайший почет и дары»⁵¹.

Далее следует рассказ о событиях в Ноймаркте: «Наконец она прибыла в Ноймаркт. Его жители, обратив внимание на столь великое богатство, окружавшее ее, стали совещаться и сказали друг другу: “Нельзя выпускать из наших земель такую язычницу, а потому давайте убьем ее вместе со свитой и разделим между собой добычу”, — и, бросившись на нее и повергнув ее вместе со свитой, не пощадили никого, кроме двух девушек, которые спрятались в кладовых и тайниках, а затем при помощи переводчиков смогли добраться до своей земли»⁵².

Убийство императрицы жителями Ноймаркта стало непосредственной причиной нашествия татар на Польшу и Венгрию: «Император, оставив мытье головы, стал беспокожно и настойчиво допрашивать их (спасшихся девушек. — *А.М.*) о судьбе госпожи. Они ответили: “О непобедимейший император! Мы говорим и возвещаем Вам дурную весть. Ибо мы исходили всю землю христиан, и наша госпожа вместе со всей свитой была принята весьма любезно, да так, что и описать нельзя, и одарена драгоценностями, золотом и серебром — за исключением одного города, который называется Ноймаркт; там наша госпожа вместе со своими воинами была жестоко убита”. Император, услышав столь дурные вести, был возмущен и, распалившись гневом, объявил великий трехлетний поход, говоря: “Не упокоится голова моя, я с радостью взыщу с христиан плату за их жестокость и коварство”»⁵³.

Далее автор Истории князя Генриха переходит к описанию трагических событий татарского нашествия: «В год 1241 от Воплощения Господа, во времена папы Гонория и императора Фридриха II. Тот же татарский император, захватив и жестоко подчинив себе восточные земли, разделил войско на две части, вторгся в соседнюю Венгрию и Польшу и вступил с ними (христианами. — *А.М.*) в полевое сражение, в котором были убиты князь Коломан, брат короля Венгрии и [князя] Польши, вместе с прусским магистром и многими другими принцами и знатными людьми, а затем сами язычники, захватив часть Лужицы, были истреблены христианами близ города Лобенау. Тем временем прибыл сам император со своими соратниками и захватил часть Силезии»⁵⁴.

Ойконим Лобенау (Lobenaw), очевидно, соответствует нижнелужицкому Любнев — ныне город Люббенау или Шпревальд (нем. Lubbenau/Spreewald; н.-луж. Lubnjow/Biota, в.-луж. Lubnjow) в земле Бранденбург в Германии. Упоминание о победе христиан над язычниками-татарами под Люббенау отсутствует в немецком издании Жития Святой Ядвиги и не подтверждается никакими другими источниками. Возможно, как полагает Ст. Солицкий, Lobenaw является искажением силезского Lubiąż; не исключено также, что на рассказ о татарском нашествии 1241 г. здесь могли наложиться события более позднего времени⁵⁵.

Как видим, в рассказах Ипатьевской летописи, немецкой версии Жития Святой Ядвиги и латиноязычной Истории князя Генриха совпадают время (канун вторжения монголо-татар в Силезию) и место (город Серета/Ноймаркт) описываемых событий, названы одни и те

же виновники случившегося (немцы), указан один и тот же мотив совершенного ими убийства (грабеж), а в качестве жертвы во всех случаях выступает знатная и богатая женщина, родственница сильного правителя, сопровождаемая сравнительно небольшой свитой.

Можно согласиться с Бенедиктом Зентарой и Станиславом Солицким, что русский и европейские источники, несомненно, отражают одно и то же событие. И этим реальным историческим событием могло быть только ограбление немецкими жителями Ноймаркта обоза русского князя Михаила Всеволодовичи и убийство его внучки ⁵⁶.

Судя по всему, убийство русской княжны было не единственным случаем такого рода. Немецкие жители Сьроды-Сленской вели себя весьма независимо даже в отношении польских князей. Под 1227 г. цистерцианский хронист Альбрик из аббатства Трех Источников в Шампани сообщает о гибели гнезненского князя Владислава, зарезанного ночью некой немецкой девушкой, которую тот будто бы пытался изнасиловать: «А сей Владислав, который был князем гнезненским после своего дяди, великого Владислава, умертвив упомянутого Лешека и пленив князя Генриха Вроцлавского, человека правоверного, в конце концов гибнет по Божьему указанию от собственной разнузданности следующим образом: ночью он возлег вместе с одной немецкой девушкой, а она, не терпя насилия над собой, храбро уколола его в живот кинжалом, который тайно держала при себе, и он умер» ⁵⁷.

Запутанный характер этого сообщения долгое время не позволял правильно идентифицировать личность зарезанной немецкой девушкой князя. Освальд Бальцер считал, что здесь речь идет о великопольском князе Владислави Одониче ⁵⁸. Казимир Ясиньский и новейшие авторы приходят к выводу, что французский хронист сообщает подробности гибели другого великопольского князя — Владислава Тонконового — о смерти которого в Сьроде 3 ноября 1231 г. сообщают польские источники; Владислав был убит во время остановки на ночлег по пути во Вроцлав к своему союзнику, силезскому князю Генриху I Бородатому ⁵⁹.

Столь агрессивное поведение немецких жителей Сьроды было обусловлено особенностями колонизационной политики, проводимой силезскими князьями в первой половине XIII века. «Переселенцы набирались из людей особого типа, — пишет Б. Зентара, — смелых, способных к решительным действиям, находчивых, легко приспосабливающихся к новым условиям. Среди них не было недостатка в разного рода искателях удачи, любыми средствами стремившихся к быстрой наживе, и, вероятно, также отъявленных преступников, бегавших из прежних мест от возмездия или приговора суда» ⁶⁰.

И хотя убийство немцами русской княжны было не единственным происшествием такого рода в Сьроде/Ноймаркте, оно, несомненно, воспринималось как исторически значимое событие, и память о нем жители города хранили на протяжении многих столетий. Член городского совета Легницы и автор истории города Георг Тебесиус (Thebesius) (1636—1688), критически относившийся к легенде об убийстве жителями Ноймаркта татарской императрицы, изложенной в немецком издании Жития Святой Ядвиги 1504 г., тем не менее, видел приписываемую этой императрице рубашку, хранившуюся

в приходской церкви в Сьроде Сленской, и вспоминал, что «много лет назад» (вероятно, еще до Тридцатилетней войны) в подвале городской ратуши Сьроды показывали также ее платье и плащ ⁶¹.

Рубашка татарской княжны/императрицы существовала еще в середине XVIII века. В своей Хронике (1748 г.) ее как местную достопримечательность упоминает член городского совета Сьроды некий Ассманн (Assmann). Даже в XIX в. местные жители точно знали, в каком доме была убита злосчастная императрица: старый и новый адрес этого дома в Ноймаркте приводится в одном из немецких описаний Силезии, изданном в 1834 году ⁶².

Оба рассматриваемых нами источника — немецкая версия Жития Святой Ядвиги (в издании 1504 г.) и латиноязычная История князя Генриха — содержат еще один весьма примечательный эпизод, связанный с сопротивлением монголам жителей Ноймаркта.

После рассказа о победе монголов над польскими войсками в битве на Легницком Поле и гибели князя Генриха Благочестивого в немецкой версии Жития Святой Ядвиги помещен раздел, озаглавленный «Как татары взяли голову благородного герцога Генриха, насадили ее на копье и представили перед замком Лигениц» (Alhy dy Tatternn namen das howpth des edelen hernn herczoge Heynrichs und steckten das an eyn spyesz und furttten das vor das haus Lygenitz).

Не испугавшись угроз, жители города заявили о своей решимости до конца сопротивляться захватчикам. Далее читаем: «И когда татары услышали такой твердый ответ и заметили их упорное мужество, они отошли от замка и бросили голову благородного князя в озеро у деревни Кошвитц и направились к Ноймаркту. Тогда его граждане, предвидя нашествие безбожных, быстро собрались на совет, решая, что предпринять, и, договорившись всей общиной, обратились к своим женам и дочерям, чтобы те пришли к ним, и сказали им: “Дорогие жены и дочери, вы уже слышали, как дикие татары наносят несравнимый ни с чем ущерб, все рушат, жгут и убивают, также и женщин, и девушек бесчестят, и другие несказанные зверства вытворяют. Теперь же их сила так велика, что мы не решаемся им [открыто] противостоять. Поэтому мы придумали одну хитрость, и, да поможет Бог в нашей борьбе, вы должны последовать нашему совету. Для того мы пригласили вас, чтобы вы восприняли сердцем это большое горе и ужасные надругательства, которые они ежедневно чинят, и, если вы последуете нашему совету и нашей просьбе, то вместе со всеми нами и нашими малыми детьми избежите этого страшного горя и бедствия. Вот наша просьба и совет, что вы должны исполнить. Мы хотим спрятаться в подвале с нашим оружием, и как только враги придут, вы выйдете им навстречу в своих лучших украшениях и лучших платьях, и примите их с доброй волей и с большой радостью, и скажете им, что мы все в ужасе бежали прочь. Ухаживайте за ними самым лучшим образом, угощайте блюдами с пряностями, предлагайте напитки и все, что вы сочтете нужным; и когда настанет вечер, и вы увидите, что они достаточно опьянели, постарайтесь завладеть их оружием. И когда они улягутся спать, дайте нам знак, ударив в колокол на ратуше, чтобы мы поднялись, напали на них и перебили”» ⁶³.

Женщины Ноймаркта согласились с доводами своих мужчин и все исполнили по задуманному плану: «Этому совету и просьбе их

жены и дочери обещали последовать и сделать все как можно лучше. И по этому совету все и произошло, как они своим женщинам приказали. Основательно угостив их (татар. — *А.М.*) кушаньями и напитками, они спрятали их оружие и луки, и, когда пришло время, ударили в колокол на ратуше. Тогда вышли их мужья и братья и перебили неслучайное количество татар, так что небольшой ручей крови тек от церкви до ворот. И бюргеры радовались победе над безбожными»⁶⁴.

Примерно такую же картину находим в Истории князя Генриха. Встретив решительное сопротивление жителей Легницы, захватчики повернули к Ноймаркту: «Татары, услышав столь твердый ответ, отступили от замка, выбросили голову князя Генриха в озеро близ деревни Койшвитц и, двинувшись в сторону Ноймаркта, привели войско в боевой порядок. Услышав об этом, жители Ноймаркта созвали собрание и, устроив всеобщий совет, повелели женам и дочерям: “Мы укроемся в тайниках кладовых и в удаленных частях домов, а вы выйдите язычникам навстречу, поздравляя их с победой, оказывая им благодетельное обхождение и готовя им чаши и блюда, хорошо приправленные дорогими пряностями. После этого, увидев, что они опьянели и крепко заснули, отнимите у них оружие и защитные латы и в знак того, что поручение выполнено, позвоните в колокол городской ратуши. Мы, услышав это, радостно выйдем из своих нор и убьем всех язычников поодиночке”»⁶⁵.

Дальнейшее повествование несколько отличается от версии Жития Святой Ядвиги, в нем появляется новый эпизод — сожжение татар, пытавшихся укрыться в городской церкви: «Женщины, выполнив все это, дали знак в соответствии с поручением, и мужчины, выйдя из укрытий, прошли по всем домам, в которых обрели пристанище турки и татары; некоторые из них смогли пробраться к церкви и укрыться [в ней], но все они были сожжены вместе с церковью, так как христиане ее подожгли»⁶⁶.

Далее составитель Истории князя Генриха дает свой комментарий к описываемым событиям, как бы проверяя достоверность сообщаемых сведений: «Говорят, что там было столько человеческой крови, что она текла из города через его ворота, — это вполне возможно в силу того, что люди во время войны обычно несли свои припасы в церковь, чтобы их не лишиться; думаю, что подобное случилось и в Ноймаркте, так что жиры из мяса, масла и крови от огненного жара слились друг с другом и так вместе потекли из города, — а ворота его расположены ниже по склону, чем церковь. Другая толпа язычников, которые из-за многочисленности своего войска не могли разместиться в городе, расположилась поблизости, в деревне Костенблут и в других окрестных деревнях»⁶⁷.

Как видно, автор этого сообщения передал сведения более раннего источника, найдя их вполне правдоподобными и соответствующими реальной топографии Ноймаркта. Упоминание в рассказе наряду с татарами турок позволяет думать, что память о героической борьбе с монгольскими завоевателями стала вновь актуальной в связи с турецкой экспансией в Европе, усилившейся во второй половине XV века.

Сообщение Истории князя Генриха о сожжении татар в городской церкви Ноймаркта находит, как будто, некоторое археологичес-

кое подтверждение. Проведенные в свое время специальные исследования сохранившихся древних фундаментов и стен приходской церкви Св. Андрея в Сьроде Сленской (первая половина XIII в., с позднейшими перестройками) выявили следы пожара середины XIII в., который мог быть причиной частичного разрушения храма, главным образом, межнефовых колонн ⁶⁸.

Читающиеся в оригинальных дополнениях немецкой версии Жития Святой Ядвиги и в латиноязычной Истории князя Генриха известия о завоевании Силезии татарами, по-видимому, происходят из одного общего источника. Если учитывать, что ключевые эпизоды этой истории — битва на Легницком Поле, гибель князя Генриха, осада Легницкого замка — запечатлены на миниатюрах Островского кодекса 1353 г., можно думать, что уже в первой половине XIV в. существовало какое-то произведение, ставшее для них литературной основой.

Как полагает Б. Зентара, таким произведением могла быть История завоевания татарами Силезии, начало формирования которой, первоначально в виде устной легенды, было положено во второй половине XIII века ⁶⁹. Некоторые исследователи полагают, что основа легенды могла быть создана в бенедиктинском пробстве на Легницком Поле, учрежденном еще в XIII в. (точная дата не известна) в память о битве с татарами (главный алтарь бенедиктинского костела находился на месте, где было найдено тело князя Генриха) ⁷⁰. Однако само это пробство просуществовало недолго (до первой половины XV в.) и, будучи подчинено бенедиктинскому аббатству в Опатовице-над-Лабой (чеш. *Opatovice nad Labem*, ныне — в Пардубицком крае Чехии), ничем не проявило себя в культурной жизни Силезии. По мнению Ст. Солицкого, к созданию легенды могли быть причастны опатовицкие бенедиктинцы, жившие в самой Сьроде Сленской со времен Генриха Бородатого ⁷¹. Не исключено также, что местом, где создавались и хранились предания о борьбе с татарами князя Генриха Благочестивого, был учрежденный его вдовой Анной 8 мая 1242 г. приход и монастырь в Кжешуве (польск. *Krzyszów*, нем. *Grüssau*, ныне — в Каменногурском повяте Нижнесилезского воеводства) ⁷².

Эпизод убийства татарской императрицы жителями Ноймаркта, объясняющий причины вражеского нашествия, едва ли мог существовать отдельно от остальных эпизодов или быть соединенным с ними механически. Скорее всего, он принадлежит к числу основных повествовательных частей Истории завоевания татарами Силезии, давших начало всему произведению.

По поводу другого рассмотренного нами эпизода — расправы жителей Ноймаркта с татарами — современные исследователи высказывают серьезные сомнения. «Значительно позже и искусственно к легенде присоединен рассказ о хитрости сьродлян и уничтожении ими татарского отряда, — пишет Б. Зентара. — Это дополнение изменяет моральную сущность легенды: преступление остается безнаказанным, месть оскорбленного татарского “императора” постигает многие христианские страны и их невинных жителей, в то время как преступные жители Сьроды торжествуют над монголами» ⁷³. Можно, однако, возразить, что рассказ о расправе с татарами как непосредственное продолжение истории убийства татарской императрицы, весьма веро-

ятно, был создан в самом Ноймаркте. В таком случае целью автора было не осуждение вероломных и алчных ноймарктских немцев, а прославление подвигов храбрых жителей этого города, побеждавших татар, в то время как польские князья и жители Силезии были полностью разбиты захватчиками.

Ст. Солицкий видит в рассказе о расправе жителей Ноймаркта с татарами отражение весьма загадочного события, произошедшего в Ноймаркте через несколько лет после монгольского нашествия: во время междоусобной войны вроцлавского князя Генриха III Белого (1247—1266) с его братом, легницким князем Болеславом II Рогаткой (Лысым) (1248—1278) в огне погибло несколько сотен жителей города, собравшихся в церкви и на кладбище, расположенном возле нее ⁷⁴.

В Польско-Силезской хронике (конец XIII в.) сообщается: «Когда эта буря (нашествие татар. — *А.М.*) улеглась, и Силезская земля должна была передохнуть, старший сын (Генриха Благочестивого. — *А.М.*) Болеслав Лысый, поднявшись против своих младших братьев, в трех походах осаждал Вроцлав, который, хотя немецкое право распространялось на него с совсем недавнего времени, и [поэтому] силы его были ничтожны, мужественно защищался, сжавшись в своей тесноте. Видя это, Болеслав, собрав множество пришлых немецких разбойников, несколько раз жестоко опустошил землю не только грабежами, но и поджогами, и во время этого бедствия в церкви и на кладбище Ноймаркта погибли от пожара почти пятьсот человек, а во зло этой земле было сооружено множество разбойничьих и воинских замков» ⁷⁵.

В приведенном известии речь идет о событиях 1248 или 1249 г., когда жители Ноймаркта/Сьроды сами стали жертвой напавших на них немецких разбойников, нанятых князем Болеславом Рогаткой ⁷⁶.

Кроме того, о гибели жителей Ноймаркта по вине князя Болеслава рассказывается в Житии Святой Ядвиги — как в латинской, так и в немецкой версиях. В восьмой главе пространной редакции, повествующей о пророчествах святой, есть раздел, озаглавленный «Каким образом она предсказала злодеяния князя Болеслава» (*Quomodo predixit maleficia ducis Bolezlai*). Здесь мы читаем: «Впрочем, она (Ядвига Силезская. — *А.М.*) предвозвещала не только телесную смерть, но и опасности, угрожавшие душам и имуществу. Ибо как-то раз она в присутствии госпожи Анны (вдовы Генриха Благочестивого. — *А.М.*), своей невестки, горестно заговорила о своем внуке князе Болеславе, сыне упомянутой госпожи, тогда отсутствовавшем: “Увы, увy тебе, Болеслав! Как много бед ты еще принесешь своей земле!”. Во всяком случае, это исполнилось, как утверждают некоторые, когда тот же князь Болеслав уступил ключ страны, то есть замок Лебус (Любяж. — *А.М.*) и относящуюся к нему землю, и когда через множество устроенных им в свое время сражений он стал для огромного количества людей причиной не только потери имущества, но и смерти. Посему, словно в виде зачина к его правлению, когда он получил власть над Силезской землей, народ застонал из-за немедленно начавшихся несчастий, ибо из-за его войска в церкви и на кладбище Ноймаркта погибли от пожара около восьмисот человек обоих полов, и многие другие бедствия были учинены в Польше в разное время через его тираническое правление» ⁷⁷.

Безусловно, упоминание о пожаре в городской церкви, унесшем жизни нескольких сотен жителей, сближает приведенные известия с рассказом о расправе с татарами жителей Ноймаркта. Вместе с тем, трудно допустить, чтобы в источниках, происходящих из одной земли и созданных примерно в одно время, одно и то же событие получило бы столь различное отражение: в одних источниках — как расправа немецких жителей Ноймаркта с татарами, а в других — как расправа пришлых немецких наемников с самими жителями Ноймаркта. Более вероятно, на наш взгляд, предположение, что рассказ о расправе с татарами генетически связан с рассказом об убийстве в Ноймаркте татарской императрицы. Оба они, вероятно, были созданы жившими в Ноймаркте бенедиктинцами, став повествовательными частями Истории завоевания татарами Силезии, созданной силезскими бенедиктинцами не позднее первой половины XIV века.

Как нам представляется, главной причиной, по которой немецкие жители Ноймаркта приняли русскую княжну за жену самого татарского императора явилось последовавшее сразу за убийством опустошительное вторжение в Силезию монголо-татарских войск, жестокое поражение и гибель князя Генриха Благочестивого. Эти события могли быть поставлены в причинно-следственную связь относительно друг друга самими жителями Ноймаркта или, возможно, теми, кто знал о совершенном в этом городе злодеянии и поставил постигшие Силезию и всю Польшу неисчислимыя бедствия в вину коварным и алчным ноймарктским немцам.

Эти наблюдения, в свою очередь, позволяют сделать следующий вывод: прибытие Михаила Черниговского в Силезию произошло в самый канун татарского нашествия. Войска татар шли почти по пятам Михаила. Предупрежденные о скором появлении захватчиков жители Ноймаркта приняли отряд русского князя за татарский авангард и напали на него.

Как и европейские источники (латиноязычная История князя Генриха и немецкая версия Жития Святой Ядвиги), Галицко-Волынская летопись свидетельствует, что нападение немцев на Михаила произошло перед самой битвой татар с Генрихом Благочестивым под Легницей. Свой рассказ о злключениях черниговского князя в Силезии летописец заканчивает словами о «великой печали» Михаила, когда он, не достигнув цели, должен был возвращаться назад, узнав о разгроме татарами войска Генриха 9 апреля 1241 г.: «Михаилоу, иже не дошедшу, и собравшюся, и бысть в печали величе, оуже бо бяхоуть Татари пришли на бои ко Индриховичю (Генриховичу. — *А.М.*)»⁷⁸.

Это сообщение, как нам кажется, не оставляет сомнений насчет конечной цели Михаила в Силезии: он спешил на соединение с войсками Генриха II Благочестивого (Генриховича, то есть сына Генриха I Бородатого, как его именует русская летопись), уже собравшимися на Добром Поле под Легницей для битвы с татарами. Сюда под знамена силезского и великопольского князя сходились отряды из разных польских земель, а также многие иностранцы — прежде всего, немецкие и моравские рыцари (тамплиеры, иоанниты и тевтонцы). Их общая численность могла достигать 8 тыс. воинов. По некоторым данным, на соединение с Генрихом шел чешский король Вацлав I, опоздавший к битве всего на один день⁷⁹.

О намерении Михаила соединиться с войском Генриха со всей определенностью свидетельствует появление русского князя именно в Сьроде-Сленской. Этот город расположен в 30 км к западу от Вроцлава, примерно на полпути между Вроцлавом и Легницей. Соединявшая эти города дорога шла как раз через Сьроду. Путь по ней обычно занимал два дня, и в Сьроде путники останавливались на ночлег⁸⁰.

Едва ли возможно найти другое объяснение появлению Михаила со своим отрядом в 30 км от Легницы (то есть на расстоянии одного дня пути) в самый канун судьбоносного сражения поляков с татарами. И только нелепая случайность — неожиданное нападение немцев в Ноймаркте — помешала русскому князю осуществить свой замысел. Его вынужденное возвращение назад в Мазовию после поражения и гибели силезского князя («Михаиль же воротися назадъ опять Кондратови») со всей определенностью показывает, что никаких других целей, кроме соединения с войсками Генриха, у Михаила тогда не было.

Попытка, хотя и неудавшаяся, соединиться с войсками Генриха Благочестивого, не осталась для Михаила Черниговского без последствий, трагически отразившись на его дальнейшей судьбе. Мы имеем в виду жестокую расправу над русским князем в Орде в сентябре 1246 года. Связь между указанными событиями тем более вероятна, если верны сведения о том, что в Сьроде/Ноймаркте попал в ловушку и был истреблен какой-то татарский отряд, и это произошло как раз в то время, когда здесь побывал со своими людьми Михаил.

По-видимому, не случайно Михаил Всеволодович сколько мог откладывал свою поездку в Орду, отправившись туда последним из старших русских князей. Может быть, черниговский князь надеялся, что его попытка выступить против монголов на стороне польского князя останется неизвестной Батюю, ведь Михаил направлялся в Силезию инкогнито и, как мы видели, не был опознан жителями Ноймаркта. Зато о намерениях Михаила был осведомлен его главный соперник в борьбе за Киев и Галич — Даниил Романович, поскольку о злоключениях Михаила в Силезии сообщает именно летописец Даниила. Галицкий князь побывал в Орде раньше черниговского, получил личную аудиенцию у Батюя и, разумеется, имел возможность уведомить его о провинностях своего конкурента.

Мы далеки от мысли о том, что, отправляясь в Орду, Михаил Всеволодович имел намерение совершить религиозное самопожертвование. Как и в случае с другими русскими князьями его целью, несомненно, было засвидетельствовать вассальную покорность хану и тем самым добиться подтверждения своих прав на Чернигов. Думать так позволяет следующий факт, отмеченный в ранних редакциях житийного Сказания о Михаиле Черниговском. Князь прибыл в Орду вместе со своим юным внуком Борисом⁸¹, который, по всей видимости, должен был остаться здесь в качестве заложника, гарантировав, таким образом, лояльность своего деда. Точно так же великий князь Ярослав Всеволодович оставил в Орде одного из своих сыновей, который, по сообщению Карпини, пытался убедить Михаи-

ла подчиниться требованиям татар и исполнить предписанный ему ритуал ⁸².

Вместе с тем, не вызывает сомнения, что Михаил действительно демонстративно отказался совершить какой-то из важных обрядов монгольского придворного церемониала. Судя по описанию Плано Карпини, князь прошел очищение огнем, но не пожелал поклониться идолу Чингисхана, ссылаясь на свои христианские убеждения ⁸³. Трудно допустить, что эта история была полностью выдумана с целью прославления религиозного подвига святого мученика за веру. Иначе придется признать, что благочестивый миф о Михаиле сложился тотчас после его гибели, и уже весной 1247 г. в готовом виде был представлен Карпини, который не усомнился в его правдоподобности.

По всей видимости, перемена в настроении Михаила произошла уже в Орде, после того, как состоялись его встречи с монгольскими придворными, а также жившими при ставке Батыя русскими людьми, не только разъяснившими князю суть предстоящих церемоний и ритуалов, но и, вероятно, сообщившими о имеющихся против него обвинениях.

Когда тайна черниговского князя была раскрыта, он, по-видимому, не смог или не пожелал представить доказательства своей невиновности. Более того, князь не хотел доказывать и свою лояльность хану, отказавшись совершить предписываемый ему обряд, тем самым, провоцируя новый конфликт. Поступок Михаила не только демонстрировал фактическое неприятие монгольского владычества, но и сообщал ему характер религиозного противостояния, чего стремились избежать в отношениях со своими новыми подданными монгольские правители.

Согласно русским источникам, измученному побоями Михаилу по повелению Батыя «отреза главу» некий Доман, родом путивлец ⁸⁴. Эту же сцену передает и Плано Карпини, особо оговаривая, что Михаилу «отрезали голову ножом», а затем и у сопровождавшего князя боярина Фёдора «голова была также отнята ножом» ⁸⁵.

Нельзя не заметить, что такую же смерть принял и несостоявшийся союзник Михаила по борьбе с монголами — силезский князь Генрих Благочестивый. В Пятом продолжении *Анналов монастыря Св. Пантелеймона в Кельне* (Кельнская королевская хроника) (середина XIII в.) сообщается, «Герцог Генрих Фратисловский (Вроцлавский. — *А.М.*) мужественно оказал им (татарам. — *А.М.*) сопротивление вместе с другим герцогом (его двоюродным братом Болеславом, сыном маркграфа Дипольда III Моравского. — *А.М.*), но был побежден. При этом сами герцоги и многие храбрые рыцари лишились жизни, а голову герцога враги отрезали и увезли с собой» ⁸⁶. Подробности казни силезского князя сообщил один из спутников Карпини — Бенедикт Поляк: «Тогда, схватив князя Генриха, тартары раздели его полностью и заставили преклонить колена перед мертвым [татарским] князем, который был убит в Сандомире. Затем голову Генриха, словно овечью, послали через Моравию в Венгрию к Батыю и затем бросили ее среди других голов убитых» ⁸⁷. По другой версии, насадив голову Генриха на копье, монголы подступили к стенам Легницкого замка (сам город был сожжен его жителями,

укрывшимися в замке) и потребовали открыть ворота. Эта сцена, как мы уже видели, описана в немецкой версии Жития Святой Ядвиги Силезской и изображена на одной из миниатюр Островского кодекса 1353 года.

Очевидно, обезглавливание было обязательным элементом казни иностранных правителей, открыто и с оружием в руках выступавших против монголов. Такую смерть, носившую, вероятно, ритуальный характер, принял владимирский великий князь Юрий Всеволодович, разбитый монголами на реке Сити. Из сообщения Лаврентьевской летописи известно, что на месте битвы было найдено и затем погребено обезглавленное тело Юрия, а голову его нашли и положили в гроб позднее⁸⁸. По свидетельству ан-Насави (первая половина XIII в.) сыновья хорезмшаха Джелал ад-Дина, оказавшие, как и их отец, упорное сопротивление захватчикам, были взяты в плен и обезглавлены: «Татары вернулись с головами их обоих, насаженными на копья. Назло благородным и на досаду тем, кто это видел, они носили их по стране, и жители, увидев эти две головы, были в смятении»⁸⁹.

Итак, собранные нами сведения дают основания для переоценки деятельности Михаила Черниговского по отношению к татарам.

Со времен Карамзина в литературе утвердилось мнение, что Михаил Всеволодович «долго бегал от татар из земли в землю», пока не был ограблен немцами в далекой Силезии⁹⁰. Этой же точки зрения придерживается и большинство новейших авторов: беглый черниговский князь, почувствовав уязвимость своего положения в Мазовии в виду приближения татар, бросился бежать далее на Запад⁹¹.

Дальше всех в разоблачении малодушия Михаила Всеволодовича пошел, как кажется, П.П. Толочко: «Панический страх Михаила перед монголо-татарами не поддается разумному объяснению, — пишет историк, — ... остается фактом, что в столь трагическое для Руси время он меньше всего думал о ее судьбе. Единственное, что ему было дорого, это собственная жизнь»⁹².

По-видимому, в формировании такого мнения свою роль сыграли нелицеприятные характеристики летописца в адрес черниговского князя, который «бежа по сыноу своему передь Татары во Оугры», а затем «за страх Татарскы не сме ити Киеву»⁹³. Но ведь это были слова придворного летописца Даниила Галицкого, давнего соперника Михаила.

Между тем, еще Пашуто высказал более правильное, на наш взгляд, предположение: «Михаил Всеволодович поехал “в землю Воротьславскую”, вероятно, в надежде найти союзников по борьбе с татаро-монголами»⁹⁴. Такое объяснение более соответствует историческим реалиям весны 1241 г., а также свидетельствам русских и иностранных источников о поведении князя в Орде осенью 1246 года.

Даже если Михаил действительно испытывал панический страх перед татарами, то спасения от них он искал в рядах воинства Генриха Благочестивого. Иначе нам не объяснить, почему, спасаясь от врагов, Михаил оказался в эпицентре боевых действий. Отправляясь в Силезию, он подвергал себя неминуемому риску, оставляя относительно безопасную Мазовию, князья которой не поддержали

Генриха и, видимо, поэтому, их владения остались нетронутыми татарами.

Тем более, не соответствует образу малодушного и безвольного князя, панически боявшегося татар, героическое поведение Михаила Черниговского в Орде, которое уже современниками было однозначно оценено как выдающийся подвиг.

Как бы то ни было, в минуту решающих испытаний Михаил Всеволодович со своими людьми оказался на стороне главных противников татар в Польше и вместе с ними готов был дать отпор захватчикам, а затем, находясь в ставке Батая, вновь открыто бросил вызов врагам.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

1. ЮРЧЕНКО А.Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды). В кн.: *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность*. СПб. 1997, с. 123—125; ЕГО ЖЕ. Золотая статуя Чингисхана (русские и латинские известия). В кн.: *Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие*. М. 2002, с. 253; ГОРСКИЙ А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой. — *Средневековая Русь*. М. 2006, вып. 6, с. 138—154.
2. НАСОНОВ А.Н. Монголы и Русь. М.-Л. 1940, с. 26—27.
3. ДЖИОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. История Монгалов. В кн.: *Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука*. М. 1957, с. 29.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1998, стб. 807.
5. ГОРСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 141.
6. ПСРЛ, т. 2, стб. 807.
7. ДЖИОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. Ук. соч., с. 55—56.
8. DIMNIK M. The Dynasty of Chernigov, 1146—1246. Cambridge. 2003, p. 372; ГОРСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 144.
9. ЮРЧЕНКО А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). СПб. 2012, с. 268—269.
10. Там же, с. 266.
11. Там же, с. 269.
12. ГУМИЛЁВ Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М. 1989, с. 527—528.
13. ГОРСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 148—153.
14. Там же, с. 144—148.; см. также: ГОРСКИЙ А.А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. — *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2003, № 4, с. 87—93.
15. ПСРЛ, т. 2, стб. 788.
16. Там же, стб. 784.
17. Там же.
18. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Т. IV. СПб. 1818, с. 21.
19. КАРПОВ А.Ю. Батый. М. 2011, с. 188; ПЕРХАВКО В.Б., ПЧЕЛОВ Е.В., СУХАРЕВ Ю.В. Князья и княгини Русской земли IX—XVI вв. М. 2002, с. 228.
20. SMOLKA S. Henryk Brodaty: Ustęp z dziejów epoki piastowskiej. Lwów. 1872, s. 12, 22, 85, 90; ZIENTARA B. Henryk Brodaty i jego czasy. Warszawa. 2007, s. 223—238.
21. Regesten zur schlesischen Geschichte. Breslau. 1866. Abt. I (Codex diplomaticus Silediae, t. VII, vol. I), s. 80—81, Nr. 128; s. 119—120, Nr. 265; s. 127, Nr. 285; s. 144—145, Nr. 329; s. 151—152, Nr. 343; s. 172, Nr. 425.
22. VOJTĚCH V., FLAJĚHANS V. Rukopisy Královédvorský a Zelenohorský. Dokumentární fotografie. Praha. 1930. s. 13 (24—35); MAREŠ F. Pravda o Rukopisech zelenohorském a královédvorském. Praha. 1931, s. XLVIII—XLIX. Русский перевод

- см.: Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М. 2002, с. 159, 217.
23. ПАШУТО В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 1950, с. 221; ФЛОРОВСКИЙ А.В. Чехи и восточные славяне. Т. 1. Прага. 1935, с. 208.
  24. DIMNIK M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224—1246. Toronto. 1981, p. 113.
  25. PALACKY FR. Der Mungolen-Einfall im Jahre 1241. In: Abhandlungen der Königlichen Böhmisches Gessellschaft der Wissenschaften. 1842. Bd. V/2, S. 402—405.
  26. JIREČEK J., JIREČEK H. Die Echtheit des Königinhofer Handschrift. Prag. 1862, S. 158—160; ERBEN K.J. Příspěvky k dějepisu českému, sebrané ze starých letopisů ruských, od nejstarší doby až do vymření Přemyslovců. — Časpis Českého Musea. 1870, roč. 44, s. 84—85; НЕКРАСОВ Н.П. Краледворская рукопись в двух транскрипциях. СПб. 1872, с. 343; GRÜNHAGEN C. Geschichte Schlesiens. Gotha. 1884, Bd. I, S. 67; СТЕПОВИЧ А.И. Очерк истории чешской литературы. Киев. 1886, с. 12; STRAKOSCH-GRASSMANN G. Der Einfal der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck. 1893, S. 65, Anm. 5; JIREČEK H. Báseň «Jaroslav» Rukopisu královédvorského. Studie historicko-literární. Praha-Brno. 1905, s. 14—15; NOVOTNÝ V. České dějiny. Praha. 1930, dil. 1, s. 721, Nr. 1.
  27. KOCI J. Spory o rukopisy v ceske spolecnosti. In: Rukopisy královédvorský a zelenohorský: Dnešní stav poznání. Т. 1. Praha. 1969, s. 25—48; ЛАПТЕВА Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. Т. 21. Budapest. 1975, с. 67—94; IVANOV M. Tajemství rukopisu Královédvorského a Zelenohorského. Brno. 2000.
  28. GOLL J. Historický rozbor básní Rukopisu Královédvorského Oldřicha, Beneše Heřmanova a Jaroslava. Praha. 1886, s. 75; BOGUSŁAWSKI E. «Jaroslav», poemat staroczeski, z Królowdorskiego rękopisu z punktu widzenia historycznego. In: Przegląd Historyczny. Т. 3. 1906, s. 319; LETOŠNIK J. Dějepisný rozbor rukopisu Královédvorského. Brno. 1910, s. 25
  29. KÜHN AU R. Mittelschlesische Sagen geschichtlicher Art. Breslau. 1929 (Schlesisches Volkstum, Bd. 3), S. 473—474.
  30. ZIENTARA B. Cesarzowa tatarska na Śląsku — geneza i funkcjonowanie legendy. In: Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wrocław. 1978, s. 178—179.
  31. КОТЛЯР Н.Ф. Комментарий. В кн.: Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб. 2005, с. 253.
  32. Haličsko-volyňský letopis. Praha. 2010, s. 72, 152—153.
  33. Vita Sanctae Hedwigis. In: Monumenta Poloniae Historica. Т. IV. Lwow. 1884 (переизд. — Warszawa. 1961), p. 509—510; из новейших изданий и исследований памятник см.: Legenda świętej Jadwigi: z oryginału ściągniętego przeł. A. Jochelson przy współudziale M. Gogolewskiej. Wrocław. 1993; Księga Jadwiżańska: Międzynarodowe Sympozjum Naukowe Święta Jadwiga w Dziejach i Kulturze Śląska, Wrocław — Trzebnica, 21—23 września 1993 roku. Wrocław. 1995; LESCHHORN J. Das Leben der Hedwig von Schlesien. München. 2009.
  34. WOLFSKRON A. von. Die Bilder der Hedwigslegende: Nach einer Handschrift vom Jahre 1353 in der Bibliothek der P.P. Piaristen zu Schlackenwerth. Wien. 1846; STRONCZYŃSKI K. Legenda obrazowa o świętej Jadwidze księżnie szałskiej według rękopisu z rokn 1353 przedstawione i z późniejszymi teje treści obrazami porównana. Kraków. 1880; Der Hedwigs-Codex von 1353: Sammlung Ludwig. Berlin. 1972, Bd. 1—2; EUW A. von, PLOTZEK J.M. Die Handschriften der Sammlung Ludwig. Köln. 1982, Bd. 2, S. 74—81.
  35. GOTTSCHALK J. Die älteste Bilderhandschrift mit den Quellen zum Leben der hl. Hedwig im Aufträge des Herzogs Ludwig I. von Liegnitz und Brieg, im Jahre 1353 vollendet. Aachener Kunstblätter. 1967, Bd. 34, S. 61—161; KARŁOWSKA-KAMZOWA A. Fundacje artystyczne Ludwika I brzeskiego. Opole-Wrocław. 1970, S. 14—18.
  36. KARŁOWSKA-KAMZOWA A. Zagadnienie aktualizacji w śląskich wyobrażeniach bitwy legnickiej 1353—1504. Т. 17. Studia • Źródłoznawcze. 1972, s. 101—105.

37. LUCHS H. Über die Bilder der Hedwigslegende im Schlackenwerther Codex von 1353, dem Breslauer Codex von 1451, auf der Hedwigstafel in der Breslauer Bernhardikirche und in dem Breslauer Drucke von 1504. Breslau. 1861.
38. Die grosse Legende der heiligen Frau Sankt-Hedwig geborene Fürstin von Meranien und Herzogin in Polen und Schlesien. Faksimile nach Originalangabe von Konrad Baumgarten, Breslau 1504. Wiesbaden. 1963, Bd. I—II.
39. KLAPPER J. Die Tatarensage der Schlesier. — Mitteilungen der schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. 1931, Bd. 31/32, S. 178—181.
40. LUCHS H. Op. cit.; STRONCZYŃSKI K. Op. cit.
41. Sobótka. Śląski Kwartalnik Historyczny. T. 47. 1992, Nr. 3—4, S. 449—455.
42. WILSON A. The Making of the Nuremberg Chronicle. Amsterdam. 1976.
43. SOLICKI ST. Geneza legendy tatarskiej na Śląsku. In: Bitwa Legnicka: historia i tradycja. Wrocław-Warszawa. 1994 (Ślaskie sympozja historyczne. T. 2), s. 125—150.
44. Vita Sanctae Hedwigis, p. 562; KLAPPER J. Op. cit., S. 185.
45. Ibid., p. 562—563; KLAPPER J. Op. cit., S. 185.
46. Ibid., p. 561; KLAPPER J. Op. cit., S. 184.
47. CETWIŃSKI M. Chronica abbatum Beatae Marie Virginis in Arena o początkach klasztoru. In: CETWIŃSKI M. Metamorfozy śląskie. Częstochowa. 2002, s. 93—94.
48. JAŹDZEWSKI K.K. Lubiąż — losy i kultura umysłowa śląskiego opactwa cystersów (1163—1642). Wrocław. 1993; KÖNIGHAUS W.P. Die Zisterzienserabtei Leubus in Schlesien von ihrer Gründung bis zum Ende des 15. Jahrhunderts. Wiesbaden. 2004 (Quellen und Studien des Deutschen Historischen Instituts Warschau. Bd 15).
49. Vita Sanctae Hedwigis, p. 561; KLAPPER J. Op. cit., S. 184.
50. SOLICKI ST. «Historia ducis Henrici»..., p. 452.
51. Ibidem.
52. Ibidem.
53. Ibidem.
54. Ibidem.
55. SOLICKI ST. Geneza legendy tatarskiej na Śląsku, S. 132—133, 143—144.
56. ZIENTARA B. Op. cit., S. 177; SOLICKI ST. Geneza legendy tatarskiej na Śląsku, S. 132—135.
57. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 23. Leipzig. 1925, p. 921.
58. BALZER O. Genealogia Piastów. Kraków. 2005, S. 386, 961.
59. JASIŃSKI K. Uzupełnienia do genealogii Piastów. In: Studia Źródłoznawcze, 1960, t. 5, s. 97—100. См. также: ZIENTARA B. Henryk Brodaty i jego czasy, s. 324; PELCZAR SŁ. Władysław Odonic. Książę Wielkopolski. Wygnanie i protector Kościoła (ok. 1193—1239). Kraków. 2013, s. 257—258.
60. ZIENTARA B. Cesarzowa tatarska na Śląsku..., s. 177.
61. KÜHNAU R. Mittelschlesische Sagen geschichtlicher Art, S. 472.
62. Ibid., S. 472; ZIENTARA B. Cesarzowa tatarska na Śląsku..., s. 176.
63. Vita Sanctae Hedwigis, p. 566—567.
64. Ibid., p. 567.
65. SOLICKI ST. «Historia ducis Henrici»..., S. 454.
66. Ibidem.
67. Ibidem.
68. KOZACZEWSKI T. Z badań nad zabytkami architektury w Środzie Śląskiej. — Zeszyty Naukowe Politechniki Wrocławskiej. Architektura. Wrocław. 1963, t. 5, Nr. 67, s. 55.
69. ZIENTARA B. Cesarzowa tatarska na Śląsku..., s. 177.
70. KLAPPER J. Op. cit., S. 174; ZIENTARA B. Cesarzowa tatarska na Śląsku..., S. 177.
71. SOLICKI ST. Geneza legendy tatarskiej na Śląsku, s. 138—140.
72. ROSE A. Kloster Grüssau: OSB 1242—1289, S ORD CIST 1292—1810, OSB seit 1919. Stuttgart. 1974; Krzeszów uświęcony łaską. Wrocław. 1997.
73. ZIENTARA B. Cesarzowa tatarska na Śląsku..., s. 177—178.
74. SOLICKI ST. Geneza legendy tatarskiej na Śląsku, s. 134.
75. Chronica Polonorum. In: Monumenta Poloniae Historica. T. III. Lwów. 1878, s. 652.
76. JURECZKO A. Henryk III Biały. Książę Wrocławski (1247—1266). Kraków. 2007, s. 48—49.

77. *Vita Sanctae Hedwigis*, p. 570—571.
78. ПСРЛ, т. 2, стб. 784.
79. KORTA W. *Najazd Mongołów na Polskę i jego legnicki epilog*. Katowice. 1983, s. 112—138.
80. KOZACZEWSKI T. *Środa Śląska*. Wrocław. 1965, s. 6.
81. СЕРЕБРЯНСКИЙ Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М. 1915, тексты, с. 57, 61.
82. ДЖИОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. Ук. соч., с. 29.
83. Там же.
84. ПСРЛ, т. 2, стб. 795; СЕРЕБРЯНСКИЙ Н.И. Ук. соч., тексты, с. 58, 62.
85. ДЖИОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. Ук. соч., с. 29.
86. *Annales sancti Pantaleonis Coloniensis*. In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. 22. Hannoverae. 1872, p. 535.
87. Цит. по: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб. 2002, с. 112.
88. ПСРЛ. Т. 1. М. 1997, стб. 467.
89. ШИХАБ АД-ДИН МУХАММАД АН-НАСАВИ. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Баку. 1973, с. 107.
90. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. IV, с. 21.
91. DIMNIK M. Mikhail, prince of Chernigov..., p. 113; EJUSD. *The Dynasty of Chernigov...*, p. 358; ADAMEK FR. *Tataři na Moravě*. Praha. 1999, s. 12; ХРУСТАЛЁВ Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30—40-е годы XIII в.). СПб. 2008, с. 175.
92. ТОЛОЧКО П.П. *Дворцовые интриги на Руси*. СПб. 2003, с. 219.
93. ПСРЛ, т. 2, стб. 782—783.
94. ПАШУТО В.Т. Ук. соч., с. 221.

Уральские инженеры на съездах русских деятелей по техническому и профессиональному образованию

Л.А. Дашкевич

Профессиональное образование вошло в повестку дня российской образовательной политики с запуском реформ 1860-х гг., существенно повысивших спрос на технические профессии. Одним из проявлений живого интереса правительства к указанной теме стало публичное обсуждение путей развития технического и профессионального образования в стране¹. Площадкой подобных дискуссий, в частности, стали специальные съезды, посвященные профессиональной подготовке кадров. С идеей их организации впервые в правительство обратился Пётр Александрович Мясоедов — один из учредителей и управляющий делами Общества улучшения народного труда. В 1886 г. Мясоедов принял участие в Первом международном конгрессе по вопросам технического, промышленного и коммерческого образования, который состоялся во французском городе Бордо. О результатах своего участия в конгрессе действительный статский советник доложил министру народного просвещения в обширной отчетной записке, подробно осветив ход работы собрания. Доклад Мясоедова на конгрессе вызвал, по его словам, настолько большой интерес у участников, что, по предложению английского представителя Филиппа Магнуса, было решено обратиться к правительству России с предложением принять следующий международный конгресс в 1888 г. в Санкт-Петербурге. Пётр Александрович видел в этом предложении признание заслуг своей страны в развитии профессионального образования, а также желание «видеть Россию, весьма мало известную в Европе, но всех интересующую»².

Организацию будущего конгресса в Российской империи чиновник считал делом весьма значимым и полезным. В своей записке он отмечал: «Назначение же собраний с целью публичного обсуждения тех или других научных и утилитарных вопросов, могущих иметь непосредственное практическое применение, считалось везде и признается до сих пор во всех странах самым действительным средством для возбуждения интереса жителей данной страны или местности к какому-либо новому делу или для оживления деятельности там, где она ослабляется. В России, в которой публичные съезды вообще, а в особеннос-

---

Дашкевич Людмила Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

ти международные, составляют весьма редкое явление, можно с тем большею уверенностью ожидать серьезного воздействия и действительного результата»³. Мясоедов поддержал мнение многих участников Бордосского собрания о том, что непосредственное учреждение на местах средних и низших профессиональных школ должно идти не от правительства, а по частному и общественному почину. В нашей же стране, по его мнению, подобные инициативы требовали «особого поощрения и даже возбуждения», чем и мог стать предстоящий международный конгресс.

Судя по записке, Мясоедов придавал большое значение «правильной» постановке воспитательного дела в специальных учебных заведениях, в противоположность цехам современных фабрик и заводов, которые, как считал чиновник, оказывали на подростков деморализующее влияние, «превращая их в самое короткое время в нравственно и физически слабосильных и ненадежных исполнителей»⁴. Мясоедов особо подчеркивал, что получение практического образования не только даст необходимые кадры промышленности, но и повлияет на повышение нравственного уровня рабочих. «Там же, где рабочие массы коснеют в невежестве, — писал он, — они впадают во все большее обеднение и нищету, служащие прямым источником умножения уголовных преступлений и разного рода политических и социальных движений, причинивших столько бед самим рабочим классам и забот правительствам всех государств». Вместе с тем, он считал, что в системе образования можно обойтись «без излишнего расширения кругозора простолюдина, приносящего более вреда, чем пользы»⁵. Это консервативное направление, как указывалось в записке, господствовало в то время во многих европейских странах.

Несмотря на весьма убедительные доводы Мясоедова, предложение о созыве международного конгресса по техническому образованию в Санкт-Петербурге не было принято. Министерство финансов посчитало организацию этого мероприятия слишком затратной. По подсчетам чиновников, это потребовало бы не менее 22 тыс. рублей⁶. Предварительно решено было организовать внутрirosсийские съезды деятелей по техническому и профессиональному образованию. По инициативе А.Г. Неболсина, за это взялась постоянная комиссия по техническому образованию при Императорском русском техническом обществе. Первый съезд состоялся в декабре 1889 — январе 1890 г., второй — в декабре 1895 — январе 1896 г., третий — в декабре 1903 — январе 1904 года.

Собрания деятелей русской технической школы стали заметным явлением в культурной жизни страны, на их заседаниях обсуждались не только специальные вопросы постановки профессионального образования, но и проблемы общего характера: о введении всеобщего начального образования, распространении внешкольных форм обучения рабочих, сокращении длительности их рабочего дня, улучшении условий труда⁷. Созыв съездов деятелей технического и профессионального образования, однако, не стал традицией. Третье собрание специалистов, не закончив своей работы, было закрыто распоряжением петербургского градоначальника. 4 января 1904 г. его участникам приказали немедленно покинуть помещение. Объяснение столь кардинальных действий петербургских властей содержится во всеподданнейшей записке министра внутренних дел В.К. Плеве от 5 января 1904 г., сохранившейся в фонде Управления дворцового коменданта.

Министр так описал события, произошедшие на третьем съезде: «4 января сего года в проходившем в здании Императорского Санкт-Петербургского университета дневном заседании по техническому и профессиональному образованию при обсуждении доклада о страховании рабочих на заявление одного из членов съезда о необходимости рабочих союзов другой член, оставшийся пока неизвестным, ответил, что никакие союзы невозможны в виду существующего

в России бесправия. Председатель секции поспешил прекратить прения. Тогда член съезда, ремесленный старшина города Кишинева Степанов, подвергавшийся в заграничной и подпольной прессах обвинениям в участии в организации избиения евреев в Кишиневе, встал для изложения своего доклада. Не успел он произнести слова, как кто-то из присутствовавших кинулся на него, схватил его и с криком “Долой, убийца! Царский палач!” вытолкнул его из зала заседания. Большинство членов X секции, которых в общем находилось в заседании до 400 человек, вскочило с мест и с криками “Долой!” бросилось за Степановым. В коридоре произошла драка, но кто-то крикнул, что появились казаки с нагайками, тогда все стремительно вбежали в зал заседания. Когда спокойствие начало водворяться, член съезда, известный по своей политической неблагонадежности, Фальборк произнес краткую речь о том, что хотя он и противник насилия, но в данном случае признает вполне естественным и законным проявление в порядочном человеке чувства негодования против братоубийцы, покровителя Кишиневского погрома и пособника администрации, принимавшей, как известно, участие в позорном деле массового избиения страдальческой нации. Председатель секции тотчас же закрыл заседание, но в зале осталось человек около трехсот, которые принялись обсуждать вопрос о предоставлении рабочим политических прав и пришли к заключению о необходимости, для достижения этих прав, нелегальных организаций». Император написал собственноручно на этом донесении: «Экое безобразие, не умеют себя держать на серьезном собрании!»⁸ и поставил тем самым точку в практике проведения подобных мероприятий. IV съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию, назначенный на 1913 г., так и не был разрешен правительством.

Уральская общественность приняла активное участие в съездах русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. На первом съезде присутствовали 13 делегатов от городских дум, учебных заведений и общественных организаций Урала⁹, на втором — 30. Пермский купец Иван Иванович Любимов вызвался в члены-учредители этого съезда¹⁰. Проблемы, непосредственно касающиеся уральских школ, судя по опубликованным Трудам съездов, на заседаниях обсуждались лишь однажды. Во время работы третьего отделения Первого съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в 1889 г. перед собравшимися выступил с докладом «О горно-технических училищах для подготовки мастеров по рудничному и заводскому делу» управляющий Богословскими заводами горный инженер Александр Андреевич Ауэрбах.

Главную проблему российского горного образования А.А. Ауэрбах видел в слабом развитии низшей структуры профессионального образования. Горный инженер утверждал: «Недостаток в образованных штейгерах и заводских надзирателях и уставщиках, а равно отсутствие сколько-нибудь научно подготовленных мастеров ставят зачастую наших горных инженеров в самое безвыходное положение, особенно при введении какого-нибудь нового производства; в таких случаях инженерам нередко приходится самим исполнять обязанности простого рабочего, что при непривычке к тяжелому физическому труду большинству инженеров бывает не под силу»¹¹. Для исправления этого недостатка он считал целесообразным поддержать постановление, принятое ранее на заседании Общества горных инженеров: «Рекомендовать устройство горнозаводских школ, готовящих мастеров рудничного и заводского дела, при каждом более или менее значительном руднике и заводе, а тем более при каждом горном округе, представляющем целую группу рудников и заводов. Школы эти должны служить продолжением народных училищ и содержаться на счет тех заводов, рудников или округа, при которых они устраиваются»¹².

Горный инженер имел собственный опыт создания подобной школы на частных предприятиях, чем и поделился с собравшимися. На съезде, как уже говорилось, Ауэрбах представлял Богословские заводы, находившиеся первоначально во владении Походяшиных, затем поступившие под казенное управление, а в 1875 г. — вновь в частные руки. При покупке заводов в 1875 г. статский советник С.Д. Башмаков взял на себя обязательство в течение семи лет привести медные рудники округа в такое состояние, которое позволило бы Богословским заводам в последующие 30 лет выплавлять не менее 50 тыс. пудов меди в год. Для государственных органов это обязательство стало одним из главных условий продажи, в случае его невыполнения владельцу грозили штрафные подати. Купив заводы, Башмаков начал энергичные работы по восстановлению медного производства, но в 1877 г. неожиданно умер.

Задачу пришлось решать наследникам Башмакова. С этой целью в 1879 г. опекунское правление над детьми, имуществом и делами умершего владельца пригласило на Богословские заводы горного инженера Ауэрбаха, первоначально в качестве консультанта, а с 1881 г. — управляющего¹³. Инженеру удалось убедить заводовладельцев в том, что наладить производство без достаточного количества квалифицированных кадров невозможно, приглашать же их издалека очень трудно. Ауэрбах предложил готовить техников и мастеров на месте из детей горнозаводских служащих и рабочих, привыкших к суровым условиям северного края. Опекунское правление согласилось с этими доводами и решило ежегодно выделять проектируемому училищу не менее 3 тыс. рублей.

Планы Ауэрбаха поддержало местное сельское общество, хлопотавшее в те годы о создании в поселке Турьинские рудники двухклассной общеобразовательной школы. Горный инженер представил на сельском сходе свой проект горного училища и объяснил, что оно может дать детям не только общую, но и профессиональную подготовку, причем бесплатно, за счет заводовладельцев. Жители не только согласились с этими предложениями, но и обязались построить для нового училища большой дом, который мог бы вместить и учебные помещения, и квартиру заведующего. В договоре от 30 мая 1882 г., подписанном 323 домохозяевами, было указано, что новое учебное заведение будет называться Турьинское горное училище¹⁴.

В Министерстве народного просвещения мысль об учреждении бесплатного частного горного училища встретили настороженно. В докладе на съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию Ауэрбах отметил, что ему «для получения разрешения на открытие училища встретилось немало затруднений»¹⁵. Учебное заведение в селении Турьинские рудники он смог открыть только в 1884 г., после двухлетних хлопот. Устав нового училища был утвержден попечителем Оренбургского учебного округа лишь временно, на четыре года. Согласно Уставу, оно получило статус народного училища и было поставлено под строгий надзор дирекции народных училищ Пермской губернии. Выпускники и преподаватели Турьинского горного училища не получили никаких прав и льгот, законодательно присвоенных штатам технических учебных заведений.

Затруднения возникли у управляющего и внутри горнозаводского округа, который поменял хозяев. В 1884 г. опекуны решили продать Богословские заводы Надежде Михайловне Половцовой, приемной дочери и наследнице известного банкира барона А.Л. Штиглица. Управление делами заводчицы находилось в руках ее супруга, статс-секретаря Александра Александровича Половцова. Ауэрбаху пришлось доказывать необходимость исполнения своих планов уже новым владельцам, взявшим на себя обязательства прежних хозяев по платежам в казну и объемам выплавки меди. Оценив заслуги горного инжене-

ра, Половцовы согласились оставить Ауэрбаха на посту заведующего округом и поддержали его действия по открытию горного училища.

Ауэрбах продолжил свои «хлопоты» в законодательных инстанциях о расширении прав его преподавателей и выпускников. Определенную поддержку при этом, как отмечено в докладе, он нашел у министра народного просвещения графа И.Д. Делянова¹⁶. При участии горного инженера, в ученом комитете министерства был составлен новый устав училища, одобренный Государственным советом и высочайше утвержденный в 1889 году. Ауэрбах добился того, что Турьинское горное училище было отнесено к числу технических училищ низшего разряда, в соответствии с чем его выпускники получили соответствующие льготы по отбыванию воинской повинности, а преподаватели — права на пенсию и статус государственной службы. Училище было изъято из ведения дирекции училищ Пермской губернии и перешло под непосредственное наблюдение попечителя Оренбургского учебного округа.

Согласно Уставу, Турьинское горное училище состояло из четырех классов, из которых первые два давали общеобразовательную подготовку, а два последних — специальную. Ученики, успешно окончившие полный курс наук в училище, должны были выбрать свою будущую специальность — горную или заводскую — и после этого пройти на рудниках или заводах дополнительный двухлетний практический курс, заключающийся в изучении всех видов работ, относящихся к избранной ими специальности. Общий срок обучения в училище, таким образом, составлял шесть лет¹⁷. Без прохождения двухлетней практики на производстве в качестве простого рабочего ученики не имели права получить свидетельство об окончании Турьинского горного училища и звание мастера. Это условие особо пояснялось в докладе Ауэрбаха. Исходя из наблюдений повседневной жизни, он видел, что грамотные ребята, даже окончившие курс народного училища, неохотно идут на рабочие специальности, они ищут себе места службы в конторах или «по надзору за работами».

Рассказав собравшимся об успешном опыте организации горного училища, Ауэрбах попросил поддержать резолюцию собрания Общества горных инженеров о необходимости расширения сети низших специальных школ. Как уже говорилось, инженеры считали, что создавать и содержать школы должны были владельцы заводов и рудников, поскольку эти учебные заведения именно им приносили наибольшую пользу. Кроме того взаимодействие школ и заводоуправлений помогало установить более тесную связь между производством и образованием: управления заводов могли, с одной стороны, облегчить ученикам производственную практику, с другой — быстро получить информацию о том, что необходимо учебным заведениям, и соответственно, без излишних проволочек улучшить их материальное и финансовое состояние. Содержание школ за счет заводоуправлений, по мнению Ауэрбаха, могло обойтись значительно дешевле, чем из средств земства или правительства. У заводов имелись возможности сэкономить на разных статьях, в частности, заводоуправления могли поручить руководство практикой тем техникам, которые находились на службе, либо пригласить их к преподаванию специальных дисциплин.

Разницу в расходах на содержание частных и государственных училищ Ауэрбах проиллюстрировал сравнением Турьинского и Уральского горных училищ, заявив, что в последнем на одну только плату преподавателям уходит около 6 тыс. руб., тогда как все расходы по Турьинскому училищу не превышают 4 тысяч. Востребованность же в выпускниках Уральского горного училища, по его мнению, была невысока. Там готовили «преимущественно лаборантов и пробиреров и мало знакомых с практикой заводских надзирателей и уставщиков»¹⁸. При обсуждении доклада Ауэрбаха несколько участников

III отделения поддержали переданные докладчиком предложения Общества горных инженеров, но высказали и некоторые сомнения в их осуществимости.

Горный инженер Коцовский, в частности, заметил, что создавать частные низшие горные школы можно только в крупных владельческих округах, таких, как Богословский, если же в округе имеется несколько заводов и рудников, принадлежащих разным хозяевам, то организовать школу будет трудно, так как владельцы не обладают для этого достаточными средствами. Профессор Горного института Н.А. Иосса, ранее преподававший в Уральском горном училище, пытался защитить честь этого учебного заведения. Он вспомнил блестящий состав учеников училища в годы его работы и поделился своими впечатлениями от представленной на съезд записки директора Уральского горного училища Н.Е. Китаева, где указывалось, что обучение и практическая подготовка учеников в Уральском горном училище постепенно налаживаются.

В опубликованных трудах съезда записка Китаева о проблемах развития горнозаводского образования не представлена, обзор занятий III отделения указывает, что она была взята одним из членов съезда и не возвращена. О взглядах директора Уральского горного училища можно узнать, обратившись к материалам газеты «Екатеринбургская неделя». В 1890 г. там был перепечатан доклад Ауэрбаха¹⁹, а вскоре появился полемический ответ Китаева²⁰. Директор Уральского горного училища писал, что в докладе даны «несогласные с истиной» сведения об училище. Оно никогда не готовило «по преимуществу лаборантов и пробиреров», как было сказано в докладе Ауэрбаха, а всегда давало общее элементарное горное образование. Не согласен был Китаев и с тем, что преподавателей училища можно заменять действующими практиками. «Раньше, когда весь годовой бюджет учебного заведения, с пансионном на 30 человек, едва достигал 9 тысяч рублей, — писал он, — состав преподавателей был ничтожен, да и тот состоял из служащих бывшего горного правления, которые занимались в училище между делом и отвлекались постоянно своими прямыми обязанностями. Учебные руководства и пособия почти отсутствовали. Ясно, что при таких условиях учащиеся знали немного и не удовлетворяли тем требованиям, какие им предъявлялись. Теперь, когда годовой бюджет училища перешел 20 тысяч рублей, когда учебные планы и состав преподавателей изменились к лучшему, а учебные пособия расширились в значительной мере, совершенно понятен тот факт, что степень развития учащихся, сумма их фактических знаний стоит несравненно выше развития учеников прежнего времени»²¹. Ученики Уральского горного училища, по мнению Китаева, были не просто востребованы, спрос на них, особенно на частных заводах, превышал предложение. Директор признавал, что пока они не вполне удовлетворяют предъявляемым требованиям, но «училище на пути реформ, оно неустанно стремится к конечной цели».

Сама организация горного образования, по мнению Китаева, не может обойтись без больших затрат, так как в специальных училищах необходимо устраивать музеи различных горнозаводских устройств, минералогические и физические учебные кабинеты, лаборатории, механические мастерские, закупать массу инструментов и приборов, содержать целый штат мастеров и преподавателей, труд которых оплачивался недешево. Все это было под силу только огромному заводскому округу. Поэтому, считал Китаев, владельцам заводов следовало бы не заводить новые школы при заводах и рудниках, как советовал Ауэрбах, а объединиться и дать силу и рост Уральскому горному училищу. Мелкие заводские школы, в которых будут преподаваться заводские науки, были, по его мнению, не полезны, а вредны для дела.

Важное достоинство Уральского горного училища Китаев видел в солидной общеобразовательной подготовке его учеников. Он писал: «Я не говорю

уже о необходимости положительных знаний по русскому языку, а также отечественной истории и географии, изучение которых вряд ли кто будет оспаривать, но я хочу указать на то, что без фундаментального знания алгебры, геометрии, тригонометрии и физики немислимо практическое изучение таких специальных предметов, как например, геодезия, маркшейдерское искусство, механика, химия и минералогия»²². Рассчитывать же на то, что эти знания ребята получают в заводских школах, нельзя, точно так же, как нельзя надеяться и «на доморощенных мастеров, знающих иногда до тонкости свою, десятками лет проторенную дорожку. До поры до времени такой мастер может быть очень хорош, но в случае, выходящем из ряда обыкновенной практики, он не умеет сойти с этой дорожки, становится в тупик и портит все дело»²³.

Китаев считал, что в тех условиях, когда техника на всех парах идет вперед, элементарные заводские школы не удовлетворяют потребностям образования. «Практика настоятельно требует ученого человека, который бы мог все сообразить, все взвесить, и даже на наших заводах доморощенный мастер уже остается за флагом. Но мы сделаем большую ошибку, если заменим его теми недоучками, которые могут нам дать низшие горные заводские школы, где не только наукам, но и грамоте, при разнообразии и множестве предметов, не выучат толком»²⁴. При этом Китаев не отрицал необходимости начальной подготовки горных специалистов в заводских школах. Выступая на VI съезде уральских горнопромышленников (1898), он предложил создать на Урале преемственную систему обучения: выпускники горнотехнических школ первого разряда могли поступать в Уральское горное училище, а оттуда — в проектируемый Екатеринбургом горный институт или политехникум.

Подводя итоги, можно заметить, что дискуссия Ауэрбаха и Китаева иллюстрирует те идеи и настроения, которые имелись в конце XIX — начале XX в. в среде уральских горных инженеров. В развитии специального образования они видели будущее региона. Эти идеи, однако, имели и своих противников. Предложение Китаева о создании на Урале преемственной системы горного образования не встретило понимания у комиссии, выбранной VI съездом уральских горнопромышленников для обсуждения проекта Положения о низших горнотехнических школах²⁵. Впрочем, и разработанный комиссией весьма ограниченный набор правил для уральских горных школ в жизни также реализован не был. XIX съезд уральских горнопромышленников, собравшийся в 1914 г., отметил, что за прошедшие годы ситуация с образованием горнотехнических школ на Урале изменилась мало. Основную вину в создавшемся положении горнозаводчики видели в позиции правительства, не утвердившего разработанный съездами устав низших горнотехнических школ. В монографии С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, однако, справедливо отмечено, что это утверждение заводчиков весьма уязвимо, так как и сами они в эти годы, «отвлекаемые более срочными экономическими вопросами», не прикладывали активных усилий в развитие технического образования²⁶. Сопоставив данные по Уралу и России в целом, представленные в «Сборнике статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России» (1910 г.) ученые показали, что финансовые вложения уральских промышленников в систему профтехобразования в начале XX в. почти в три раза отставали от среднероссийских показателей. Роль горных инженеров в развитии модернизационных процессов на Урале, таким образом, можно понять только в контексте взаимодействия различных акторов и групп.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение» (№ 14-18-01625).

1. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М. 2012, с. 697.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 560, оп. 22, д. 121, л. 274.
3. Там же.
4. Там же, л. 266об.
5. Там же, л. 270.
6. НЕБОЛСИН А.Г. Об устройстве периодических выставок и съездов по техническому и профессиональному образованию. В кн.: Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889—1890. Общая часть. СПб. 1891, с. 4.
7. КОШМАН Л.В. Профессиональное образование. В кн.: Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М. 2001, с. 237—238; Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М. 1981, с. 59—63.
8. РГИА, ф. 1328, оп. 2, д. 1, л. 2—3.
9. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1889—1890 году. Общая часть. СПб. 1891, с. 3—10.
10. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Москве в 1895—1896 году. Алфавитный список членов съезда со статистическими сведениями о его составе. СПб. 1898, с. 3—10.
11. АУЭРБАХ А.А. О горно-технических училищах для подготовки мастеров по рудничному и заводскому делу. В кн.: Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1889—1890 году. Труды III отделения. СПб. 1890, с. 181.
12. Там же, с. 180.
13. Ауэрбах Александр Андреевич. Металлурги Урала. Энциклопедия. Екатеринбург. 2001, с. 22.
14. РУКОСУЕВ Е.Ю. Турьинское горное училище: исторический опыт существования начального технического учебного заведения в составе горнозаводского округа в конце XIX — начале XX в. — Известия вузов. Горный журнал. 2012, № 8, с. 117.
15. АУЭРБАХ А.А. Ук. соч., с. 182.
16. Там же.
17. РУКОСУЕВ Е.Ю. Ук. соч., с. 119.
18. АУЭРБАХ А.А. Ук. соч., с. 180.
19. ЕГО ЖЕ. Горные училища низшего разряда. Доклад в третьем отделении съезда деятелей по техническому образованию. — Екатеринбургская неделя. 1890, № 19, с. 393—465.
20. КИТАЕВ Н.Е. Несколько слов об Уральском горном училище. — Там же, № 23, с. 488—490.
21. Там же, с. 489.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб. 1905, с. 60.
26. ПОСТНИКОВ С.П. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. Екатеринбург. 2004, с. 36.

Сибирская ссылка Годуновых в начале XVII в.

Я.Г. Солодкин

Падение династии, которую тщетно пытался основать избранный на престол Земским собором «премудрый» Борис Годунов, сопровождалось не только гибелью его юного сына Фёдора, вдовы Марии Григорьевны и заточением дочери Ксении, но и арестом многочисленной родни бывшего правителя и государя, включая Сабуровых и Вельяминовых. Поначалу самозванный царь Дмитрий, выдававший себя за младшего сына Ивана Грозного, распорядился сослать Годуновых — «весь род» «до малого рабенка» «и друзей их» — «в города по тюрьмам с приставы»¹. Один из летописцев пояснил, что это были «понизовые города и... сибирские»². Первые из них, куда вначале сослали некоторых Годуновых, — это города, расположенные не в Нижнем Поволжье, как сочли Р.Г. Скрынников и В.И. Ульяновский³, а в Среднем, в частности, Казань и Алатырь. В восточных уездах России опальные родственники царя Бориса очутились однако далеко не сразу. Спустя несколько месяцев после вступления Лжедмитрия на престол (по допущению Ю.М. Эскина, к осени 1605 г.), Годуновых простили; окольный Иван Иванович — троюродный племянник Бориса Фёдоровича, женатый на дочери знаменитого боярина Н.Р. Юрьева Ирине, стал управлять Владимиром, окольный Яков Михайлович (который присутствовал еще на последней свадьбе царя Ивана осенью 1580 г. и пополнил круг окольных к весне 1593 г.)⁴ сделался воеводой в Свияжске, а в ведении многих Сабуровых и Вельяминовых оказались другие города Поволжья⁵.

Как читаем в «разрядах», грамотой Лжедмитрия I в Казань от 28 января 1606 г. предписывалось сибирской столицей — «большим городом» Тобольском — ведать окольному Н.В. Годунову и А.И. Вельяминову, а Тюменю — боярину М.М. Годунову; последний в Казани (где, видимо, находились «сродичи» бывшего «властодержавца» Бориса, собиравшиеся на службу в Сибирь) бил челом местным воеводам — боярину С.А. Волосскому и князю М.С. Туренину, а также дьяку И. Зубову о том, что не может занимать должность «меньшую», нежели его младший двоюродный брат, и когда Годуновы приехали «на Верхотурье», там получили новую роспись администраторов восточной «украины». Н.В. Годунову пришлось отправиться в Уфу, а тобольским воеводой на-

---

Солодкин Яков Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета.

значался стольник князь Р.Ф. Троекуров. Тогда Матвей Михайлович от имени всех Годуновых, определенных в сибирские воеводы, обратился в Москву с просьбой не подчиняться Роману Фёдоровичу, ведь ранее (такой порядок сложился еще в 1599 г.) «начальные люди» Тобольска «с указом писали» по всем другим городам Сибири; новый государь пожаловал Матвея Михайловича «з братьею», им «князя Романа указы слушать не велел, и ко князю Роману о указных делах» не писать, а обращаться в Москву, о чем был извещен и Троекуров⁶. Последний, впрочем, в отписке за конец июня 1606 г. упрекал пельымского воеводу И.М. Годунова в том, что он не сообщает о «шатости» в Кондинской волости; «и то делается негораздо, и вы б, господине, — продолжал «наместник» Сибири, — к нам о всем против сея грамоты в Тоболеск отписали тотчас подлинно с резвым гонцом» и предложил направить в эту волость нескольких служилых людей для поимки вогулов, чтобы, приведя их «на Пелым», выяснить, не затевается ли «измена» и о результатах сыска безотлагательно сообщить в «столнейший град» нового «царства» русских государей⁷.

Среди примерно двух десятков Годуновых, известных по документам начала XVII в., на воеводствах в Сибири очутились боярин Матвей Михайлович, окольный Степан Степанович, кравчий Иван Михайлович, стольник Иван Никитич, а со временем и Фёдор Алексеевич⁸. Никто из них, преимущественно служивших при дворе, ранее не занимал таких должностей, даже не являлся (в отличие от Никиты Васильевича) приказным судьей.

М.М. Годунов, «дядька» царевича Фёдора, произведенный из стольников в окольные по случаю коронации «многославного» Бориса Фёдоровича и в бояре на Рождество 1603 г.⁹, воеводствовал в Тюмени в 1606—1615 гг.¹⁰ (его «товарищем» являлся Н.М. Изъединов, которого сменил вначале стольник С.И. Волынский, потом князь Ф.И. Коркодинов), то есть до начала «державства» Михаила Фёдоровича. Обычно считается, что Матвей Михайлович — единственный к середине 1605 г. боярин среди Годуновых — непрерывно управлял Тюменью (которой накануне в течение трех лет из-за смерти воеводы А.В. Замыцкого ведал письменный голова А.И. Безобразов) на протяжении почти целого десятилетия. Но в нескольких документах весны 1610 — лета 1611 г. единственным воеводой этого города назван Семён Иванович Волынский¹¹, М.М. Годунов же в то время значится воеводой в Перми Великой¹². В пору «междоусобия» временное московское правительство, вероятно, решило доверить Матвею Михайловичу управление беспокойным Пермским краем, но вскоре боярин вернулся в Сибирь (новые столичные власти, очевидно, не желали появления старшего из Годуновых в «царствующем граде»).

Самое примечательное событие тюменского воеводства М.М. Годунова пришлось на весну — начало лета 1607 г.: когда переговоры о переходе старшего сына и наследника хана Кучума Али (Алея) оказались безуспешными, боярин отправил на реку Ишим отряды казаков под началом атамана Д. Юрьева, затем письменного головы Н.М. Изъединова; царевич был разгромлен, его родственники, включая султана Азима, взяты в плен. Вскоре тюменские служилые люди совершили удачные походы против ногаев и калмыков¹³.

В Верхотурье, считавшемся «пригородком» Тобольска¹⁴, «воротами» в Сибирь, с начала 1606 г. стал воеводствовать С.С. Годунов, на первых порах отправленный при Самозванце в Алатырь¹⁵. Пожалованный сразу после венчания Бориса Фёдоровича в окольные, его троюродный племянник Степан Степанович провел «на Верхотурье» без малого целое десятилетие, до смерти в 1614 г., удостоившись годом ранее боярского звания¹⁶. Самые ранние грамоты из Москвы, адресованные ему с «товарищем» — письменным головой А.Ф. Загряжским — относятся к 5 января и 2 февраля 1606 года. В 1609 г. стрельцы, посланные из Верхотурья с соболиной «казной» к боярину князю М.В. Скопи-

ну-Шуйскому, пополнили его войско, которое вело борьбу с тушинцами, стремясь снять осаду Москвы. Летом того же года Степан Степанович с новым сослуживцем И.М. Плещеевым подчеркивали, что «на Верхотурье ... и в уезде и во всех сибирских городах, дал Бог, по сию пору во всяких в русских людех... шатости нет». Ее, однако, администрация «далечайшей вотчины» российских самодержцев с тревогой усматривала среди «инородцев», которые в годы московской Смуты «умыслили, чтобы им быть себе государством, как было при Кучуме царе»¹⁷. Весной 1607 г. ввиду угрозы нападения Али на ясачные волости, расположенные поблизости от Туринского острога, его воеводе И.Н. Годунову Степан Степанович направил десять стрельцов и казаков, что, с точки зрения В.Д. Пузанова, было «обусловлено принадлежностью двух воевод к одной семье»¹⁸. Вряд ли это так. Пузанов сам отмечает, что С.С. Годунов действовал в данном случае «по государеву указу» и требовал от Ивана Никитича как можно скорее, когда опасность для Туринска минует, «прислать» стрельцов и казаков обратно, поскольку «на Верхотурье служилых людей мало»¹⁹. В многочисленных отписках Степан Степанович и Иван Никитич, да и остальные Годуновы, оказавшиеся на сибирских воеводствах, в соответствии с давней традицией «били челом» друг другу²⁰.

Стольник, затем кравчий царя Бориса, Иван Михайлович Годунов в 1606—1610 гг. воеводствовал в Пелыме — «месте нужном (испытывающем нужду, лишения. — Я.С.), безхлебном», где переставил «городовую башню» и «поделал» острог, а в 1613—1614 гг. — в Таре, откуда русские совершили успешный поход против калмыков²¹.

Уже на исходе Смуты, в 1613—1616 гг., Пелымом, где среди вогулов отмечалась «шатость великая», по решению «бояр из полков», то есть властей земского ополчения, управлял Фёдор Алексеевич Яскин Годунов — бывший стольник царевича Фёдора Борисовича²².

Иван Никитич Годунов (родной брат умерщвленного по распоряжению Лжедмитрия боярина Семёна — главы политического сыска времени Бориса Фёдоровича), в конце XVI в. числившийся стольником, на протяжении 1606—1610 гг. являлся воеводой Туринска (ранее этим острогом ведали письменные головы)²³.

Царские грамоты, адресованные Годуновым, поневоле ставшим сибирскими воеводами, и их отписки в Москву, друг другу, администраторам ряда городов и острогов «Закаменской страны» посвящены, как бывало и прежде и впоследствии, порядку взимания и размерам ясака, выплате жалования служилым людям, организации походов за солью, против Кучумовичей и ойратов, «заводу» пашни, посылке и распределению железных изделий, использованию государевых печатей, выявлению случаев «шатости» либо «измены» татар, остяков и вогулов.

В оценке Н.М. Карамзина, попав в почетную ссылку на самую дальнюю окраину страны, Годуновы проявили себя усердными воеводами, благодаря которым в царствование Шуйского Сибирь избежала бунтов, которые на Руси происходили беспрерывно²⁴. Знаменитый «историограф», очевидно, допустил преувеличение. Ведь на сибирских воеводствах «сидели» не только лишившиеся «властельства»²⁵ Годуновы (в сферу их ведения не входили Березовский, Сургутский, Мангазейский, Кетский, Томский, поначалу и Тарский уезды). Главное из них, Тобольское, они заняли после Смуты, да и положение в восточных уездах Московского государства было отнюдь не идиллическим²⁶, хотя угрозы открытых мятежей русские власти сумели предотвратить. Но близкие родственники бывшего царя (которого все чаще вспоминали недобрым словом), особенно М.М. и С.С. Годуновы, которые провели в Сибири около восьми и девяти лет соответственно — гораздо больше предыдущих сибирских «градодержателей» — действительно обнаружили административные способности, признанные, в том числе, правительством «тихомирного» Михаила Фёдоровича.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

1. БЕЛОКУРОВ С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М. 1907, с. 6; Разрядная книга 1550—1636 гг. (РК). Т. 2. М. 1976, с. 228; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. М. 1978, с. 206—207. См. также: Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб. 1909, стб. 731; МЕЗИН С.А., РАБИНОВИЧ Я.Н. Пьер Делавиль и его сочинение о Смутном времени. В кн.: Историографический сборник. Вып. 23. Саратов. 2008, с. 127. Известие о том, что все высланные Лжедмитрием I из Москвы Годуновы умерли в дороге или в тюрьмах (БУССОВ К. Московская хроника. 1584—1613. М.-Л. 1961, с. 106), неверно.
2. ПСРЛ. Т. 14. М. 1965, с. 66; ср.: т. 34, с. 243. Исключение, по свидетельству официального летописца конца 1620-х гг., сделали для отличавшегося крайней жестокостью боярина С.Н. Годунова: он был отправлен с приставом князем Ю. Приимковым-Ростовским в Переяславль Залесский и там задушен. (Это сообщение, скорее всего, имеет документальную основу). В «далечайшей государевой вотчине» ссыльных тогда уже не держали в заточении, как порой бывало в первые годы после «Ермакова взятия» «Кучумова царства» (КОРЕЦКИЙ В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.). В кн.: Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). Сб. статей памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М. 1973, с. 38, прим. 9), да и Годуновы, очутившиеся на сибирских воеводствах, прибыли туда из Казани.
3. СКРЫННИКОВ Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. 1985, с. 293—294; ЕГО ЖЕ. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск. 1990, с. 154; УЛЬЯНОВСКИЙ В.И. Российские самозванцы. Лжедмитрий I. Киев. 1993, с. 55.
4. ЗИМИН А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. 1986, с. 88, 193.
5. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 15, 243; СКРЫННИКОВ Р.Г. Самозванцы..., с. 172. В.И. Ульяновский заблуждается, утверждая, что в Сибирь первый Лжедмитрий выслал всех Годуновых. (УЛЬЯНОВСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 50). Примечательно, что в первые дни правления «расстриги» восемь Сабуровых были брошены в тюрьмы и посланы «на низ», то есть в Поволжье, где вскоре Замятня Иванов сын Сабуров получил назначение на воеводство в Кузьмодемьянский острог, а Вельяминовы стали «начальными людьми» девяти городов; воеводу М.Б. Сабурова из Астрахани перевели управлять Царевым-Борисовым (Указание на «годование» С.М. Вельяминова в Брянске — это ошибка в «разрядах», речь должна идти о Яранске или Еранске). См.: БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 115, 194, 200—202, 243, ср.: с. 6, 8, 30, 40, 84, 140; РК, т. 2, с. 229.
6. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 241—243. См. также: ЭСКИН Ю.М. Смута и местничество. В кн.: Архив русской истории. М. 1993, с. 96—97. Прибывший «на Верхотурье» Н.В. Годунов поначалу считался главным сибирским воеводой. БОЯРШИНОВА З.Я. Основание города Томска. В кн.: Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск. 1953, с. 45, 47. Р.Ф. Троекуров стал управлять Тобольском «от Ростриги» с весны 1606 г. (БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 156; ПСРЛ. Т. 36. М. 1987, с. 192, 260, 316, 346, 370, ср.: Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки. Собр. Эрмитажное, № 337, л. 1об.), а не при Василии Шуйском, как думалось С.В. Бахрушину (БАХРУШИН С.В. Научные труды. Т. 3. М. 1955, ч. 1, с. 262; МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М. 2000, с. 647; ср.: с. 24). Ошибочно и утверждение, будто Годуновых сослали в Сибирь в царствование преемника «расстриги». ГАЛИШЕВ С.А. К вопросу о назначении воевод в города Тобольского разряда в XVII веке. В кн.: Роль Тобольска в освоении Сибири. Тезисы областной научной конференции, посвященной 400-летию Тобольска. Тобольск. 1987, с. 58.
7. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 227. Вместо Троекурова в Тобольск 1 февраля 1608 г. направили окольничего М.М. Салтыкова, а когда он умер на пути к месту служ-

- бы, в Верхотурье, то (в октябре того же года) стольник князя И.М. Катыева-Ростовского и прежний порядок взаимоотношений воевод столичного и других сибирских городов были восстановлены. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 161—162, 175, 249; ШЕПЕЛЕВ И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957, с. 142.
8. В Сибири в качестве воевод, что являлось для них почетной ссылкой, до Годуновых побывали И.Г. Нагой, князья П.И. и И.М. Манка Барятинские, И.В. Траханиотов, Ф.И. Шереметев и другие родственники опальных «Никитичей», князья А.И. Бахтеяров-Ростовский и А.В. Голицын. С точки зрения Г.В. Абрамовича, осенью 1606 г. Василий Шуйский «организует торжественное перенесение» праха царя Бориса, его жены и сына из убогой московской Варсонофьевской обители в Троице-Сергиев монастырь, дабы «примириться с группировкой Годуновых, весьма сильных врагов». АБРАМОВИЧ Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л. 1991, с. 141. Приведенная оценка должна считаться ошибочной. Как писал С.Ф. Платонов, со смертью Бориса его родственники потеряли «всякую силу», были «приведены в ничтожество» (ПЛАТОНОВ С.Ф. Собр. соч. в 6 томах. Т. 3. М. 2012, с. 350, 463, ср.: с. 487). Большинство Годуновых, в том числе ранее наиболее влиятельных, осенью 1606 г. находились в ссылках и опасности для нового самодержца не представляли. Царь Василий, в свое время по воле правителя Бориса побывавший, пусть и недолго, в галичском заточении, как видно, не собирался возвращать Годуновых из Сибири.
  9. ПАВЛОВ А.П. Государев двор при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб. 1992, с. 64—66. Братья Яков, Матвей и Иван были сыновьями М.В. Годунова («у знамени» участвовавшего еще в Полоцком походе 1563 г.) и его жены Анны. См.: ЧЕРКАСОВА М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. 2004, с. 90 и др. В одном летописце середины XVII в., сложившемся на Русском Севере, находим легендарные известия о казни Лжедмитрием I Матвея Годунова и переходе на сторону самозванца другого родственника бывшего царя — Якова. КОПАНЕВ А.И. Пинежский летописец XVII в. В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л. 1972, с. 82.
  10. БАХРУШИН С.В. Ук. соч., т. 3, ч. 1, с. 172. Первый дошедший до нас документ, где М.М. Годунов выступает в роли тюменского воеводы, появился не ранее 28 мая 1606 года. (МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 226). В 1614—1615 гг. «Матвею велено быть к Москве» (Книги разрядные, по официальных оных спискам. Т. 1. СПб. 1853, стб. 81), поэтому считать, что он оставался в Тюмени до следующего года, как поступил Е.В. Вершинин, не стоит. Указания на то, что М.М. Годунов сделался воеводой первого города, заложенного русскими в «Сибирской земле», в 1605 или 1608 г. (Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск. 1994, с. 241; ВЕРШИНИН Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург. 1998, с. 180), неверны. Ошибочны и утверждения, будто Матвей Михайлович оставался тюменским «седоком» до 1623 г., в 1605 г. лишился боярства, получив его вновь в 1629 году. УЛЬЯНОВСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 50. В 1620—1623 гг. М.М. Годунову довелось вторично побывать в Сибири, тогда он являлся первым тобольским воеводой. ВЕРШИНИН Е.В. Ук. соч., с. 171.
  11. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 255, 258, 259, 617; Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). (АВМ). М. 1915, с. 48—49; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М. 1982, с. 239. В боярском списке 1610—1611 гг. М.М. Годунов указан последним среди бояр и без обозначения места службы. СТОРОЖЕВ В. Материалы для истории русского дворянства. М. 1908, с. 75.
  12. АВМ, с. 48—49; ВВЕДЕНСКИЙ А.А. Дом Строгановых в XVI — XVII веках. М. 1962, с. 270. В одном пермском документе того времени М.М. Годунов ошибочно представлен Головиным. ДОЛИНИН Н.П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков. 1958, с. 69, 121. В ряде документов воеводой Перми Великой в 1610 — самом начале 1612 гг. называется стряпчий с платьем И.И. Чемоданов. СТОРОЖЕВ В. Ук. соч., с. 90; АВМ, с. 1, 2, 4, 6, 46, 47; СЕМЁНОВ О.В. К вопросу о позиции Перми

- Великой в годы Смуты. В кн.: Мининские чтения (МЧ). Материалы научной конференции. Нижний Новгород. 2005, с. 42.
13. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч. Т. 1. М. 1999, с. 447; т. 2, с. 37, 231, 234, 283, 284, 617; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) (АВП). М. 1914, с. 68; ТРЕПАВЛОВ В.В. Сибирский хан (?) Али. В кн.: История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы международной конференции (ИЭК). Курган. 2011, с. 98; ЕГО ЖЕ. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. 2012, с. 75, 80. Ю.С. Худяков по недоразумению считает Н.М. Изъединова головой служилых татар. ХУДЯКОВ Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке. В кн. ИЭК, с. 106; ЕГО ЖЕ. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI — начале XVII в. — Гуманитарные науки в Сибири. 2013, № 4, с. 66 и др.
  14. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 49, 207; Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. М. 1994, ч. 1, с. 105.
  15. КОРЕЦКИЙ В.И., СОЛОВЬЁВА Т.Б., СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Документы первой Крестьянской войны в России. — Советские архивы. 1982, № 1, с. 34, 36. В одной разрядной записи даже утверждается, что Лжедмитрий приказал умерить в тюрьмах Степана Степановича и его отца боярина Степана Васильевича. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 6. Кстати, еще осенью 1605 г. в Тобольск сослали принадлежавшего С. Годунову «человека», то есть холопа А. Ульянова — или как рядового участника заговора против нового царя, или за распространение порочивших его слухов. УЛЬЯНОВСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 119.
  16. ВЕРШИНИН Е.В. Ук. соч., с. 43, 153. По указанию Е.В. Вершинина, С.С. Годунов управлял городом в верховьях Туры с 1605 года. В разрядной книге князей Бярятинских пожалование С.С. Годунова в окольничие приурочено к 7 января 1599 года. РК, т. 2, с. 166.
  17. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 224—225; СЕМЁНОВ О.В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и во время Смуты. В кн.: МЧ. Научная конференция. Нижний Новгород. 2007, с. 61, 66, 70.
  18. ПУЗАНОВ В.Д. Служилые люди Туринского острога. — Северный регион: наука, образование, культура (СР). 2009, № 2 (20), с. 133; ЕГО ЖЕ. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут. 2011, с. 153. В 1609 г. М.М. Годунов отказал приходившемуся ему родственником туринскому воеводе в просьбе прислать служилых людей для обороны уезда, о чем писал и В.Д. Пузанов. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 246; ср.: с. 242; ПУЗАНОВ В.Д. Тюменский уезд в XVII веке. — СР. 2007, № 1 (15), с. 80; ЕГО ЖЕ. Военная политика ..., с. 127 и др.
  19. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 231. «Посылки» в соседние города и остроги «прибыльных людей» с конца XVI в. являлись в Сибири обычной практикой. См.: Там же, т. 1, с. 356—359, 361—362, 425, 428—429, 431—432; т. 2, с. 211, 274, 288, 353, 360, 437, 485, 513—514; Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург. 1994, с. 99—100.
  20. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 228, 230—231, 233, 239, 242—246, 253. При С.С. Годунове в Верхотурье были построены Воскресенская церковь на посаде и теплый храм во имя Святой Троицы. В 1613—1614 гг. «Верхотурский город молнией сожгло» (Там же, с. 20, 228, 268), и его воевода, очевидно, занимался сооружением стен и башен новой крепости.
  21. АВП, с. 68—74, 374; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 65—66; ВЕРШИНИН Е.В. Ук. соч., с. 165, 168. Из отписки в Москву пелымского воеводы И.М. Вельяминова (1624 г.) известно, что против его предшественника И.М. Годунова выступали служилые люди во главе с сыном боярским И. Албычевым (АЛЕКСАНДРОВ В.А., ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991, с. 235). Утверждение, что И.М. Годунов был назначен в Пелым в 1607—1608 гг. (там же), опровергается документально. См.: МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 226—227. Сомнительно и представление Е.В. Вершинина, что воевода, «товарищем» которого являлся П.Д. Исленьев, очутился в городе на Тавде уже в 1605 году. С

- этим дворянином И.М. Годунов не «сидел» в Таре, как сообщали сибирские летописцы; там вместе с ним служили воевода П.С. Лутохин и письменный голова Ф.Ф. Старово. Там же, с. 268; Дворцовые разряды. Т. 1. СПб. 1850, стб. 154; Русско-монгольские отношения 1607—1636. Сб. документов. М. 1959, с. 40—41.
22. Разрядные книги 1598—1638 гг. М. 1974, с. 298; ВЕРШИНИН Е.В. Ук. соч., с. 165; СЕМЁНОВ О.В. К вопросу о положении городов и уездов ..., с. 73. Накануне вогулы узнали, что «на Москве русские люди меж собою секутся». МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 246. Судьба в пору царствований Лжедмитрия I, Василия Шуйского и «межгосударное время» еще одного Годунова, упомянутого в росписи русской армии за осень 1604 г., — Ивана Андреева сына — остается неясной.
23. ВЕРШИНИН Е.В. Ук. соч., с. 178. Примечательно, что в Книге записной — старшей из сохранившихся редакций Сибирского летописного свода — при перечислении городов и острогов Тобольского разряда за 1607/08 — 1608/09 гг. упомянуты только воеводы (которыми являлись Годуновы) и письменные головы Верхотурья, Пельма, Туринска и Тюмени, а под 1612/13 — 1614/15 гг. вначале названы города, которыми управляли родственники «большого» боярина, избранного государем. ПСРЛ, т. 36, с. 143—144; ср.: с. 192—193, 260—261, 317.
24. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 12. М. 1989, стб. 28, прим. 102.
25. ПСРЛ, т. 34, с. 222.
26. Недаром в конце лета 1607 г. тюменский воевода предупреждал туринского: «как, господине, без опасу жить, всегда надобе береженье». МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 234.

Семендер — раннесредневековый город Северо-Восточного Кавказа

М.Р. Гасанов

Как известно, город возникает на той исторической ступени, когда в обществе происходят процессы общественного разделения труда и социальной дифференциации, и в связи с этим из основной массы населения, занятой сельскохозяйственным трудом, выделяются другие социальные группировки (различные слои формирующихся эксплуататорских классов, в том числе представители нарождающейся государственной власти, ремесленники, купцы и т.д.), концентрация которых в определенных населенных пунктах и приводит к образованию поселений городского типа. Актуальным в этом смысле является изучение возникновения г. Семендер (Самандар). Вопросы, касающиеся данной темы, затронуты в трудах М.И. Артамонова, Б.Н. Заходера, С.Т. Еремяна, Л.И. Лаврова, А.Р. Шихсаидова, В.Г. Котовича, М.Г. Магомедова, Г.С. Фёдорова, Л.Н. Гумилёва, А.В. Гадло, А.П. Новосельцева и др.

Имеющиеся разнообразные данные дают возможность полагать, что этот населенный пункт возник еще в античную эпоху. «Полиэтнический состав населения Хазарского государства и кочевой быт самих хазар, по крайней мере, IX в., — пишет Новосельцев, — не дают оснований определить города Хазарии, как хазарские»¹. Из сказанного следует, что Семендер появился до образования Хазарского каганата. Как известно, в период расцвета Албанского государства в его состав входила значительная территория Дагестана. А по данным Птолемея, в Албании было 29 крупных населенных пунктов, в том числе и городов. Следует полагать, что Семендер вырос на месте одного из них. На это указывают и археологические раскопки городищ, расположенных на территории, прилегающей к Семендеру. Все они имеют культурные напластования не только раннесредневекового, но и албано-сарматского периода. По мнению Котовича, Махачкалинское городище, возникшее не позднее албано-сарматского периода, может быть отождествлено с Семендером². «Имя “Семендер” употреблялось до X в., наименование же “Тарху” (“Тарки”), применительно именно к этому географическому пункту, — пишет Котович, — появляется в письменных источниках с XIII в.»³.

Гасанов Магомед Раджабович — доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета. Махачкала.

Относительно этимологии названия Семендер (Самандар) существуют разные суждения. Так, по мнению Б. Малачиханова, оно происходит от «Азами-Эндери». Поселения «Азами» на правом берегу Сулака и «Эндери» на левобережье были связаны между собой путями, проходившими между гребнями хребтов, пересекающих Сулак ⁴.

Некоторые авторы название Семендер связывают с племенем VI в. зебендер. Согласно Феофилакту Симокатте, племя зебендер происходило из народа уар и хунни ⁵. «Появляющееся впервые в этом сообщении племя зебендер, — пишет профессор Артамонов, — вероятно следует отождествлять с названием хорошо известного в Северном Дагестане хазарского города Семендера, видимо, принадлежавшего этому племени» ⁶. По мнению Артамонова, вместе с другими племенами семендерцы входили в Тюркский каганат и назывались хазарами.

Интересным является объяснение происхождения Самандара Новосельцевым: «Первая часть названия города — “саман” на современном персидском языке значит “жасмин”, но, например, в курдском сохранилось и значение “белый”. Поэтому есть основание толковать название Самандар как “белый дом, дворец”. В арабских источниках упоминается г. ал-Байда (Белая). Уже по названию он идентичен Самандару» ⁷.

Весьма сложным является и вопрос локализации Семендера.

Несмотря на то, что исследователи неоднократно обращались к определению местоположения Семендера, этот вопрос по-прежнему остается спорным. Ряд исследователей отождествляют его с районом Махачкалы или Тарки (И. Маркварт, Б.А. Дорн, А.Я. Гаркави, Д.А. Хвольсон, В.Ф. Минорский, Б.Г. Малачиханов, Еремян, Лавров, В.Г. Котович), другие располагают на Тереке или Актаме, на месте Кизляра (П.К. Коковцев, Артамонов, Гумилёв).

Вышеизложенные противоречивые мнения связаны с разновременными сообщениями арабских и персидских авторов о местоположении города. Обобщив различные сведения, профессор Заходер пришел к следующему выводу: «Рассказ о Семендере, встречающийся в различных исторических источниках, входящих в свод, представляет собой сложное явление. Составленный из разновременных и нередко противоречивых наблюдений, этот рассказ дает нам не менее основание считать, что город, служивший хазарам первой столицей... продолжал существовать после захвата и разрушений его арабами в 104/722—723 г., много лет спустя после перенесения столицы на Нижнее Поволжье, в Итиль» ⁸.

Согласно данным анонимного автора сочинения «Худуд ал-Алам» и древним картам, Семендер находится на берегу моря. В «Армянской географии» Ширакаци (VII в.) о нем говорится: «К северу от Дербента близ моря находится царство гуннов, на западе у Кавказа (то есть у подножья гор Кавказа. — М.Г.) город гуннов Вараджан, а также города Чунгарс и Мендр (Семендер). К востоку живут савиры до реки Талта, отделяющей азиатскую Сарматия от Скифии...» ⁹.

В связи с событиями 40—50-х гг. VII в. о Семендере (Самандаре) упоминает и ал-Белазури. Большинство исследователей отождествляют его с современным с. Тарки. Здесь горы близко подходят к морю, образуя узкий четырехкилометровый коридор, который легко можно было перекрыть стенами и другими укреплениями. Выгодное положение у морского побережья выдвинуло Семендер в качестве столицы Хазарии. Археологические исследования у сел. Тарки выявили фундаменты обширного города хазарского периода. Сохранились здесь и остатки древней оборонительной стены.

Некоторые из арабских авторов — Масуди, Бакри — определяли расстояние между Дербентом и Семендером в 8 дней пути, другие — Истахри, Ибн Хаукаль — вдвое короче — 4 дня, а в разных разделах «Словаря» Якута это расстояние приравнено то к 8, то к 4 дням пути.

Как свидетельствует арабский путешественник Ибн Хаукаль, город Семендер был населен хазарами и выходцами из других владений и обществ. По словам арабских авторов — ал-Истахри и Ибн Хаукаля — мусульмане имели в нем мечети, христиане — церкви, а евреи — синагоги ¹⁰.

По имеющимся данным, Семендер был крупным торгово-экономическим центром. Жители города и окрестное население занимались садоводством, главным образом, виноградарством. В «Книге путей и царств» ал-Истахари пишет: «В пространстве между ним (Семендером. — *М.Г.*) и Баб ал-Абвабом (Дербентом. — *М.Г.*) находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру, и говорят, они содержат в себе приблизительно около 4 тыс. виноградных лоз, доходя до пределов Сарира, и главную часть плодов этих садов составляет виноград» ¹¹.

Здесь были развиты различные промыслы и ремесла. Семендер специализировался на обработке шерсти и производстве шерстяной одежды. Как сообщает Табари, здесь изготавливались шерстяные ткани ¹².

В Семендере производили также различные украшения. Еще в 1951 г. К.Ф. Смирнов отмечал, что многие из вещей Агачкалинского могильника, «особенно своеобразные изделия из золота, серебра и бронзы с зернью, накладным серебром и позолотой, производились в одном из центров Хазарии, каковым, прежде всего, мог быть еще не найденный археологами Семендар» ¹³. Основную массу ремесленников составляла бедная часть населения. Наряду с ремесленниками здесь проживали зажиточные люди, торговцы, имевшие крупные суммы денег, а также рабов и рабынь ¹⁴.

Семендер был городом не только местного значения. Он был связан со многими населенными пунктами, городами и странами. Из Закавказья, Юго-Восточной Европы и других регионов сюда привозили сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия. Город играл посредническую роль во взаимоотношениях народов Восточной Европы и стран Передней и Средней Азии. Семендер посещали не только северокавказцы, но и славянские, армянские, индийские, китайские купцы. Славяне привозили сюда меха, льняные изделия, другие предметы ремесла, а также рабов. Из Волжской Булгарии в Семендер доставляли меха, янтарь, мед, воск. Из Семендера на продажу шли кожа и рыба, которые, по словам Хасадан ибн-Шафрута, доставлялись на судах в Константинополь. В столицу Хазарии в большом количестве проникали восточные монеты. О наличии базаров в Семендере свидетельствуют различные источники. Обобщая их, профессор Заходер писал: «В Самандаре и Итиле купеческие колонии были весьма многочисленны» ¹⁵. В торговле Семендера важную роль играли европейские купцы. В IX в. именно они держали в своих руках транзитную торговлю между Европой и Азией. Это были предприимчивые торговцы, говорившие на разных языках — арабском, персидском, греческом, «франкском», испано-романском, славянском ¹⁶. Семендер торговыми путями был связан со многими восточными и европейскими странами и народами. Сухопутная дорога из Семендера в Закавказье, Переднюю Азию проходила через Дербент.

Международный торговый путь от Семендера до Азовского моря, существовавший в VIII—XI вв., шел по Сунже, Тереку и Таманскому полуострову. Через Таматарху ¹⁷ (быв. Фанагория) в Семендер привозили изделия из золота, серебра, стекла и другие предметы роскоши ¹⁸.

Касаясь социальных отношений в Семендере, надо отметить, что там были представлены различные группы населения. Царь Семендера имел титул «тархан». Как полагает Новосельцев, это — титул местного правителя, поставленного хаканом. Слово «тархан» входило в состав имен хазарской знати. В Хазарии во главе государства стоял хакан, следующим после хакана лицом был шад,

который командовал войском. В X в. в Семендере, бывшей столице Хазарского каганата, сидел собственный царь (малик) — родственник хазарского царя.

Социальные контрасты в Семендере прослеживаются также по раскопкам могильников. На фоне бедных захоронений основной массы населения выделяются погребения аристократии, содержавшие изделия из серебра, золота, бронзы, а также предметы вооружения.

В первой половине X в. особую роль в хазарской столице играла мусульманская гвардия. О социальном строе Хазарии свидетельствует письмо Иосифа, в котором упоминаются хазарские «сарим», что в переводе означает «князья», «тарханы», главы, начальники. Им противостоят «рабы» царя, под которыми следует понимать все подвластное царю хазар население. Кроме того, упоминаются и «мшарейт», то есть «слуги, служители», — те, кто обслуживал царя и его двор. Нет сомнений в том, что эти категории населения существовали и в Семендере. Здесь имелаась и торговая знать, получавшая доходы от торговых пошлин натурой и деньгами.

Согласно ПВЛ, вятичи платили хазарам дань по шелагу (то есть серебряному дирхему) с сохи. Кроме того, часть дани, особенно с таких племен, как буртасы, шла натурой — ценными мехами. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль пишут, что жители городских кварталов («махалл») и городских окрестностей («ан-навахи») были обязаны доставлять царю и его двору продовольствие, напитки и т. д. Стремление взимать, где возможно, дань в данной форме было связано с транзитной торговлей, в которой главной валютой в VIII—X вв. был арабский серебряный дирхем.

Семендер подвергался нашествиям различных племен и народов. Наиболее разорительными были походы арабов. Обобщая данные восточных источников о Семендере, Заходер пишет, что этот «город, служивший хазарам первой столицей и известный в раннесредневековой письменности под различными наименованиями (Хамлидж, Баландж, Варачан, Самандар)», был разрушен именно арабами¹⁹.

Опустошительными были и походы славян (русов) на Хазарию и Семендер. В 965 г. «идея Святослав на Козары»²⁰. По Каспийскому морю он добрался до Семендера и, опустошив его, направился вдоль гор Кавказа на запад. В результате похода русов в Семендере практически не осталось виноградников. Двигаясь к Азовскому морю, Святослав распространил русскую власть на асов и касогов²¹.

Цель похода заключалась не только в разгроме Семендера, но и в том, чтобы установить контроль над торговыми путями в Хорезм, Багдад, Константинополь, открыть дорогу на Кавказ и обосноваться в Крыму. Это была победа, благотворно отразившаяся на всем развитии Руси и сильно упрочившая ее позиции в Причерноморье. Семендер просуществовал до 966 г. и после разрушения его войсками Святослава сведений о нем нет.

Касаясь вопросов религии и культуры, надо сказать, что население Семендера первоначально было языческим. В условиях контактов со странами, где господствовали монотеистические религии, уже в VII в. встал вопрос о принятии какой-либо из этих вер, так как они больше соответствовали общим условиям эпохи, а также интересам раннеклассового Хазарского государства. Первая попытка принять монотеистическую религию хазарами, в том числе и семендерцами, относится к 80-м гг. VII века. Следствием посольства епископа Исраэля в 684 г. в Хазарию явилось принятие христианства Алп-Илутвером и его окружением. В 737 г. Мерван ибн Мухаммад занял Семендер, после чего хакан бежал на север. Арабы преследовали его, и он запросил мира, обещая принять ислам. Прошло немногим более сотни лет, и мусульманские источники зафиксировали иудаизм в качестве государственной религии Хазарии, в том числе и жителей Семендера.

Принятие иудаизма хазарской верхушкой оказало воздействие на культуру хазар. В Семендере имели распространение древнееврейский язык и письменность. Персидский писатель Фахр ад-дин Мубарак-шах связывал хазарское письмо с русским и римским (то есть греческим) алфавитами. Академик В.В. Бартольд на основании этого предположил использование хазарами для их собственного языка греческого алфавита. Важным является сообщение ал-Масуди о мусульманских школах в Семендере, где была распространена арабская, а возможно и персидская культура.

Подводя итог, следует отметить, что Семендер (Самандар) — один из древних городов Северо-Восточного Кавказа, возникший на месте древнего населенного пункта Кавказской Албании. Возникновение этого города, где сходились торговые маршруты из различных регионов Восточной Европы, Юга России, Средней Азии, Закавказья, связано с транзитной торговлей.

Кроме того, Семендер являлся центром одной из политических единиц Кавказской Албании, а затем — государственно-административным центром Хазарии.

Семендер, как и другие средневековые города, был неразрывно связан с сельскохозяйственным производством, специализировался на садовых культурах, особенно, на возделывании винограда.

Данная работа является первой попыткой собрать воедино имеющиеся материалы о Семендере. Дальнейшие исследования, особенно археологические, дадут возможность более обстоятельно осветить различные вопросы, связанные с возникновением и развитием этого крупного торгово-экономического и административно-политического центра Северо-Восточного Кавказа.

Примечания

1. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990, с. 122.
2. КОТОВИЧ В.Г. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера. В кн.: Древности Дагестана. Махачкала. 1974, с. 342.
3. Там же, с. 254.
4. МАЛАЧИХАНОВ Б.К. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (Материалы по истории нагорного Дагестана). Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. XIV, серия историческая. Махачкала. 1965, с. 20.
5. ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА. История. М. 1957, с. 28.
6. АРТАМОНОВ М.И. История хазар. Л. 1962, 140—141.
7. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Ук. соч., с. 125.
8. ЗАХОДЕР Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. 1962, с. 179—180.
9. ПАТКАНОВ К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. — Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1883, март, с. 27.
10. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.-Л. 1939, с. 55.
11. АЛ-ИСТАХРИ. Книга путей и царств. Тифлис. 1901, с. 45.
12. САВЕЛЬЕВ П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении русской истории. СПб. 1845, с. 9.
13. СМIRHOV К.Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 38, 1951, с. 119.
14. САВЕЛЬЕВ П.С. Ук. соч., с. 10.
15. ЗАХОДЕР Б.Н. Ук. соч., с. 153.
16. ИБН ХОРДАДБЕХ. Книга путей и стран. Баку. 1986.
17. НАГАНОВ Н.А. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века. — Исторические записки, № 6.
18. ПРЕСНЯКОВ А.Е. Лекции по русской истории. Т. I. М. 1937.
19. ЗАХОДЕР Б.Н. Ук. соч., с. 183.
20. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 1, с. 63.
21. ПАШУТО В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, с. 93.

Русскоязычная печать в Баку в годы первой русской революции

Л. Гаджиева

Первые годы XX столетия запомнились стремительным развитием периодической печати и типографского дела в Баку. Здесь издавались различные газеты, выходившие на русском языке, в том числе, и те, которые отражали интересы партии «Дашнакцутюн» (1890), к тому времени сплотившей вокруг себя влиятельных людей из среды богатых армян.

Берущая свое начало с создания накануне первой русской революции либерально-буржуазных изданий под названием «Баку» и «Бакинские известия», армянская периодическая печать в Баку в историографии почти не исследована. До сих пор не рассмотрены ее особенности в период становления и развития в начале XX века. В советские годы периодическая печать буржуазно-либерального направления и ее публицисты были вне поля зрения научного сообщества. Литературные или исторические исследования тех лет выстраивались согласно ценностным приоритетам, принятым в социалистическом обществе¹. В годы независимости в связи с переоценкой идеологических ценностей общественно-политические процессы XIX и начала XX в. и роль печати в этих процессах были заново изучены. В ряде специальных исследований по истории периодической печати нашли отражение различные стороны отдельных буржуазно-либеральных изданий, но, в основном, с точки зрения политических и литературно-общественных воззрений представителей передовой азербайджанской интеллигенции².

Расцвет армянской прессы наблюдался не только в Баку, но и в Тифлисе, где с помощью членов Кавказского Цензурного Комитета «Кишмишева и Караханова сотнями пропускали в обращение издания дашнакцаканской партии «Арач»». Изобилие армянских изданий на Кавказе привлекло внимание М. Аджемова — депутата Государственной думы второго и третьего созывов. В частной беседе с Начальником Главного Управления по делам печати гофмейстером Бельгардом он заявил, что «Тифлисский Цензурный Комитет есть отдел печати штаба дашнацкой партии»³. «Хотя это обстоятельство для целей нашей партии благоприятно, — добавил Аджемов, — но, тем не менее, я должен констатировать факт»⁴.

В Баку армянами были созданы газеты и справочные издания под названиями «Бакинские известия», «Баку», «Бакинские объявления», «Бакинский

Гаджиева Л. — докторант Бакинского государственного университета.

справочный календарь», «Бакинский торгово-промышленный сборник», «Нефтяное дело», «Вестник Баку», «Бакинское эхо» и другие. Официально они представляли культурно-просветительские организации, такие как «Бакинское издательское товарищество» Х.П. Саркисова, «Бакинский Армянский культурный союз» К.И. Хатисова и т.п. В Тифлисе под общим названием «Библиотека Арач» и «Библиотека Кянк» издавались газеты и брошюры, целью которых, по мнению исследователя азербайджанской печати М.Ш. Мирзаева, было «своеобразно революционировать армянский народ»⁵. «Библиотека Кянк», — пишет автор, — издавалась социал-демократами, тогда как «Библиотека Арач» являлась изданием армянской организации «Дашнакцутюн»⁶.

Выходившие в Баку армянские русскоязычные газеты в основном были общественно-политического направления и служили интересам всех армян, проживавших не только в Российской, но и Османской империи и Персии. Ярким примером такого издания являлась газета «Бакинские известия». Созданная в 1902 г. издателем и редактором Н.А. Гринёвым как ежедневная литературно-общественная газета, «Бакинские известия» много писали о положении армян в Османской империи, находя его удручающим и предсказывая неизбежность противоборства. «Уже давно ведутся приготовления к новой резне армян, — утверждала газета, — уже давно раздаются тревожные крики среди армянского населения, но крики эти до сих пор не привлекли к себе внимания Европы. Тем не менее, армяне не вполне еще потеряли надежду на Европу. Они рассчитывают на помощь, и в особенности на помощь французского правительства ...»⁷.

Другая армянская русскоязычная газета — «Баку» — имела такую же направленность, как «Бакинские известия». Ее редактором был В.А. Арутчев, издателем — коллежский советник А.Н. Лавров. Однако газета принадлежала горному инженеру и успешному предпринимателю К.И. Хатисову. Именно он задавал тон газете и играл ведущую роль в определении ее идеологической направленности. Такая же ситуация была и в редакции газеты «Бакинские известия», где Гринёв хотя и числился редактором-издателем газеты, но решающего голоса в редакции не имел и влиять на ее политику не мог⁸.

Первоначально газета «Баку» планировалась как издание для русского населения города. Отметим, что в исследуемый период в Баку пользовалась популярностью выходившая уже двадцатый год газета «Каспий» (1881—1919). Хотя газета печаталась на русском языке, но с 1897 г. она фактически являлась национальным изданием азербайджанцев, выражая их надежды и чаяния. Вот почему в прошении, поданном в Главное цензурное управление, издатели газеты «Баку» особо подчеркивали свое желание, чтобы их газета «с одной стороны служила бы противовесом единственной ежедневной газете “Каспий”, находящейся в руках Тагиева и редактируемой Мардан-беком Топчибашевым, а с другой — была бы выразительницей действительно русских интересов края и города»⁹. В документе отмечалось, что даже газеты, издаваемые в Тифлисе на русском языке, часто не отвечают интересам русского населения края, «находясь далеко от Баку и притом в городе, имеющем уже другой характер и другие задачи... да и те, за исключением официального органа “Кавказ”, находятся в армянских руках»¹⁰.

Уже первый номер газеты «Баку», вышедший 18 октября 1902 г., продемонстрировал политические взгляды издания. «Мы смело и открыто заявляем, что национализм в той форме, в которой он насаждался у нас г. Величко, противен нам», — декларировала газета¹¹. Известно, что отношение армян к бывшему редактору газеты «Кавказ» В. Величко было неоднозначным, если не сказать враждебным из-за его воззрений по поводу истории армян на Кавказе. В своей книге под названием «Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы» (1904), автор отнес армян к пришлому населению края, отмечая, что они

«...в большом числе появились там в первой половине XIX столетия, как беглецы из Турции, а не коренные жители»¹².

Газеты «Баку» и «Бакинские известия» публиковали корреспонденции враждебного характера и в адрес главноначальствующего на Кавказе князя Г.С. Голицына, который, как известно, взял все имущество армянской церкви под контроль правительства. Тема секуляризации церковного имущества армянского духовенства, осуществленная согласно Закону от 12 июня 1903 г., стала самой обсуждаемой в армянской прессе исследуемого периода. Армяне восприняли это решение как святотатство, как глумление над своей церковью. Об этом писал Хатисов: «В отнятии церковных имуществ они увидели твердое решение правительства стереть с лица земли народ армянский и решили прибегнуть к самозащите. И тогда то, и только тогда, в 1903 году, армянская революционная партия “Дашнакцутюн”, до сего времени, абсолютно не вмешивавшаяся в дела русских армян, решила объявить войну тем отдельным представителям русского правительства, которые готовились сделать шах и мат армянскому народу»¹³. В 1903 г. была создана военная организация партии «Дашнакцутюн», устав которой был принят несколькими месяцами позже, в начале 1904 г. на третьем съезде революционного союза, конспиративно проведенного в Вене. Полный текст этого устава был опубликован в газете «Каспий»¹⁴.

Сенатор А.М. Кузьминский, по Высочайшему повелению произведший ревизию города Баку и Бакинской губернии в 1905 г., отмечал, что именно конфискация имуществ Эчмиадзина способствовала усилению деятельности армянского революционного союза «Дашнакцутюн» на Кавказе. Со временем деятельность союза «приняла ярко выраженный террористический характер, проявившийся в целом ряде покушений на жизнь и убийств должностных лиц всех степеней, принимавших участие в ведении этого закона в действие, с генерал-адъютантом князем Голицыным во главе...»¹⁵.

Первоначально армянский революционный союз приглашал и азербайджанцев к участию в антиправительственных мероприятиях. Однако вплоть до 1907 г. азербайджанцы в большинстве своем не откликнулись на какие-либо революционные воззвания и выступления. Они оставались лояльными к правительству, о чем свидетельствуют небольшие выдержки из полицейских доносов о политических событиях 1906 г.: «Бастуют: заводы, фабрики, телефон, конка, магазины армянской части; в татарской части жизнь нормальная» или: «...в Балаханах, Биби-Эйбате, Черном и Белом городах все рабочие механических мастерских в день 1-го Мая не работали по добровольному соглашению с владельцами фабрик и заводов. Буровые же на промыслах всюду работали (рабочие буровых почти исключительно мусульмане)»¹⁶.

Террористическую деятельность партии «Дашнакцутюн» в Баку, Гяндже и Шуше осуществляли так называемые хумбы — «темные личности в длинных папахах», члены боевых дружин революционного комитета. О них с тревогой писала газета «Каспий», опубликовавшая письмо из Елизаветполя (Гянджа) от почитаемых в городе личностей — А. Зиятханова, А. Хасмамедова, А. Рафибекова и других. Авторы письма сообщали о том, что армянское население города вместе с хумбами упражняется в стрельбе в виноградных садах: «Когда же мы обращались в полицию с просьбой устранить эти безобразия, волнующие мусульманскую массу, то она показывала нам известный приказ армянской революционной партии о воспреещении отбирать у армян оружие под страхом убийства». Зачастую они наравне с представителями власти участвовали в общественных мероприятиях: «10-го декабря, во время похорон одного солдата-католика, кроме массы армян, сопровождавших похоронную процессию во главе с генерал-губернатором г. Флейшером, в боевом порядке шли для отдания последней воинской чести и 150 вооруженных хумбов с малиновым знаменем»¹⁷.

Об армяно-мусульманских столкновениях 1905 г. (именно так это именовали в прессе того периода) подробно писали все периодические издания, выходящие в Баку. В газете «Каспий» известный азербайджанский публицист и общественный деятель Ахмед бек Агаев назвал это позором невежества и дикости, который надо смыть благородными поступками: «Уже в этом отношении сделано кое-что — что является единственною светлою стороною во всей этой драме. Это, с одной стороны, поведение интеллигенции не только дипломированной, но и интеллигенции по уму и положению, а с другой, поведение народа. Я видел эту интеллигенцию, плачущую, удрученную, глубоко оскорбленную и глубоко тронутую народным бедствием; но тем не менее она работала не покладая рук, не шадя своей жизни, идя под пули, терпя голод и жажду»¹⁸.

По данным ревизии, опубликованным в газете «Каспий», всего за время кровавых событий в Баку 6—9 февраля 1905 г. «было убито 269 человек»¹⁹.

Спровоцированная братоубийственная война наряду с человеческими жертвами и горем принесла огромные потери экономике страны. В газете «Баку» давался анализ понесенных убытков в нефтяной и других отраслях промышленности за год межнациональной вражды. Газета писала, что эти события отразились не только на экспорте нефти (главной отрасли промышленности региона), но и на многих отраслях хозяйства, к числу которых относятся хлопчатобумажное производство, шелководство, винокуренное и водочное производство, производство меди, скотоводство, садоводство и т.д. Огромный урон был нанесен хлопководству²⁰.

Крупные представители этой отрасли — русские предприниматели Савва Морозов, И.И. Корзинкин, И.К. Познанский и другие — основали свою деятельность в Эриванской, Елизаветпольской, Тифлисской и Бакинской губерниях. Благодаря их усилиям, по данным «Бакинского торгово-промышленного сборника», в 1897 г. в Бакинской губернии было продано 700 тыс. пудов хлопка²¹.

Однако в 1905 г. все районы производства хлопка-сырца были объаты межнациональной войной. Теперь, как пишет газета «Баку», производители хлопка в России и Польше задумаются о том, как «восполнить необходимое количество хлопка для запросов промышленности, выписать опять дорогой заграничный хлопок»²².

Виноделие, водочное и коньячное производство оказались на грани гибели. Богатые виноградные плантации, принадлежавшие в основном азербайджанцам, давали хороший урожай, который скупался армянами для производства спирта и вина, «получаемых на громадных паровых и мелких неусовершенствованных заводах». И плантации, и заводы были сожжены. Шелководство, являвшееся своего рода монополией Кавказа, поскольку весь шелк в Российской империи производился в Елизаветпольской губернии, было в отчаянном положении, хотя совсем недавно, в «1895 году, Кавказ занимал по количеству производимого шелку среди европейских стран седьмое место, а в 1901 году уже — третье место». Газета «Баку» писала, что в губернии в среднем ежегодно производилось около 400—500 тыс. пудов кокона. Почти весь этот шелк в сыром виде доставлялся в Россию на шелкопрядильные фабрики Москвы и ее окрестностей. «В настоящее время, — отмечало издание, — почти все мелкие заводы, производящие шелк и раскиданные по всей Елизаветпольской губернии, уничтожены, сожжены, так что все производство шелка сведено к нулю»²³.

В исследуемый период нефть — звезда счастья и благосостояния очень многих — стала камнем преткновения между представителями ведущих нефтяных компаний азербайджанцев и армян. «Около $\frac{2}{3}$ всей добычи нефти в районе Бакинских промыслов принадлежит армянам, тогда как на долю магометан падает не свыше 5%»²⁴, хотя, как известно, у истоков становления и успешного развития нефтяной промышленности Баку в 70—90-е гг. XIX столетия стояли

видные азербайджанские нефтепромышленники Г.З. Тагиев, И. Мирзоев, М. Нагиев, М. Мухтаров и другие. Практически вытеснив азербайджанцев из нефтяного бизнеса, армяне вскоре стали монополистами и в других областях промышленности — мануфактурной, галантерейной, скобяной и др. Они основали благотворительные общества, под эгидой которых выходили их печатные органы. Основанный по их же инициативе «Совет съезда нефтепромышленников г. Баку» имел четыре издания — «Нефтяное дело», «Справочная книжка для нефтепромышленников», «Обзор Бакинской нефтяной промышленности», «Труды съездов нефтепромышленников в г. Баку», из которых наиболее читабельным и авторитетным был учрежденный в 1899 г. увесистый журнал «Нефтяное дело». Его редакторами были нефтепромышленники П.О. Гукасов и А.А. Парониан. Печатался журнал в типографии А.Г. Юзбашева. Издание выходило один раз в две недели и касалось исключительно нефтяного бизнеса.

В конце XIX — начале XX в., когда нефтяная промышленность Баку была на пике своей славы, когда миллионные обороты нефтепромышленников тратились на новые виды коммерческой и просветительской деятельности, одновременно происходил форсированный вывоз денег за границу, что явилось причиной экономического кризиса. В связи с этим, выступивший на страницах «Нефтяного дела» успешный нефтепромышленник и издатель К. Хатисов отмечал, что заработанные в Баку деньги правильней было бы тратить в крае с пользой для его жителей: «Деньги Зубалова²⁵ остаются у нас дома, — писал он, — на эти деньги Зубалов строит Народный Дом в Тифлисе, на эти же деньги он, кажется, собирается, как я слышал, закончить постройку здания нашего Отделения Технического Общества. И не на деньги ли, добытые из недр этого самого 19 участка, выстроил Тагиев свою фабрику, где находят себе работу тысячи местных уроженцев, не на эти ли деньги он создал массу общепользных учреждений, не на эти ли деньги выстроил он здание женской мусульманской школы, которая открыта на днях? Быть может и англичане, в свою очередь, эксплуатирующие ныне этот 19 участок, создадут не меньшее количество общепользных учреждений, чем создал их Тагиев, но ведь они создадут их не здесь, не у нас в Баку, а у себя дома, в Лондоне, в Англии...»²⁶.

Совсем другие мысли Хатисов выскажет через пару лет, в годы первой русской революции, отвечая на упреки публициста газеты «Каспий» А. Агаева по поводу армян, которые, по его мнению, до Голицына были хозяевами края, правили им и всячески притесняли азербайджанцев: «Мусульман притесняли? Да, притесняли. Что же мы, армяне, радовались этому? Что же, мы виноваты в этом? Вам не давали газет? А нам давали? Вам не давали прав? А нам давали? И если бы мы сумели добиться прав для вас, то сумели бы добиться их прежде всего для себя?... Что же, господа мусульмане, вы думаете, что мы рады, что вы отстали? Поймите, даже оставляя в сторону идейную часть дела, нам, в силу самых эгоистических чувств, невыгодно, чтобы вы таковыми и оставались. Ведь, волею судеб мы вынуждены жить бок о бок! Можем ли мы, армяне, заниматься созидательной, творческой, культурной работой, когда наш сосед некультурен»²⁷. В эпоху всех главнокомандующих на Кавказе, бывших в крае до Голицына, как отмечала газета «Каспий», армяне, «прибегая к средствам весьма часто неразборчивым, успели не только достигнуть высокого материального благосостояния, давшего им возможность, при содействии и под покровительством правительства, поднять свою культуру путем беспрепятственного введения просветительных и благотворительных учреждений, но, главным образом, подорвать доверие правительства к мусульманскому населению, выставляя его народом диким, фанатизированным, не надежным вообще»²⁸. «Мусульмане

прямо заявляют, — отмечал сенатор Кузьминский, — что причины февральских событий должны быть сведены к причинам установившихся между ними и армянами отношений, приведших к этим событиям. Мы, — говорили они, — не завидуем армянам и не хотим мешать их развитию; пусть развивают свои силы во всех направлениях, но не препятствуют в этом мусульманам и не стремятся к исключительному обладанию благосостоянием края, а также к духовному и материальному порабощению мусульман. Они выражают желание, чтобы сложившийся под влиянием вероисповедных условий взгляд правительства на мусульман изменился и чтобы, подобно другим, населяющим Империю, народностям, им даны были одинаковые права политические, гражданские и религиозные»²⁹.

Попрание политических, гражданских и религиозных прав было в порядке вещей у власть имущих, писал А. Агаев, «...в любой момент могут объявить жителям того или другого села, чтобы те немедленно собирали все свои пожитки и переселялись в другой участок, иногда лежащий за тридевять земель, так как село предназначено для переселенцев. Таких случаев было немало за последнее время, и вот, испуганное, ошеломленное население, покидая свои дедовские очаги, бросая все, несется волной в Турцию и Персию...»³⁰.

В годы первой русской революции впервые увидела свет сатирическая пресса на Кавказе. Первые сатирические журналы появились в Тифлисе в 1906 году. «Гроза», «Жгут», «Колючка», «Крапива», «Кукуреку», «Хатабала» — вот далеко не полный их перечень. В 1906 г. журнал «Кукуреку» предстал перед читателями в образе петуха-забияки, сорвавшего с себя оковы. Этот же образ, но уже в более дерзкой форме, по воспоминаниям основателя азербайджанской сатирической печати Джалила Мамедкулизаде, нашел свое отражение в карикатуре, расположенной на титульном листе одного из последующих номеров журнала. На этот раз в образе петуха был изображен русский царь, облаченный в военный мундир. Вспоминая об этом, известный публицист писал, что он был поражен смелостью издателей журнала. «Неужели такое возможно печатать?» — недоумевал он³¹. Оказалось, что возможно, потому что настали иные времена.

Созданный им в 1906 г. журнал «Молла Насреддин» издавался много лет и оставил неизгладимый след в истории национальной печати. Как признавался в первом номере своего издания Дж. Мамедкулизаде, само время породило «Молла Насреддина», время перемен и революционных изменений. Если можно критиковать самого царя Николая, писал он в своих воспоминаниях, так почему же нельзя критиковать восточных султанов и падишахов, и самое главное, представителей духовенства, по силе своего значения в азербайджанском обществе являющихся такими же султанами и падишахами как те в Османской империи, Персии и арабском мире.

Появившиеся в пылу революционной борьбы журналы, зачастую после выпуска 2—3 номеров запрещались правительством и быстро исчезали, не успев оставить свой след в истории печати.

Армянская периодическая печать в Баку в годы первой русской революции в основном писала о своих проблемах — прежде всего, о секуляризации церковного имущества армянской церкви и положении армян в Османской империи. Конфискацию церковного имущества армяне восприняли, как вероломство в отношении церкви, являвшейся для многих из них символом объединения. Их участие в революционном движении 1905—1906 гг. во многом было вызвано недовольством царской политикой в отношении армянской церкви.

Примечания

1. КОЧАРЛИ Х.С. Роль большевистской печати Азербайджана в борьбе за пролетарский интернационализм (1901—1910 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Баку. 1964; ЛУКЪЯНОВА С.Л. Вопросы литературы в русской периодической печати Азербайджана. 1917—1920. Баку. 1976.
2. HÜSEYNOV Ş.A. Mətbu irsimizdən səhifələr. Bakı. 2007.
3. МИРЗАЕВ М.Ш. Материалы для истории тюркской печати на Кавказе. Баку. 2009, с. 56.
4. Там же, с. 194.
5. Там же.
6. Там же, с. 195.
7. В Турецкой Армении. — Бакинские Известия. 24.VII(6.VIII).1903.
8. Постановление Бакинского генерал-губернатора. — Баку. 1905, № 33.
9. Российский государственный исторический архив, ф. 776, оп. 14, д. 1, л. 12.
10. Там же, л. 1.
11. Там же, л. 22.
12. ВЕЛИЧКО В.В. Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку. 1990, с. 71.
13. ХАТИСОВ К. Ревизия сенатора Кузьминского и армянские комитеты. — Баку. 1906, № 38.
14. Воинский устав. Издание Восканапатского комитета армянского революционного союза. — Каспий. 12.III.1906.
15. Всеподданейший отчет о произведенной в 1905 году по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии г. Баку и Бакинской Губернии. СПб. 1907, с. 24.
16. Государственный исторический архив Грузии, ф. 10, л. 256, л. 20; ф. 2с, л. 5340, л. 82.
17. Письмо в редакцию. — Каспий. 1906, № 19.
18. АГАЕВ А. Наш позор. — Каспий. 1905, № 22.
19. Главнейшие выводы из отчета с произведенной в 1905 году сенатором Кузьминским ревизии города Баку. — Каспий. 1906, № 21.
20. Л.К. Экономические последствия. — Баку. 1906, № 1.
21. Хлопководство. — Бакинский торгово-промышленный сборник. 1900, с. 26—27.
22. Л.К. Экономические последствия. — Баку. 1906, № 1.
23. Там же.
24. Всеподданейший отчет о произведенной в 1905 году по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии г. Баку и Бакинской Губернии, с. 93.
25. Зубалашвили Константин Яковлевич — бакинский нефтепромышленник, миллионер, коллекционер.
26. ХАТИСОВ К. Что говорят цифры? — Нефтяное дело. 1901, № 20.
27. Заседание армяно-мусульманского съезда в Тифлисе. — Баку. 1906, № 45.
28. Главнейшие выводы из отчета с произведенной в 1905 году сенатором Кузьминским ревизии города Баку. События 6-9 февраля 1905 года и причины, их вызвавшие. — Каспий. 1906, № 21.
29. Всеподданейший отчет о произведенной в 1905 году по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии г. Баку и Бакинской Губернии, с. 22.
30. АГАЕВ А. Необходимые разъяснения к петициям мусульман. — Каспий. 1905, № 59.
31. Azərbaycan mətbuatı tarixi antologiyası (2 cildə 1-ci cild). Bakı. 2010, с. 206.

Республиканская партия в политической жизни Франции

Д.В. Шмелёв

Республиканская партия на протяжении почти двадцати лет была одной из крупных правоцентристских либеральных сил Франции. Ее истоки и традиции относятся к республиканскому движению III Республики и времени формирования республиканской политической культуры. На протяжении многих лет республиканизм, сохраняя свои базовые принципы, постоянно менялся, реагируя на меняющуюся ситуацию. Гибкость и способность к адаптации позволили ему оставаться длительное время на политической сцене. После второй мировой войны умеренное республиканское течение действовало в рамках Национального центра независимых и крестьян, а затем — Национальной федерации независимых республиканцев (НФНР). С избранием в мае 1974 г. президентом ее лидера В. Жискара д'Эстена «независимые республиканцы» стали правящей партией.

Деятельность и политическая практика «независимых республиканцев» были исследованы В.Н. Черной, а также рядом французских специалистов по политической истории (например, Ж.-К. Кольяром) ¹. В то же время в российской исторической науке специально не рассматривался вопрос дальнейшей эволюции и трансформации Республиканской партии в годы президентства Ф. Миттерана (1981—1995) и первых лет президентства Ж. Ширака (1995—1997) ².

Избранный президентом, Жискара д'Эстен предпринял усилия по трансформации политического пространства. Одним из направлений его политики стали попытка расширения правительственного большинства и реформа структур «независимых республиканцев», которые должны были стать его безусловной политической опорой. Этому предшествовал ряд серьезных электоральных неудач. В марте 1977 г. «независимые республиканцы» проиграли муниципальные выборы и первые выборы в Париже (на должность первого мэра столицы претендовал друг и соратник Жискара «независимый республиканец» М. д'Орнано). Достаточно зыбким оставалось финансовое положение НФНР. Показателем этого может служить резкое ограничение тиража и практическое исчезновение печатного органа партии «Франс модерн», а также отсутствие партийных консультаций в виде общенациональных съездов. Социально-экономическая поли-

---

Шмелёв Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева.

тика президента и реформы в области либерализации нравов также не всегда поддерживались членами партии.

19 и 20 мая 1977 г. на съезде в Фрежюсе НФНР была преобразована в Республиканскую партию (РП). Вначале ее генеральным секретарем избирался Ж.-П. Суассон, а затем — с апреля 1978 по сентябрь 1982 г. — эти функции исполнял Ж. Блан. Трансформация партии преследовала две главные цели: создать мобильную, четкую, адаптированную к современности партийную структуру через омоложение активистов, руководства партии и приход новых лиц. Новая партия должна была стать инструментом завоевания общественного мнения. В итоге, 12 из 24 руководителей РП не принадлежали к руководству бывшей НФНР; 46% ответственных лиц находились в возрасте менее 40 лет, 21% — в возрасте между 40 и 50 годами. Электорат новой партии все же оставался в значительной мере традиционным: 51% его составляли женщины, 71% объявлял себя верующими и более или менее регулярно посещающими церковь, 33% избирателей проживало в сельской местности, 24% составляли лица свободных профессий и «высшие кадры»³.

Новая партия задумывалась как жестко структурированная национальная организация (административный центр, руководящие органы, национальные съезды), но сохраняющая на местном уровне достаточно широкое поле для маневра. Из названия партии исчезает слово «независимые», которое ассоциировалось с отказом от партийной дисциплины. Но РП сохранила низовые структуры НФНР (предвыборные окружные комитеты, региональные и департаментские федерации). Основные решения официально принимались на съезде партии. Он собирался ежегодно и состоял из генеральных секретарей, руководителей федераций и местных комитетов, депутатов парламента и их заместителей, региональных и генеральных советников, мэров городов с числом жителей более 6 тыс., министров и бывших министров, членов руководства партии. Функцию избрания генерального секретаря партии выполняла Генеральная ассамблея — широкое и во многом аморфное собрание членов партии, созываемое единственно с такой целью. Исполнительные функции были сосредоточены в руках Национального совета во главе с генеральным секретарем. Он собирался не менее трех раз в год и состоял из руководителей федераций, депутатов, сенаторов, представителей мэров крупных городов и так называемых «квалифицированных» лиц. В промежутках между созывами Национального совета представительские функции осуществляло Политическое бюро, состоявшее из депутатов парламента и министров. Кроме того, в партию официально влились различные жискардистские движения — «Социальное и либеральное поколение» (бывшие «Молодые независимые республиканцы»), клубы «Иначе» и «Действовать ради будущего», комитеты в поддержку Жискар д'Эстена⁴.

Из новой структуры явствовало, что процесс принятия решений, по сути, концентрировался в руках депутатов разного уровня и местных нотаблей, что создавало проблему отношений с активистами, но давало простор для быстрых политических маневров и создания парламентских коалиций. Таким образом, Республиканская партия устанавливала новый тип отношений с президентом, отличавшихся одновременно автономией в повседневном управлении и близостью в определении общей политики⁵.

Организационные изменения оформляло принятие новой программы партии — «Республиканского проекта». Программа включала семь глав, посвященных ключевым, по мнению республиканцев, проблемам страны: качеству жизни и условиям труда, предпринимательству, демократии, участию рабочих в жизни предприятия, внешней политике и особенно европейской интеграции, социальной и культурной политике. В либеральной по духу программе отчетливо зву-

чала поддержка жискаровской политики и реформ, критика левых проектов, призыв сделать «правильный выбор для Франции»⁶.

В период с 1977 по 1981 г. Республиканская партия предпринимала усилия по привлечению и концентрированию вокруг себя избирателей, особенно тех, кто во время президентских выборов 1974 г. поддержал кандидатуру Жискара д'Эстена. Частично это удалось сделать за счет создания в феврале 1978 г. либерально-центристской федерации Союза за французскую демократию (СФД), куда на правах автономии интегрировались республиканцы. На парламентских выборах в марте 1978 г. РП сумела закрепить свое влияние, увеличив количество депутатов с 61 до 71 при общем числе депутатов от СФД в 137 человек. Однако нараставшие социально-экономические трудности, падение популярности Жискара д'Эстена и правительства, давление левых нивелировали эти успехи. Президентские и парламентские выборы 1981 г. стали тяжелым ударом для Республиканской партии, лишившейся более половины своих депутатских мандатов и влияния в регионах.

Приход левых сил к власти в мае-июне 1981 г. привел к переоценке политической стратегии и ряда идей со стороны республиканцев. Члены партии, и до этого выражавшие недвусмысленную приверженность либеральным идеям, стали разворачиваться к их радикальным вариантам (к идеям Ф.-А. фон Хайека и работам «Чикагской школы»). Начало «социалистического эксперимента» подстегивало такой поворот, внося элементы острой идеологической полемики. 12 июня 1982 г. состоялся съезд Республиканской партии, на котором обсуждалась и была одобрена новая идеологическая и политическая стратегия, в том числе по освобождению от «наследия» жискаровского президентства⁷. В сентябре 1982 г. на национальном совете партии генеральным секретарем вместо Ж. Блана был избран мэръ Фрежюса Франсуа Леотар, выдвинувший идею обновления команды и идей.

Важным моментом стало изменение устава партии. Речь шла о более четком определении функций съезда и механизмов избрания его делегатов (теперь 60% его состава избиралось рядовыми членами партии), регулярности его созывов (дважды в год). Генеральная ассамблея упразднялась, а ее функции переходили Национальному совету, который выбирал председателя партии и ее генерального секретаря. В иерархию структуры был добавлен руководящий комитет, который включал членов политического бюро (30 чел.), бывших генеральных секретарей и председателей партии, 30 активистов, руководителей парламентских групп, 10 сенаторов, 10 европейских депутатов и 30 председателей департаментских федераций (всего 120 человек). Численность партии в тот период оценивалась в 142 тыс. членов⁸.

К ноябрю 1984 г. было завершено омоложение руководящих инстанций партии. В рядах руководства теперь доминировали представители молодого поколения республиканцев; Ф. Леотар, А. Мадлен, Э. де Шарет, Ш. Мийон, Ж. Лонге, Ж.-П. Раффарен и др., тогда как «старая гвардия» (М. Понятовский, Ж. Блан, М. д'Орнано, Р. Шино), включая самого Жискара д'Эстена, оказалась потесненной и утрачивала бывшее влияние (хотя Жискара номинально был председателем партии)⁹. Начал выходить новый многостраничный партийный печатный орган «Журналь де републикэн».

В период «социалистического эксперимента» республиканцы активно участвовали в основных политических дискуссиях, критикуя действия левых. Однако их оппозиция, непримиримая в идеологическом плане, становилась конструктивной, когда речь заходила о практических мерах, призванных улучшить функционирование государственных и общественных институтов. Например, в апреле 1983 г. республиканцы в целом поддержали правительственный проект децентрализации¹⁰. На сотрудничество с разными ветвями власти была направ-

лена и муниципальная программа партии — «Манифест для республиканских коммун». Фиксировались пять основных целей: обеспечение занятости, поддержание безопасности граждан, обустройство городских территорий, содействие культурному и спортивному развитию, расширение солидарности между людьми разных возрастов¹¹. Как следствие, республиканцам удалось улучшить свое локальное влияние. В ходе кантональных выборов в марте 1985 г. от Республиканской партии было избрано 437 генеральных советников¹².

Приближение очередных парламентских выборов оживило среди республиканцев дискуссии о политической стратегии. Они разворачивались под влиянием двух факторов: возникновения и роста среди правой оппозиции так называемого «барристского движения», возглавляемого бывшим жискаровским премьер-министром Барром и вовлекшим в свои ряды многих республиканцев, и дискуссий о возможном сосуществовании левого президента и правого большинства в парламенте. В последнем случае рассматривались следующие варианты стратегии: опыт конструктивного сосуществования (д'Орнано) или сознательное обострение ситуации, выдвижение жестких условий, предполагавших полную свободу рук правительства в управлении страной, и отставка Миттерана (Мадлен)¹³. Генеральный секретарь партии Леотар был вынужден лавировать между союзническими отношениями с голлистами и негласной поддержкой Барра (выступившего против сосуществования)¹⁴. Кроме того, республиканцы не могли прийти к единому мнению относительно сосуществования. 17 апреля 1985 г. Республиканская партия опубликовала два противоречивых заявления. Одно исходило от ее политического бюро и выражало мнение, что ответственность оппозиции состоит в том, чтобы «до выборов объявить условия и способы осуществления власти в случае чередования». Другое исходило от сторонников Барра среди республиканцев (Мийона, Клемана и Ф. д'Обера), которые утверждали, что «не Раймон Барр рискует разочаровать оппозицию в ее победе в 1986 году, а сосуществование»¹⁵.

Тем не менее, во время переговоров о подписании совместной программы правой оппозиции Республиканская партия сыграла большую роль. По словам Мадлена, именно республиканцы добились расширения рамок денационализации, гарантии независимости средств массовой информации от государства, формулирования принципов закона о конкуренции, дополняющего свободу цен и распространяющегося на деятельность государства, гарантии свободы частного образования¹⁶.

Итогом парламентских выборов в марте 1986 г. стала победа правой оппозиции и увеличение числа депутатов от РП. В Национальном собрании она получила 59 мест. Одновременно по итогам региональных выборов республиканцы возглавили шесть регионов (Жискара д'Эстен, Ж.-К. Годен, Блан, Р. Гаррек, М. Люкот и М. Дуссе). В апреле 1986 г. Леотар, Мадлен и А. Жиро стали министрами в правительстве Ж. Ширака¹⁷.

Период с 1986 по 1988 г. в жизни Республиканской партии был отмечен рядом важных событий. Во-первых, республиканцы активно поддержали либеральный поворот в социально-экономической политике Франции, являясь инициаторами реформ в области промышленности и телекоммуникаций (речь преимущественно шла о приватизации и отмене регулирования). Во-вторых, Леотару удалось сохранить руководство партией (он был переизбран генеральным секретарем), а также ввести новые должности генерального делегата (им стал Мадлен) и шести национальных секретарей. Этим удалось окончательно вытеснить из реального руководства партией сторонников и союзников Жискара д'Эстена. В-третьих, активизировалась идеологическая работа партии. Доказательством служит создание в ноябре 1986 г. серии партийных комиссий: по иностранным делам, по социальной деятельности и здравоохранению, по сель-

скому хозяйству, по делам местных коллективов, по культуре, по вопросам обороны, по правам человека, по экономике и занятости, по образованию, по проблемам предприятий, по безопасности и правосудию, по спорту и др. Поощрялось расширение участия республиканцев в общеевропейских либеральных собраниях и форумах, вступление в «Либеральный интернационал»¹⁸. Благодаря этим мероприятиям удалось создать положительный образ партии, увеличить число ее активистов и расширить сеть местных изданий.

В этот период республиканцы стремились выстроить равноправные отношения с голлистами, добиться доминирования в рядах СФД, исключали альянсы с социалистами и Национальным фронтом Ж.-М. Ле Пена¹⁹. Апофеозом их наступательной стратегии стало намерение Леотара выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих в мае 1988 г. президентских выборах. В ответ Ширак обвинил его в нарушении министерской солидарности и предложил сделать выбор между постом министра и активностью кандидата на президентские выборы. После долгих размышлений 6 июня Леотар объявил о своем желании остаться в правительстве. «Я являюсь генеральным секретарем политической партии, я им остаюсь, — заявил он. — Я являюсь министром правительства, я им остаюсь. У меня есть свобода слова, я ее сохраняю и буду использовать для успеха правительства, победы большинства и помощи французам»²⁰. Возможно, именно тогда Леотар сделал выбор в пользу единого кандидата СФД, коим должен был стать Барр. 13 января 1988 г. национальный совет Республиканской партии 93,92% голосов одобрил его кандидатуру²¹. Начиная с февраля 1988 г. Республиканская партия бросила все силы для победы Барра на президентских выборах. Ее периодическое издание «Журнал де републикэн» выходило под лозунгом «РП с Барром!»²².

Однако ставка на Барра не оправдалась. Его поражение уже в первом туре президентских выборов 1988 г. стало тяжелым ударом по моральному духу республиканцев. Последовавший вслед за победой Миттерана досрочный роспуск парламента вновь вынудил РП участвовать в предвыборной борьбе. Их положение осложнилось вследствие растущей дезинтеграции СФД, создания социальными демократами автономной центристской фракции в парламенте и распадом «барристского» движения.

В этот момент республиканцы активно выступали за сохранение единства СФД и правой оппозиции, критикуя автономистские демарши социальных демократов²³. Республиканцы поддержали кандидатуру Жискара д'Эстена на пост председателя СФД. Одновременно они все больше вовлекались в движение обновления (*rénovation*), охватившее ряды правой оппозиции. В руководстве партии также происходили изменения. В ноябре 1988 г. состоялся национальный совет Республиканской партии. Леотар был избран председателем РП (вместо Жискара, ставшего председателем СФД), генеральным секретарем стал Мадлен, генеральным делегатом Лонге. На этом же совете Ф. Леотар предложил реформировать партийные структуры: ввести новую систему внутрипартийных выборов политического бюро через список, ведомый претендентом на кресло председателя. Избрание политического бюро предполагалось по спискам в один тур с правом блокирования списков. Очевидно, что эта процедура была призвана оттеснить бывших «барристов» с первых ролей в партии²⁴.

В рядах Республиканской партии Леотар, Мадлен и Лонге подвергли жесткой критике сторонников обновления в лице д'Обера и Мийона²⁵. Под их нажимом руководство республиканцев одобрило выдвижение единого списка на предстоящих в июне 1989 г. европейских выборах во главе с Валери Жискаром д'Эстеном²⁶. Однако дискуссии по обновлению не прошли бесследно для республиканцев. Несмотря на расплывчатую позицию председателя РП Леотара, большинство членов партии признавало необходимость реорганизации оппози-

ции. Руководство РП приняло посильное участие в создании «ассоциации обновленцев», которую возглавили М. Нуар, Ф. Сеген, Б. Боссон и Мийон. Эта надпартийная ассоциация должна была объединить кадры нового движения, симпатизирующих ему, а на завершающем этапе различные партии оппозиции, в том числе и РП. Леотар потерпел поражение на выборах нового председателя парламентской фракции СФД, которым в сентябре 1989 г. был избран Мийон, один из инициаторов обновления. Данное обстоятельство добавило к уже имевшим место стратегическим разногласиям личный конфликт.

Колебания республиканцев относительно возможной политической стратегии продолжались в течение 1989—1990 годов. С одной стороны, Леотар поддержал идею создания «единой силы» оппозиции, вылившейся в новую совместную платформу ОНР и СФД. С другой, РП так и не определила с предельной ясностью свое отношение к СФД и к обновлению.

24 ноября 1990 г. состоялся национальный совет РП, в ходе которого прошли выборы нового руководства партии. Вопреки своим первоначальным намерениям Леотар отказался от переизбрания на пост председателя партии (уход не был лишен политического подтекста и давал ему свободу выражения, не скованную партийными рамками). Лонге был избран председателем партии, Мадлен — вице-председателем, П. Клеман, Ж. де Робьен, Димельо — генеральными делегатами. Был расширен состав политического бюро партии, в который помимо 22 членов, входивших «по праву», национальным советом было избрано еще 34 ²⁷.

После отставки М. Рокара с поста премьер-министра республиканцы усилили критику правительственной политики. Период с 1981 по 1991 гг. они называли «потерянным десятилетием», призывали отказаться от принципа «ни национализации, ни приватизации», критиковали «возврат к дирижистской и волюнтаристской политике» ²⁸. В то же время республиканцы предприняли отдельные усилия по улучшению ситуации в различных сферах жизни. Примером может служить инициатива Мийона в регионе Рона-Альпы в сфере образования. Мийон использовал закон о децентрализации и поставил целью «добиться широкой автономии школьных учреждений, установить систему профессиональной ориентации, развивать профильное образование, реализовать программу оснащения преподавательских кабинетов, выплачивать дополнительное вознаграждение преподавателям» и т.д. Причем эти инициативы были впервые вынесены на местный референдум ²⁹.

Во время обострения дискуссий по проблемам иммиграции и публикации статьи Жискара д'Эстена в журнале «Фигаро-магазин» ³⁰ Мадлен отмечал: «Иммиграция изменила природу. С тех пор все иностранцы во Франции сегодня и завтра не имеют предназначения автоматически стать французами. Предложения Жискара равносильны тому, что французами рождаются, если имеют отца или мать французского происхождения, что всегда называлось правом крови. Жискара добавляет, что дети иностранцев смогут автоматически стать французами, если их родители обосновались во Франции достаточно давно (не менее десяти лет назад). В остальном, получение французского гражданства должно отвечать акту желания, признаку желания интеграции. Оно не должно быть распределяемо, оно должно быть требуемо». Однако в рядах республиканцев получила преобладание в целом негативная тенденция восприятия предложений Жискара. Председатель РП Лонге предпочел вообще дистанцироваться от жискаровских рассуждений, а Леотар назвал их «расизмом» ³¹.

В январе 1992 г. на национальном совете партии, посвященном предстоящим кантональным и региональным выборам, республиканцы определили принципы своей электоральной стратегии и предложения для регионов. Они хотели окончательно свести государство к его первоначальным миссиям — правосу-

дию, поддержанию порядка, контролю над исполнением и соблюдением законов и глобальным проблемам образования, экономического развития, защиты окружающей среды, транспорта и долгосрочного национального прогноза. В других случаях государство должно предоставить возможность действовать местным коллективам, например, в том, что касается культурной деятельности, охраны достояния, поддержки предприятий, образования, локальной инфраструктуры³². Итоги региональных и кантональных выборов для РП выглядели следующим образом. Партия провела 161 регионального депутат из общего числа в 308 для СФД. Республиканцы возглавили 8 регионов³³.

С весны 1992 г. члены партии вступили в дискуссию по Маастрихтским соглашениям. «Ставка — это европейское строительство, — писал «Журнал де републикэн». — Франция стоит у истоков европейского строительства. Сказать “нет” означало бы отрицать все то, что делалось в течение более тридцати лет. В особенности это означало бы поставить под вопрос связи с Германией... Это означало бы огромный кризис в тот момент, когда европейский континент опасно раскачивается. Зато вообразим тайное удовлетворение в Вашингтоне. В тот момент, когда Соединенные Штаты мечтают о себе как о единственной сверхдержаве, их единственный последовательный “соперник”, Европейский союз, гложет на автостраде, делает резкий поворот и попадает в аварию»³⁴. Но референдум по Маастрихтским соглашениям внес определенный раскол в ряды республиканцев. Часть их высказалась в пользу положительного ответа, другие призвали ответить «нет»³⁵.

В преддверии парламентских выборов 1993 г. республиканцы акцентировали свои программные положения, касающиеся решения социально-экономических проблем французского общества, что позволило им привлечь дополнительные голоса избирателей³⁶. Партия сумела завоевать 109 мест в Национальном собрании (вместо 59 в прежней легислатуре), что дало повод республиканцам говорить о «национальном укоренении». Они поддержали кандидатуру голлиста Э. Балладюра на пост премьер-министра. В новое правительство вошло пять министров от РП³⁷.

Однако новый период сосуществования, несмотря на крайне благоприятное положение республиканцев, обернулся рядом драматичных моментов. Речь идет о серии коррупционных скандалов из-за сделок с недвижимостью, в которых оказались замешанными председатель партии Лонге и ее казначей Ж.-П. Тома. Расследование стало тяжелым ударом для политических амбиций РП и скорректировало ее стратегию, нацеленную на завоевание председательства в СФД и определение позиции по кандидатуре на президентских выборах 1995 года. На национальном совете РП 28 января 1995 г. была высказана почти единодушная поддержка кандидатуры Балладюра, тогда как намерения Мийона самому выдвинуться в президенты были заблокированы³⁸. Несмотря на официальную поддержку Балладюра, 8 марта 1995 г. Мийон вслед за Мадленом и Ф. Вассёром объявил о своем намерении поддержать Ширака, что внесло элемент раскола в руководстве и среди активистов партии.

Во время избирательной кампании ставка республиканцев и СФД на Балладюра, как ранее в случае с Барром, не оправдалась. Балладюр потерпел поражение в первом туре, и основная борьба шла между голлистом Шираком и социалистом Л. Жоспеном. Во втором туре выборов республиканцы поддержали Ширака, который и одержал победу.

Итоги президентских выборов 1995 г. создали иллюзию укрепления влияния РП в политической жизни страны. Шесть ее представителей вошли в правительство А. Жюппе в качестве министров. Кроме того, республиканцы сохранили пост председателя парламентской фракции СФД. Его после ухода в

правительство Мийона занял де Робьен. Но дальнейшие события показали, что партию раздирали внутренние противоречия.

27 июня 1995 г. Лонге заявил об отставке с поста председателя РП. Леотар выдвинул свою кандидатуру. Он упомянул при этом об «активной, лояльной и изобретательной» поддержке республиканцами правительственной политики и налаживание сотрудничества между составляющими СФД, что выразилось в переходе к коллегиальному руководству³⁹. 30 июня 1995 г. Леотар с 94% голосов был избран председателем Республиканской партии. Однако возвращение Леотара в большую политику привело к первому серьезному расколу среди республиканцев. Леотар не скрывал амбиций занять пост руководителя СФД, рассматривал председательство в РП как трамплин для этого. В августе 1995 г. Мийон и шесть депутатов-республиканцев покинули партию и напрямую вступили в СФД.

Это «диссидентство» имело следствием ряд решительных усилий, предпринятых Леотаром по новому обновлению рядов партии. Среди них — уход из партии Жискара д'Эстена и приход в руководство нового поколения политиков в лице Клемана (он стал генеральным секретарем партии), а также расширение состава политического бюро, в котором «бароны» республиканизма были растворены в массе избираемых активистов⁴⁰. В декабре 1995 г. новое руководство партии организовало энергичную кампанию среди своих членов, подготавливая новый этап обновления. Среди активистов был проведен опрос, который выявил следующие результаты. 82% членов партии считали необходимым ее обновление, из них 19% выступали за «новый республиканский проект», 16% — за свободные дискуссии, 14% — за новый способ выборов партийных инстанций и за внутреннюю демократию. 91% членов по-прежнему считали РП либеральной партией, 92% — европейской, 26% — консервативной. 68% высказывались за сохранение союза РП с ОНР, 87% — за сохранение предвыборных союзов с другими партиями СФД⁴¹.

Через год стратегия Леотара увенчалась успехом. 31 марта 1996 г. на заседании Национального совета СФД он был избран председателем СФД, получив при голосовании 57,42% голосов и опередив уже в первом туре других кандидатов — Мадлена и Россино. Но его успех оказался кратковременным и имел необратимые последствия для республиканцев, вызвав второй, роковой для партии раскол. В течение 1997—1998 гг. Леотар стремительно утрачивал завоеванные позиции. Летом 1997 г. под влиянием скандала в связи со смертью депутата СФД Я. Пиат и публикацией журналистского расследования⁴² он был смещен со своего поста. Председателем партии был избран Мадлен. 24 июня 1997 г. во время внеочередного национального конвента, посвященного вопросу расширения партии, Республиканская партия по инициативе Мадлена была преобразована в новую структуру — «Либеральную демократию». В мае 1998 г. она вышла из состава СФД. На этом завершилась двадцатилетняя история Республиканской партии. «Либеральная демократия» стала преемницей прежней политической традиции, в свою очередь, растворившись в более аморфном и широком пропрезидентском Союзе за новое большинство в начале 2000-х годов.

Примечания

1. ЧЕРНЕГА В.Н. Республиканская партия в политической жизни Франции (1962—1981). М. 1982; COLLIARD J.-Cl. Les républicains indépendants. Valéry Giscard d'Estaing. P. 1971.
2. История Республиканской партии обычно представлялась в контексте истории Союза за французскую демократию (СФД) — крупной либерально-центристской

федерации, влиятельным членом которой она была с 1978 года. См.: МОИСЕ-ЕВ Г.Ч. Союз за французскую демократию в политической жизни Франции (1978—1988 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 1994.

3. YSMAL C. Les partis politiques sous la Ve République. P. 1989, p. 100—101.
4. EJUSD. Le difficile chemin du Parti Républicain. — *Projet*. 1977, septembre-octobre, № 118, p. 945—952.
5. BERNARD M. Les relations entre Valéry Giscard d'Estaing et la majorité (1974—1978), In: *Les années Giscard. Instituts et pratiques politiques, 1974—1978*. P. 2003, p. 204.
6. *Le projet républicain: Programme du Parti Républicain*. P. 1978.
7. UDF 1, № 623, 15.VI.1982.
8. BORELLA F. Les partis politiques dans la France d'aujourd'hui. P. 1990, p. 121—122.
9. *Journal des républicains*. 1984, novembre-décembre, № 1, p. 5.
10. UDF 1, № 758, 14.IV.1983.
11. *Ibid.*, № 683, 19.XI.1982.
12. *Journal des républicains*. 1985, mars-avril, № 3, p. 4—6.
13. *Ibid.*, janvier-février, № 2, p. 15—16.
14. *L'Année politique, économique et sociale en France*. 1985, p. 46.
15. *Ibid.*, p. 40.
16. *Journal des républicains*. 1986, février-mars, № 7, p. 8.
17. *Ibid.*, avril-mai, № 8, p. 6—7, 10.
18. *Pour la France faire équipe. Parti républicain: Conseil National, 15 novembre 1986, Paris*. P. 1986.
19. *Journal des républicains*. 17.II.1987, № 14, p. 2.
20. *L'Année politique, économique et sociale en France*. 1987, p. 47.
21. *Journal des républicains*. 14.I.1988, № 22, p. 10.
22. *Ibid.* 25.II.1988, № 23.
23. *Ibid.* 27.VI.1988, № 27; *Le Monde*. 15.VI.1988.
24. *Le Monde*. 21.X.1988; *Journal des républicains*. 21.XI.1988, № 29, p. 1—2.
25. *Le Figaro*. 12IV.1989.
26. *Ibid.* 7. IV.1989.
27. *Journal des républicains*. 1990, novembre, № 44, p. 5.
28. *Ibid.* 1991, mars, № 46; 1991, avril, № 47; 1991, juin, № 48.
29. *Ibid.* 1991, juillet-août, № 49, p. 3.
30. GISCARD D'ESTAING V. Immigration ou invasion? — *Figaro-magazine*. 21. IX.1991.
31. *Le Monde*. 26. IX.1991; *Le Figaro*. 30.IX.1991.
32. *Journal des républicains*. 1992, janvier, № 52, p. 6—7.
33. *Ibid.* 1992, avril, № 53, p. 8.
34. *Ibid.* 1992, juin, № 54, p. 2.
35. *Ibid.* 1992, octobre, № 55, p. 3.
36. 50 propositions du Parti Républicain. — *Journal des républicains*. 1992, décembre, № 57, p. 5—6.
37. *Ibid.* 1993, mars-avril, № 59.
38. *Ibid.* 1995, février, № 71, p. 1—3.
39. *Ibid.* 1995, juin, № 72.
40. *Ibid.* 1995, novembre, № 73.
41. *Ibid.* 1995, décembre, № 74.
42. LÉOTARD F. *Pour l'honneur*. P. 1997.

Католический миссионер Юрий Крижанич

П.М. Атлагич, М.Д. Элезович

В XIV и XV вв. огромное количество сербов проживало на территории сегодняшних Хорватии и Боснии и Герцеговины. Габсбургская монархия в XVI в. создала Военную Краину для включения сербов в свою систему обороны. Далматинский тыл (Венецианская крайна) была населена исключительно сербами (влахи, морлахи) ¹.

В то время число римских католиков на этой территории было весьма ограниченным. Об этом свидетельствует Д.Х. Бартенштейн ². Сербь Западных Балкан, представлявшие основное население тех краев, находились под постоянным религиозным давлением со стороны римско-католических миссионеров, которые стремились обратить их в католическую веру. Ватикан желал осуществить «духовную жатву восточного поля православных».

Римско-католическим пропагандистом был францисканец Рафаэль Левакович (1579—1649), основатель славянского «богослужения» в соответствии с римской миссионерской концепцией, то есть униацией православных ³. Левакович в течение всей своей жизни был членом конгрегации по пропаганде веры ⁴. Он боролся против введения кириллицы в «богослужение», но не мог противостоять созданию русско-славянской редакции старославянского языка со стороны украинских униатов. Его деятельность продолжил Юрий Крижанич.

Корни семьи Крижанич берут свое начало из области Сербской Краины в Хорватии, из жупы (округа) Неблук у верховья реки Уна рядом с Репацем. В 1224 г. Крижаничи получили дворянский титул и герб от венгерского короля Бельи IV. Юрий (его отец носил имя Гашпар) был рожден в селе Липник округа Озаль в Горне Покупле. Одна из ветвей этой семьи позже переселилась в Бихач. Запись о ней появилась в источниках в начале XVI века. После перехода Яйце (община в современной Боснии и Герцеговине) под власть турок в 1528 г. Крижаничи переселились на постоянное место жительства в Горне Покупле, где они приобрели несколько поместий.

Юрий Крижанич использовал многочисленные псевдонимы: Георгиус Крижанич (Georgius Krizanic), Грисаниус Крижанич (Grisanius Krizanic), Джорджио Крисанио (Giorgie Crisano), Юрко Серблянин, Юрий Иванов Серблянин и другие ⁵. Славист П.А. Бессонов называет Крижанича «сербом (хорватом)» ⁶.

Атлагич П. Марко — профессор; *Элезович М. Далибор* — доцент. Приштинский университет.

Хорватский историк Векослав Клаич именует Крижанича Джуро. В Москве в 1659 г. Крижанич представлялся сыном сербского торговца из Бихача и использовал псевдоним Серблянин (Сербенин). Михаил В. Вуич определяет национальность Крижанича как серб-католик ⁷. Сербский историк Никола Радойчич называет его Ерко Крижанич-Серблянин ⁸. Ярослав Шидак тенденциозно отрицает любой намек на сербское происхождение Крижанича, подчеркивая, что в Записях актов гражданского состояния он указан как «Croata Obarhiensis» и что своим родным языком считал хорватский ⁹.

Интересным является тот факт, что Шидак не указывает место расположения архива, содержащего этот документ, что обязан был сделать, поскольку упоминание хорватского имени в то время было настоящей редкостью. Шидак, как и многие другие хорватские историки литературы, родной славянский или сербский язык Крижанича переводит просто как «хорватский». Шидак отрицает в своих текстах какую-либо связь Крижанича с Сербией и поэтому считает, что тот назывался сербом в тактических и конспиративных целях. Подтвердить документально тот факт, что Крижанич являлся хорватом, было невозможно, поэтому позже появилась версия, что он имел польское происхождение ¹⁰.

Крижанич окончил иезуитскую гимназию в Загребе, затем изучал философию в университете в Граце, где и получил степень магистра. Позже он продолжил образование, на этот раз, изучая теологию в Болонье и Риме, а по окончании защитил докторскую диссертацию в «Collegium graecum» в 1642 году.

Тот факт, что Крижанич защитил докторскую диссертацию в этом ватиканском «греческом коллегиуме», говорит о нем, как о православном сербе, поскольку данное учебное заведение было предназначено исключительно для представителей православной церкви. Хотя и этот факт Шидак использовал для своего «всехорватского» способа интерпретации, пытаясь языковыми конструкциями исключить любую мысль о сербских корнях Крижанича.

Отъезд Юрия в упомянутый коллегиум последовал в ответ на его запрос, а целью обучения являлась подготовка к миссионерской работе в России ¹¹. Важно отметить, что Крижанич являлся членом иллирийского общества Св. Иеронима в Риме, и в этом качестве оспорил право славян на участие в обществах Св. Иеронима. Этим поступком Крижанич отверг славянскую национальность. В одном из текстов Шидак упрекнул Крижанича в том, что тот не проводил богослужений в «православной среде жумберских ускоков» (сербские герильи, которые боролись с властью турок), хотя он мог и здесь готовиться к своему миссионерскому пути ¹². Крижанич не был напрямую включен в униацию сербов. Этим занимался другой католический миссионер, его современник — Франческо де Леонардис, главный активист католической пропаганды в Сербии. Давление римско-католической церкви на православных сербов с целью принятия ими унии в те времена было сильно выраженным. Оно оказывалось и на сербского патриарха Гаврила (1648—1655), а папа Иннокентий X (1644—1655) ожидал, что православные признают решение собора во Флоренции ¹³.

За время своего обучения теологии в Риме Крижанич подружился с Рафаэлем Леваковичем (создателем хорватского иллиризма и унии), который стал его духовным отцом. Крижанич получил от Святого Престола очень амбициозное задание — готовиться к миссионерской работе в России. Свое намерение он выразил в Промемории, отправленной в конгрегацию по пропаганде веры. В ней успех проекта унии с Русской церковью он связывал с тем, что своей литературной работой он добьется уважения в России. Крижанич в то время возглавлял разработку славянской грамматики. С целью приобщения славянских народов к идее Римской церкви Ватикан предпринимал различные меры и, в том числе, работал над созданием совместного литературного языка, как на Балканах (введением штокавского наречия), так и на русском православном Востоке.

Основная мысль Юрия Крижанича заключалась в идее славянства как этнической и языковой целостности и церковной унии как инструмента его культурного и духовного единства. Свои замыслы он решил воплотить в жизнь в России, поскольку Россия в то время была единственным славянским государством, которое смогло сохранить свободу.

В 1646 г. конгрегация по пропаганде веры распределила Крижанича в Смоленск, входивший тогда в состав Польши, а позже обозначила ему Россию как основное место миссионерской деятельности. Уже в 1647 г. он приехал в Москву, где задержался на два месяца, затем вернулся в Польшу, а в 1652 г. приехал в Рим и был принят в иллирийское общество Св. Иеронима. Из Рима в 1658 г. он снова поехал в Россию. Крижанич скрыл настоящую цель своей поездки, которая заключалась в унии русских. В Москве 27 ноября 1659 г. он обратился к русскому царю с «сербским письмом», в котором описал план своей работы в качестве историка-летописца. Крижанич был принят на царскую службу и сразу же начал активно писать о реформе русской кириллицы, после чего хотел заняться разработкой русской грамматики.

Кукулевич попытался опровергнуть тот факт, что Крижанич прибыл в Россию исключительно как посланник тайной руки Ватикана для осуществления проекта церковной унии, считая, что тот хотел реализовать идеи, вдохновлявшие его еще со времен молодости¹⁴.

В. Ягич пришел к заключению, что Крижанич жаждал примирения славянского мира, «... а в особенности его самого нового представителя — Русского царства — с Римом». Он оценивал панславизм Крижанича не как религиозный или политический, а как этнографический и культурный¹⁵. Необходимо напомнить, что многие писатели и историки в активности Крижанича на Востоке, в первую очередь, видели миссионерскую деятельность, направленную на приведение православных к Риму. Никола Радойчич пишет, что во времена Крижанича «воздух в Риме был пропитан идеей унии»¹⁶. По мнению Миличевича, религиозное объединение всех славян с Римом являлось самой главной идеей и мечтой Крижанича¹⁷.

Некоторые историки, к примеру Васо Богданов и Виктор Новак, видели в Крижаниче передового мыслителя и гуманиста. Богданов стремился сфокусироваться на религиозном моменте, в то время как политическую идею Крижанича свел к гипотезе об объединении славян в «самостоятельное независимое государство». Богданов утверждал, что Крижанич успел преодолеть свою классовую «дворянскую ограниченность»¹⁸. Спустя всего лишь год службы у русского царя, Крижанич из-за одного своего неосторожного слова в январе 1661 г. был отправлен в ссылку в Сибирь. Очевидно, это был предлог. Настоящая причина навсегда осталась тайной, но, скорее всего, русские власти открыли, что Крижанич был ватиканским миссионером, и потому отправили его в Сибирь для охлаждения его жарких мечтаний об униатской миссии, против которой Россия защитилась в войне с Польшей. Только после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. Крижанич был освобожден. После этого некоторое время он жил в Москве и сумел перебраться из России в Польшу лишь в 1678 году¹⁹.

По прибытии в Польшу Юрий вступил в доминиканский орден. Возвращение в Рим ему было запрещено. Он поступил на службу в войско польского короля Яна Собеского, отправился в Вену, где, сражаясь против турок, и в 1683 г. погиб²⁰. Для «своего народа» Крижанич оставался неизвестным вплоть до 1869 г., когда Иван Кукулевич Сакцинский, как это подчеркивает Ярослав Шидак²¹, «снова вернул его Отчизне».

Деятельность Юрия Крижанича не имела никаких долгосрочных результатов. Неизвестной личности в России хорватская историография спустя 150 лет после его смерти незаслуженно придала слишком большое значение.

Примечания

1. POHL W., VOCELKA K. Die Habsburgereine eurpäische Familiengeschichte. Graz. 1996, S. 54.
2. BARTEŠTAJN J.H. O gasejanom ilirsko rascijanskom narodu. Beograd-Valjevo. 1995, с. 54.
3. ГАВРИЛОВИЋ · С. Из историје Срба у Хрватској, Славонији и Угарској (15—19 век). Београд. 1995, с. 31.
4. Конгрегацију по доктрине вере основао папа Павел III в 1542 году. WEISS J.D. Katholische Reform und Gegenreformation: Ein überblick. Darmstadt. 2005, S. 13.
5. БАДАЛИЧ И. Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Посошкова. Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIX. М. 1963, с. 391—403; JAGIĆ V. Zur Biographie G. Križanić's, Archiv für slavische Philologie, VI, 1882, S. 119—121; НЕДЕЉКОВИЋ · Д. Филозоф Јурај Крижанић · , Летопис Матице српске, бр. 401, 1968, с. 43—58.
6. БЕССОНОВ П.А. Католический священник серб (хорват) Ю. Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. — Православное обозрение. 1870, № II, с. 6—7.
7. ВУЈИЋ · М.В. Крижанићева политика. Београд. 1895, с. 92.
8. РАДОЈЧИЋ · Н. Јерко Крижанић-Сербљаанин, Друштвени живот. Београд. 1920, с. 46—54.
9. ŠIDAK J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb. 1981, с. 93.
10. Ibid., с. 138.
11. Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb. 1962, с. 416.
12. ŠIDAK J. Op. cit., с. 88—89.
13. САМАРЦИЋ Р. Српска православна црква у XVI и XVII веку. In: Историја српског народа. Београд. 1993, с. 83—87.
14. ŠIDAK J. Op. cit., с. 88—89.
15. Ibid., с. 99.
16. РАДОЈЧИЋ · Н. Op. cit., с. 46—54.
17. МИЛИЧЕВИЋ · И. Јагићево Живот Јурја Крижанића. Загреб. 1919.
18. ШКЕРОВИЋ · Н. Ђуро Крижанић. Београд. 1936.
19. БАДАЛИЋ Ј. Јурај Крижанић · — пјесник Илирије. Загреб. 1958, с. 5—23.
20. Енциклопедија Југославије, с. 418.
21. ŠIDAK J. Op. cit., с. 132.

Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула. Аквариус. 2014. 960 с., илл.

В связи со 100-летием начала первой мировой войны сотрудники Историко-дипломатического департамента МИД РФ подготовили публикацию документов о деятельности российских дипломатов в 1914—1917 гг., которая недавно увидела свет.

Как известно, первые отечественные издания дипломатических материалов, посвященные событиям, произошедшим накануне войны, были осуществлены уже в 1914 году. Это — так называемые «Оранжевые книги»: «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне» (Пг. 1914) и «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией» (Пг. 1914). Подборки дипломатических документов в 1914—1915 гг. опубликовали также правительства других государств, вступивших в войну. Такие издания внешнеполитических ведомств в каждой стране выходили под обложкой определенного цвета, и поэтому получили в литературе наименование «цветные книги».

При помощи специального подбора документов все правительства стремились снять с себя ответственность за возникновение войны в глазах общественного мнения. Отдельные документы российского дипломатического ведомства публиковались в 1914—1917 гг. в бюллетене «Известия МИД». Для пропаган-

ды своей позиции российский МИД позаботился о том, чтобы отечественные публикации стали известны в других государствах. Так, «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне» кроме издания на русском языке тиражом 35 тыс. экземпляров был переведен и распространен во Франции, Голландии, Дании, Швейцарии и САСШ. Интересно отметить, что если во Франции издательские расходы и распространение книги взяла на себя частная фирма, то в Англии опубликованные российским МИД дипломатические документы были включены в официальную «Синюю книгу» (док. 70).

Кроме того, в 1915 г. в Петрограде переиздали в переводе на русский язык германскую «Белую книгу». Она была напечатана под названием «Книга лжи. Германская белая книга о возникновении германо-русско-французской войны. По представленным рейхстагу материалам. Полный перевод». В предисловии «От издателя» специально оговаривалось, что единственным отступлением от оригинала было добавление «умышленно пропущенной в нем германским правительством» телеграммы Николая II Вильгельму II с предложением «передать австро-сербский вопрос на гаагскую конференцию», а также начальных строк ответной телеграммы кайзера, доказывающих, что он получил послание царя. Эти дополне-

ния дезавуировали ключевой тезис Берлина о том, что он приложил максимум усилий исчерпать конфликт мирными средствами.

Широкомасштабная работа по публикации материалов из архивов бывшего царского МИД развернулась после Октября 1917 г., когда увидели свет первые сборники документов¹. Соответствующие тематические подборки печатались в журнале «Красный архив» и в подготовленных советским внешнеполитическим ведомством сборниках.

Специально периоду первой мировой войны посвящены десять томов фундаментального издания «Международные отношения в эпоху империализма» (МОЭИ)². По справедливой оценке американского историка К. Дж. Смита, советское правительство «щедрой рукой» обнародовало огромный массив документов царского МИД. При этом он отметил, что объективная картина политики союзных держав не может быть воссоздана до тех пор, пока англичане и французы не откроют свои архивы³.

Из 252 документов рецензируемого сборника 185 публикуются впервые. Книга адресована сегодняшнему читателю, стремящемуся почувствовать ту атмосферу, в которой совершались исторические события, понять, как воспринимали их жившие тогда люди, разобраться в мотивах их поступков.

В издание включен комплекс секретных соглашений о целях войны, заключенных царским правительством. Эти документы публиковались ранее, но их воспроизведение в данный сборник оправдано, поскольку вводит читателя в исторический контекст международных отношений периода первой мировой войны.

Органично дополняет эту подборку документ под номером 1, озаглавленный «Дневник МИД». Он содержит «поденные записи» с 3 (16) июля 1914 г. по 27 сентября (10 октября) 1916 г., сделанные в основном директором Канцелярии министра иностранных дел М. Ф. Шиллингом. Частично «Дневник» публиковался в журнале «Красный архив» и в МОЭИ (Т. IV—X). Поскольку Шиллинг вел записи на отдельных листах, составители сборника обнаружили прежде неизвестные фрагменты текста, оказавшиеся в разных архивных фондах при формировании в 1940-е гг. единиц хранения из россыпи. Таким образом, этот важный документ впервые опубликован полностью.

По-видимому, Шиллинг делал записи по собственной инициативе, поскольку его приемник «Дневник» не вел. Благодаря близости к министру С. Д. Сазонову, Шиллинг узнавал о его разговорах с царем, с представителями дипломатического корпуса, с сотрудниками министерства. Стоит подчеркнуть, что осведомленный чиновник не только зафиксировал те события, свидетелем которых он являлся. В некоторых случаях содержание документа позволяет проследить процесс выработки межгосударственных соглашений, в которых кристаллизовались достигнутые дипломатические договоренности.

Так, тексты секретных соглашений о Константинополе и Черноморских проливах (док. 12) и о разделе Азиатской Турции (док. 26), заключенные Англией, Францией и Россией, в настоящее время хорошо известны специалистам. Но сделанные Шиллингом записи раскрывают ряд нюансов: дают возможность узнать, как был воспринят в Петрограде подготовленный М. Сайксом и Ф. Жорж-Пико проект будущего устройства турецких владений, как возражения Сазонова побудили англичан предложить компромиссный вариант и какие усилия приложил министр, чтобы отстоять российские интересы. В совокупности эти документы позволяют обычно именуемое в литературе соглашением Сайкса — Пико называть соглашением Сайкса — Пико — Сазонова.

Составители Сборника сделали акцент на гуманитарных аспектах каждодневной деятельности отечественных дипломатов. Эти направления их работы прежде, как правило, оставались «за кадром». Так, впервые публикуются документы об учреждении в июле 1914 г. при МИД особого Бюро, которое занималось наведением справок о русских подданных, достигнутых началом боевых действий за границей и находящихся в нейтральных западноевропейских государствах (док. 55, 56, 62).

Напечатанные в свое время в ведомственном бюллетене «Известия МИД» (Кн. II за 1915 г.) донесения российских консулов в европейских странах о помощи соотечественникам, возвращавшимся на родину, в рецензируемом Сборнике воспроизводятся по первой публикации, которая уже давно стала библиографической редкостью. Вместе с тем, составители включили в книгу

также выявленные при подготовке издания материалы о деятельности консульской службы, в том числе, о судьбе сотрудников зарубежных учреждений МИД, которые в условиях войны попали в трудное положение.

В частности, из рапорта, представленного генеральным консулом в Данциге Д.Н. Островским после возвращения в Россию (док. 214), читатель узнает, что в связи с прекращением экзекватуры дипломат был арестован и в течение двух месяцев содержался в берлинской тюрьме (куда был доставлен в автомобиле, проезд в котором должен был оплатить сам). Затем еще четыре месяца находился в Берлине под подпиской о невыезде и только полгода спустя после начала своей «Одиссеи» получил разрешение покинуть Германию и смог через Швецию и Финляндию добраться до Петрограда.

Как известно, Россия много сделала для кодификации законов и обычаев войны. По ее инициативе состоялись две Гаагские конференции мира в 1899 и 1907 годах. Поэтому не случайно составители публикации уделили этой проблеме особое внимание. Документы свидетельствуют: с первых дней войны российский МИД вел работу по расследованию нарушений законов и обычаев войны, совершенных германскими и австро-венгерскими войсками и властями. 30 декабря 1914 г. (12 января 1915 г.) посольству Испании, представлявшей интересы России в Германии, была направлена нота, в которой излагались первые результаты расследований (док. 72). Текст ноты опубликован в «Известиях МИД» (Кн. I за 1915 г.).

Наиболее серьезные из выявленных нарушений квалифицировались по следующим категориям: изувечение и умерщвление русских раненых; казни российских пленных; преступления, совершенные германскими и австрийскими войсками в отношении российского гражданского населения; использование разрывных пуль; осквернение и разграбление церквей; нарушение Женевской конвенции 1906 г. о защите медицинского персонала, а также раненых и больных.

По инициативе МИД в апреле 1915 г. в России учредили межведомственную «Чрезвычайную следственную комиссию для расследования нарушений законов и обычаев веде-

ния войны австро-венгерскими и немецкими войсками и войсками держав, действующих в союзе с Германией и Австро-Венгрией». Согласно отчету Комиссии, за первые шесть месяцев ее деятельности (док. 127) среди выявленных нарушений «первое место занимает употребление неприятелем разрывных пуль», запрещенных решениями Гаагской конференции мира 1899 года.

Ряд документов сборника освещает вопросы о положении военнопленных. В декабре 1915 г. в структуре центрального аппарата внешнеполитического ведомства был образован специальный отдел, в ведение которого передали все дела этого рода. Результаты работы МИД за время войны подытожены в справке (док. 130). Из нее узнаем, что уже в 1914 г. царь утвердил разработанное юристами ведомства в соответствии с нормами международного права Положение о военнопленных. В союзных и нейтральных государствах — Англии, Франции, Швейцарии, Швеции — были созданы комитеты помощи русским военнопленным в неприятельских странах. Лагерь, где они находились, стали посещать представители Международного Красного Креста в Женеве. Удалось организовать доставку русским военнопленным почтовой корреспонденции из России, для военнослужащих армий воюющих государств, находящихся в плену, были установлены одинаковые нормы денежного довольствия, достигнуты договоренности о единообразии в ношении военнопленными России, Австро-Венгрии и Германии знаков отличия военной формы.

Важный аспект деятельности любого государства — пропаганда, которая в годы войны приобретает особое значение. Опубликованные в сборнике записки управляющего Отделом печати МИД А.И. Лысаковского (док. 148) и директора дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили (док. 149) свидетельствуют об усилиях, которые предпринимало ведомство по воздействию на общественное мнение нейтральных стран. Отмечая неэффективность обслуживания зарубежной печати бесплатными сообщениями Петроградского телеграфного агентства, авторы записок предлагали наладить подготовку и распространение специальных изданий и брошюр «на местных языках» и за

подписями «известных лиц», имена которых привлекут читателей и придадут авторитетность высказываемым суждениям. Показательна помета на записке Базили, сделанная начальником штаба верховного главнокомандующего генералом М.В. Алексеевым: «Весь вопрос в выборе подходящего руководителя. Лично я никого не знаю». В этих словах со всей очевидностью проявилось бессилие власти на практике решить назревшую проблему.

Еще один аспект деятельности российских дипломатов, получивший отражение в рецензируемом Сборнике, — благотворительность. Об этом известно мало. Между тем, сотрудники МИД и члены их семей непосредственно участвовали в сборе вещей и денежных пожертвований на нужды раненых воинов. Служащие центрального аппарата и заграничных учреждений ведомства отчисляли на эти цели 3 процента своего оклада.

Как отмечено в отчете склада МИД, учрежденного в сентябре 1914 г. (док. 222), приток пожертвований «начался с первого же дня его деятельности. На добрый почин откликнулись не только все чины Министерства иностранных дел, но и много лиц, привлеченных к доброму делу стараниями тех же чинов со всех концов мира». Стоит отметить, что в документе поименно названы многие жертвователи и указаны суммы пожертвований. Были и коллективные поступления: через консула в Гонконге от итальянской труппы; через управляющего консульством в Исфагане средства от концерта, устроенного английским консульством в пользу раненых русских воинов; через консула в Тяньцзине от китайских женщин.

Всего за первый год войны были получены 109 844 руб. 77 коп. — сумма немалая по тем временам. Часть средств, предназначенных специально «на нужды раненых и выздоравливающих воинов», передали в городской лазарет при МИД, открытый в декабре 1914 года. Собранные вещи поступали, главным образом, в действующую армию.

Отмеченные аспекты делают издание документов интересным для очень широкого круга читателей. Специалист-историк, кроме того, обратит внимание на высокий археографический уровень рецензируемой публикации. Документы воспроизведены, как правило, пол-

ностью. Если сделана купюра, содержание опущенной части текста передается в примечании. Документы личного происхождения вследствие их большого объема могли быть напечатаны только частично. Так, из дневника Л.В. Урусова за 1914—1917 гг. (док. 251) в сборник вошла только последняя часть за период с 1(14) января по 24 ноября (7 декабря) 1917 г. (с. 788—863).

Тексты удачно дополняют иллюстрации: факсимиле некоторых документов из фондов АВПРИ, географические карты, фотографии. Полезную информацию читатель найдет в именном (аннотированном) и географическом указателях и двух приложениях, характеризующих структуру МИД в 1914—1917 году.

Единственное затруднение для читателя может составить выяснение соотношения датировок документов. Дело в том, что составители указали даты так, как в оригинале документов. Но в России был принят старый стиль, а за границей — новый, и разница в начале XX в. составляла 13 дней. Если в публикации указана одна дата, то она дана по старому стилю. В двойной дате (договоры, донесения и телеграммы российских представителей за границей, ноты представителей иностранных держав в России) на первом месте стоит дата по старому стилю, а на втором — по новому. Датировка же в примечаниях дается по новому стилю. Подобное разнообразие требует от читателя умения самостоятельно унифицировать датировку событий. Очевидно, что для изданий, посвященных внешней политике дореволюционной России, целесообразно указание двойных дат (по старому и по новому стилю).

Новая публикация документов российско-го МИД безусловно полезна как для историков, так и для всех тех, кто интересуется отечественной историей. Выполненное на высоком научном уровне, это издание займет свое место в источниковой базе ученых. Вместе с тем, как точно отметил в «Обращении к читателям» С.В. Лавров, «распространение знаний о первой мировой войне должно послужить более глубокому осмыслению ее уроков для нашей страны и для всего мирового сообщества».

А.И. ГОЛИКОВ

1. Сборник секретных документов из архивов бывшего Министерства иностранных дел. Издание НКВД, № 1—7. Пг. 1917—1918.
2. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царско-го и Временного правительств. Сер. III. 1914—1917 гг. Т. I—X. М.-Л. 1931—1938.
3. SMITH C.J. The Russian Struggle for Power 1914—1917. A Study of Russian Policy During the First World War. N.Y. 1956.

А.Б. АСТАШОВ. *Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность*. М. Новый хронограф. 2014. 740 с.

Монография московского исследователя А.Б. Асташова вышла в год столетия начала первой мировой войны. В основу книги легли итоги масштабного архивного поиска. Весомая часть использованных источников приходится на фонды военной цензуры, документы управлений действующих армий и фронтовых частей. Автор предварил их анализ оформлением собственных источниковедческих подходов. С учетом того, что документация структур военной цензуры состоит из отчетов военных цензоров и копий перлюстрированных писем — источников разной природы — возникает вопрос об адекватности оценок цензоров. Автор показывает склонность цензоров к шаблонным схемам, обязанным успокоить начальство (с. 122, 124—125). По его мнению, одной из причин искаженного изложения содержания солдатских писем в цензорских отчетах было несоответствие смыслов и значений в сознании цензоров и авторов писем: желание быстрее вернуться домой трактовалось чиновниками как желание скорейшей победы и признак «бодрого настроения». Автору удалось избежать ошибок в реконструкции настроений русской армии на разных этапах войны.

Представляется перспективной идея о влиянии смены контингентов на стойкость армии. Асташов сомневается в справедливости оценок состояния войск без учета времени призыва и возраста солдат. Внутри армии он выделяет кадровых военных, прошедших действительную службу в армии мирного времени; новобранцев и запасных, никогда ранее не служивших в армии (с. 16, 27—28, 62). Если приток новобранцев осенью 1915 г. поднял общий тонус армии (их бодрое настроение автор связывает с молодостью призывников

и отсутствием у них опыта позиционной войны), то набор ратников, возрастных запасных последних призывов, не желавших героизировать, повысил градус недовольства.

Автор применил историко-демографический подход и связал демографический переход, проявившийся в стремительном омоложении населения, с мобилизационной кампанией и системой социальной защиты семей призванных в армию запасных. Призывная система и традиции патриархальной семьи повлияли на то, что призванным в армию оказывался семейный старший сын, а холостой 21-летний оказывался «на льготе». А по возвращении из армии старший сталкивался с укрепившейся ролью в хозяйстве младшего, и ему приходилось идти в услужение к отцу или брату. Так внутрисемейное соперничество приобретало социальный характер: «В сущности, армия превратилась в арену разрешения социальных противоречий в деревне, особенно в крестьянской среде. Фронтовики-запасники стремились вернуться в деревню и обрести новые привилегии в качестве фронтовиков; молодежь была настроена активно, чтобы отстаивать свой семейный статус; ополченцы льготники вообще не желали войны и стремились назад, домой, чтобы защитить свой выгодный семейный статус. Все эти группы использовали военный опыт защиты своих прав с оружием, чтобы пересмотреть свой статус в деревне. Все они стремились к прекращению войны, чтобы начать борьбу за свой статус» (с. 64).

Учитывая исходное положение автора об отсутствии в мотивации русского солдата тех высокогражданственных позывов, которые были у солдата европейского, логична постановка вопроса о побудительных мотивах участия русского человека в той войне.

Этот вопрос Асташов старается всесторонне рассмотреть, хотя в итоге приходит к заключению, что для качественного анализа слишком мало данных в связи с низкой репрезентативностью имеющихся в его распоряжении документов. На основе образцов публицистической литературы тех лет автор осуществляет реконструкцию идеологических штампов в отношении русского солдата — покорность воле Бога делает его бесстрашным; православие отождествляется с патриотизмом; он — поборник «благородной войны» лицом к лицу с использованием личного оружия; не умеет ненавидеть иступлено, умеет жалеть, безгрешен по отношению к мирному населению (с. 127—130). Обобщение солдатских писем помогло прояснить справедливость ряда подобных мифологем.

Среди мотивов участия преобладали факторы обыденного характера. Неприхотливость русских людей способствовала формированию привычки переносить войну, переживать трудности «без радости и без горя». Автор не определился с вопросом, была ли склонность мужика быть «сильно привязанным» к своей группе барьером перед дезертирством, как мало подкрепленным фактологически. Но характерное для русского солдата растворение и личной инициативы, и собственных желаний он выводит из склонности выстраивать все отношения по типу сельской общины (с. 178). Отсюда — и чувство ответственности перед погибшими, и личные контакты солдатской массы с командирами и начальниками вплоть до царя. Причем, как свидетельствуют письма, сердечные отношения между офицерами и солдатами существовали вплоть до Февральской революции (с. 201).

Очень любопытна цитата из документа, обнажающая взаимосвязь обязанности воевать с необходимостью возмещения таким образом царской милости: «Царь дал нам землю и кормимся мы с ней значит и должны царю-батюшке послужить верой и правдой и оправдать хозяйство» (с. 136). Среди других стимулов автор называет стремление исполнить родительский наказ, желание вступить за «старую славу», за веру, за обиженных славян, за малую родину и показать свою лихость и удаль (с. 126—128). К сожалению, не все подобные утверждения подкрепляются доку-

ментами. Поскольку речь идет о глубинных структурах народной души, наверняка изложенным не в тех выражениях, которые использует исследователь, стоило бы представить на суд читателей «исходник» и его интерпретацию.

В книге можно встретить выводы из причинно-следственной связи ряда явлений того периода. Так, переход от маневренной к позиционной войне Асташов предложил рассматривать как одну из важных причин организационного кризиса, в который погружалась русская армия. Последствиями этого перехода стали изолированность частей друг от друга и от командования; возникшая необходимость выполнять военно-инженерные работы, к которым армия оказалась не готова ни психологически, ни организационно, ни материально-технически. Отсюда автор выводит представление командования о вреде окопов для морального духа солдат. Те же настроения встречались и у фронтового офицерства и рядовых солдат, тяготившихся обстановкой тотальной упорядоченности, которые с повышенным воодушевлением предпринимали партизанские вылазки (с. 112). Другим следствием позиционной войны стало установление неформальных отношений с частями противника, подолгу стоящими по ту сторону фронта, случаи братаний и добровольной сдачи в плен. Факт низкого революционного настроения Кавказского фронта исследователь связывает с традиционностью военных действий на Кавказском фронте, протекавших в русле маневренной войны (с. 210).

Автор представляет свое понимание снарядного кризиса, указав в качестве главной проблемной зоны не производство, а доставку снарядов, причем только на участке, непосредственно прилегавшем к линии фронта, а также на недостаток крупнокалиберных боеприпасов, в чем русская армия продолжала сохранять большое отставание от противника (с. 97, 107, 108).

Пожалуй, впервые так подробно в книге рассмотрена работа военной судебной системы. Главным ее просчетом представлена нерешительность в применении наказания по нарушениям военной дисциплины при наличии соответствующей юридической базы. Например, допустившие случаи братания солдат

офицеры не подвергались разжалованию в рядовые, как следовало бы по Уставу, а лишь получали выговор (с. 215—216). Армейский аппарат не смог противостоять главной проблеме армии — дезертирству. Процедура дознания для установления факта сдачи в плен не была налажена, что и стало провоцирующим фактором для дальнейших побегов, ведь бегущие надеялись, что в условиях военного хаоса законный ход расследования невозможен. Кроме того, в массовом сознании преобладало убеждение, что после мира всем будет «царская милость», в том числе и амнистия.

С осени 1915 г. в армии пытались реализовать систему заочных приговоров полевых судов, осуществлявших расследование по горячим следам. Предлагалось фиксировать побег, собирать свидетельские показания, чтобы после заключения мира и обмена пленными наказать виновных. Препятствием для реализации этих мер стало само армейское командование, посчитавшее невозможной коренную перестройку военно-уголовного судопроизводства в условиях войны; а репрессии — не способными подействовать на малодушных. Последнее автор объяснил романтическими представлениями еще суворовских времен о том, что хорошего солдата можно только воспитать, а не воздействовать страхом. Даже в отношении доказанных в судебном порядке случаев дезертирства или сдачи в плен наказание откладывалось до окончания войны, а осужденные отправлялись на фронт. Автор оценивает созданные в обход закона дисциплинарные батальоны с набором определенных мер воздействия (телесные наказания, плохая пища) как давшие незапланированный результат: на фронт поступали люди не исправившиеся, а получившие дополнительный преступный опыт (с. 451—458, 483, 490—495).

Главным недостатком рецензируемой книги, потянувшем за собой немало проблем, видится неопределенность принципа отбора материала. Структура монографии претендует на описание опыта русской армии в первой мировой войне под разными углами зрения. В основу положены демографический, психологический, организационно-технический, социально-трансформационный аспекты проблемы. Если первая глава описывает людской резерв,

из которого формировалась развернутая до штатов военного времени армия, то предмет остальных трех глав во многом совпадает, это — влияние войны на личность русского солдата, что и предопределило множество повторов. Так, параграф «Мотивация борьбы на Русском фронте» в первой главе близок по содержанию параграфу «Моральный кризис в русской армии» четвертой главы. В обоих представлена динамика настроений боевого воодушевления.

Изумительные документы теряются среди «общих мест», что в некоторой степени связано с тем, что копии писем из фондов военной цензуры не встроены в событийных контекст, не привязаны к личности автора. За обилием неструктурированного материала автору не удается сделать полноценные обобщения. В параграфе 4-й главы «Анатомия солдатского бунта» интересно показана фронтовая повседневность, представлена внутренняя атмосфера воинских частей. Очевидно, что материала для того, чтобы отследить механизм нарастания хотя бы отдельных конфликтов, хватает. Но вопрос о генетической связи волнений и революции остается без ответа.

Подчас автору трудно придерживаться последовательности и логики рассуждений даже в рамках одной части книги. Нелегко понять, с какой целью в параграф «Тяготы войны на Русском фронте: тело против стали» надо было включать материал об отношении русского солдата к разным этническим группам противника, а в параграфе «Гендерные основания морального кризиса русской армии» писать о поисках внутреннего врага, о враждебности к помещикам, купцам, женщинам-беженкам, евреям; к молодежи, которая «развинулась без старших»? Несомненно, что связь найти можно, исходя из представления об изменении стандартов мужского поведения под влиянием войны и модернизационных процессов, но этого в тексте нет.

В одном из параграфов автор вступил на зыбкую почву психиатрии. Психологические концепции не имеют для истории значения непосредственного методологического знания. С точки зрения чистоты жанра, соответствующим профилю работы был бы анализ отношения командования к случаям психических срывов; а в эпизодах, когда возможно установить лич-

ностные и социальные характеристики проявившего душевную нестабильность комбатанта, было бы целесообразно задаться вопросом о взаимосвязи этих факторов. Если автору хотелось наполнить свою книгу психологическими этюдами, то ему, возможно, следовало бы провести анализ противоположных эмоций, например, усталость от позиционной войны, желание боевой активности, с одной стороны, и страх перед атакой и наступлением, с другой. Но они безнадежно разнесены по разным частям книги (с. 112, 232).

Впрочем, этот параграф заканчивается интересным выводом о том, что присоединение людей, испытавших стресс от войны, к революционному движению в действительности является характерным для психики человека механизмом избавления от действия стрессогенерирующих факторов; люди переключали свою активность на борьбу за общество, которое не должно позволить повторения этого безумия (с. 413). Можно полностью согласиться с утверждением Асташова, что в России не было потерянного поколения, поскольку психические заболевания проявились после войны, когда демобилизованные возвращались в старую систему координат при качественном изменении собственной личности и отсутствии механизма компенсации этого. Добавлю: выехавшие из России после окончания Гражданской войны тоже не пополнили собой ряды европейского потерянного поколения. Одни из числа эмигрантов оказались полностью выработанным материалом и сводили счеты с жизнью, а для других эмиграция была средой, свободной от встречи изменившегося субъекта с неизменившимся миром; кроме того, они обладали ценным опытом стрессоустойчивости и приспособления.

Некоторые высказанные в книге положения недостаточно обоснованы. Например, заключение о том, что причиной слабой эффективности правительственной пропаганды является низкая грамотность населения и недостаточная степень социокультурного единства населения: журналисты и народ говорили по-разному, и в стране отсутствовала традиция использования печатного слова. Возможно, что это верно, но почему революционная пропаганда находила отклик у этого малограмотного населения? Почему на заво-

дах и рудниках всякая оказавшаяся там листовка встречала бурный интерес, а речи былого человека, объяснявшего суть вещей, собирали большую аудиторию?

Автор демонстрирует хорошее знание отечественной и зарубежной литературы, но ощущается его подверженность влиянию авторитетов. Так, мнение Дж. Башнелла (Bushnell J. Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society) о том, что русская армия не стала инструментом модернизации крестьянского населения, признается им обоснованным (с. 39). Может быть, в контексте европейского опыта, взятого в качестве эталона, это и так, но если выйти за рамки царского периода истории и обратиться к такому источнику как советские автобиографии, то легко увидеть, что после прохождения военной службы жизнь молодых крестьян существенно менялась: как правило, они не возвращались к занятию земледелием в домашнем хозяйстве.

Главным выводом книги является тот, что причиной бед русской армии стало «несоответствие наличного состава русской армии характеру современной войны» (с. 714), а общество не смогло поставить в армию «солдата-гражданина». По мнению Асташова, классический (то есть типичный для западноевропейских стран) солдат-гражданин формируется в мирное время под влиянием многих модернизационных институтов, а в годы войны он, оказавшись в армии, быстро адаптируется, осозная общенациональные цели войны и обретая свой личный мотив участия. В России превращение изъятых из патриархального мира крестьянина в этого самого «солдата-гражданина» началось уже в ходе войны. Там он принимал ценности другого мира, начинал чувствовать вкус силы, насилия, ненависти. Его мир приобретал резкие очертания деления на добро и зло. Он вышел из войны солдатом Революции и гражданином Нового общества (с. 6—7). Но эта трактовка понятия исключительно авторская. Сам термин «гражданин-солдат» появился во время американской войны за независимость, когда в нерегулярные части вступали патриоты, для которых этот шаг был внутренне мотивирован чувством гражданского долга. В книге присутствует ориентация на труды Э. Юнгера, также писавшего о формировании «созна-

тельного воина». Но в немецком тексте показан совсем другой механизм, чисто психологический, своего рода крещение кровью: «Боец, которому в момент атаки кровавый туман застилает глаза... он хочет убивать. Он... находится в плену властительных первобытных инстинктов. И только вид льющейся крови рассеивает туман в его мозгу... Только тогда он вновь становится сознательным воином...»¹ По-видимому, автору следовало бы больше внимания уделить обоснованию термина. Кроме того, суждение о несоответствии «материала для комплектования» атмосфере современной войны уже было высказано генералом А.Е. Гутором в документе за 10 августа 1915 г., который про-

цитирован в книге. Колоссальная, без всякого сомнения, работа достойна более яркого финала.

В заключении хотелось бы обратиться к издателю: научная публикация нуждается в гораздо более тщательной работе над текстом. Не чувствуется руки редактора; состояние некоторых частей таково, что понять авторскую мысль весьма затруднительно.

О.М. МОРОЗОВА

Примечания

1. ЮНГЕР Э. В стальных грозах. СПб. 2000, с. 279.

А.С. ТУМАНОВА. *Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917)*. М. Политическая энциклопедия. 2014. 327 с.

О гражданском обществе в России давно спорят. Даже само это понятие интерпретируется по-разному. Но все же даже непримиримые оппоненты едва ли будут возражать, что с конца XVIII в. российское общество переживало удивительные метаморфозы. «Общественная самодеятельность» приобретала новые институциональные формы, расширяла сферу своей активности. Этот не вызывающий сомнения факт требует специального изучения. Необходимо понять качественные и количественные параметры этого явления. Применительно к событиям начала XX в. многие ответы на эти вопросы уже даны, прежде всего, благодаря работам А.С. Тумановой, которая давно и плодотворно исследует общественные организации последних лет императорской России. Поэтому ее обращение к истории общественных организаций в период первой мировой войны с логической неизбежностью вытекает из всех предшествовавших книг автора.

Современные исследователи с благодарностью отреагировали на столетний юбилей со дня начала первой мировой войны. Вопреки популярным утверждениям, ее и прежде не забывали. Правда, ныне вспоминают еще чаще, чем раньше. Во многом это объясня-

ется тем, что война оказалась «на стыке» проблем, сюжетов, периодов. Она стал концом девятнадцатого столетия и началом двадцатого. Вместе с тем, война оказалось подлинным испытанием для всех европейских стран, в том числе и для динамично менявшейся России, для ее недавно возникших или же реформированных политических, правовых, социальных институтов. Этот своего рода экзамен позволяет охарактеризовать и те метаморфозы, которые пережило российское общество в предвоенный период.

Для монографий А.С. Тумановой характерны научная фундаментальность и системный подход. И в данном случае рассмотрены самые различные аспекты функционирования общественных организаций этого периода: их участие в патриотических кампаниях, в благотворительных акциях, координации усилий научной общественности, помощи беженцам; вовлечение общественных объединений в политическую жизнь. В работе так или иначе упомянуты (а в значительной мере подробнейшим образом исследованы) более 180 общественных организаций.

Вероятно, излишне говорить, что монография основана на широком круге источников — в том числе, и неопубликованных. Туманова

привлекла материалы архивов Москвы (ГА РФ и ЦИАМ) и Санкт-Петербурга (РГИА). Были активно использованы публикации в периодических изданиях военного времени («Русские ведомости», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Речь», «Московские ведомости», «Современное слово», «Тамбовский листок»). И, конечно, предметный разговор об общественных организациях потребовал привлечения источников личного происхождения: мемуаров (Н.И. Астрова, Дж. Бьюкенена, М.В. Вишняка, И.В. Гессена, В.И. Гурко, В.Ф. Джунковского, В.А. Друцкого-Соколинского, В.А. Маклакова, С.П. Мельгунова, П.Н. Милюкова, Е.А. Никольского, В.А. Оболенского, М. Палеолога, А.Ф. Редигера, М.В. Родзянко, М.А. Таубе, А.Н. Яхонтова), а также дневников (М.М. Богословского, П.Е. Мельгуновой, И.И. Толстого, А.В. Тырковой).

Все это позволило достоверно воссоздать весьма сложную и противоречивую картину общественной жизни России 1914—1917 годов. Автор приходит к выводу, что зарождавшееся в стране гражданское общество с самого начала войны активнейшим образом откликнулось на призыв правительства. Оно участвовало в организации тыла, благотворительных мероприятиях, помощи беженцам. Впрочем, общественная активность могла выражаться и в других формах — например, в борьбе «с немецким засильем», шпиономании, поиске внутреннего врага. Разбуженное правительством общество не контролировалось им. Попытки поставить пределы общественной самодеятельности имели обратный эффект: общество, раздраженное действиями власти, все более радикализировалось. Оно видело «внутреннего врага» уже в самом правительстве и готово было принять политический переворот, который был бы совершен во имя победы России. «Патриотический запал» 1914—1915 гг. в 1916 г. действовал уже против самого правящего режима. Это было дополнительным (и вместе с тем, очень значимым) фактором нестабильности в стране.

Невольным героем повествования стала такая таинственная субстанция как общественное мнение. Над тем, что это такое, бились выдающиеся мыслители XX столетия. И нельзя сказать, что ответ на этот вопрос найден. Не вполне ясно, что первично: смутные обще-

ственные настроения, эмоции или вызывающие страсти высказывания политиков, журналистов, общественных деятелей. Еще в начале XX в. правоведы, социологи, публицисты склонялись к тому, что общественное мнение — это не результат, а бесконечный процесс, круговерть слов, когда выражающий общественное мнение его же и формирует.

Согласно монографии Тумановой, ситуация может оказаться даже сложнее. Участвующие в формировании общественного мнения нередко делают это без всякого умысла. Они реагируют на веяния времени, последние события, политику правительства. Это в значительной мере снимает вопрос о ведущих и ведомых в общественном движении России, лишней раз подчеркивает необоснованность теорий заговора. В военные годы общественное мнение, общественные настроения мало зависели от воли правительства или политических партий. Они развивались в соответствии со своими собственными законами. Их изучение — дело будущего исследователя.

Общественное мнение — это, конечно, не единодушный хор, а всегда разногласица, столкновение точек зрения, обусловленных идеологическими предпочтениями, партийной принадлежностью. Вполне принимая авторский эксперимент — в рамках данной монографии оставить «за скобками» политические партии — тем не менее, все же стоит признать, что без них картина общественного движения начала XX в. не кажется полной. Зачастую видную роль в деятельности общественных организаций играли как раз партийные функционеры. Самый невинный разговор о поставках на фронт нередко заканчивался политическими декларациями и партийными лозунгами.

Приведенная исследователем формула Ю. Хабермаса: гражданское общество — вне политики и хозяйственной деятельности (с. 8) представляется не вполне работающей для России. Вероятно, она оправдана там, где положение представительных учреждений не ставится под сомнение, а политические партии активно участвуют в избирательных кампаниях и формировании исполнительной власти. В этом случае их деятельность становится предметом исследования тех, кто специально изуча-

ет политические процессы. Прочим же «обществоведам» остается то, что не сводится к выборам и партийным платформам. В определенном смысле даже важнее то, что обеспечивает силу партий и представительных учреждений, а именно рутинная общественная деятельность по защите своих частных интересов, обеспечению элементарных условий жизни, расширению коммуникативного поля. В результате этой деятельности возникает сеть межличностных связей, над которой и надстраиваются политические институты (те же самые партии).

Проблема в том, что не слишком многочисленное «гражданское общество» в России в начале XX в. находилось в состоянии «сбор-

ки», которая была далека от завершения, а его политический потенциал еще не был очевиден. «Гражданское общество» лишь нашло пути взаимодействия с властью, с партийными структурами. Нередко его представители оказывались «политиками поневоле», что как раз находит отражение в работе Тумановой (с. 305—306). Ее монография (в том числе, и рецензируемая) — лучшее доказательство тому, что гражданское общество «по-русски» не отделимо от политической сферы; оно вплетено в партийную борьбу и во многом определяет ее характер.

К.А. СОЛОВЬЁВ

Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914—1917). В 2-х тт. М. Мегapolis. 2014.

В прошлом году в столицах многих европейских государств широко отмечалось 100-летие с начала первой мировой войны, или Великой войны, как она долгие годы называлась почти во всех зарубежных странах. Несмотря на национальные, религиозные или политические различия, историки и политологи сейчас едины во мнении, что именно события 1914—1918 гг. определили ход развития всего XX века. Великая война ознаменовала смену эпох и определила вектор эволюции человечества на последующие десятилетия. И, действительно, по своим масштабам эта кровавая бойня не знала прецедента в предшествующей истории всей цивилизации: она унесла около 10 млн жизней и охватила все крупнейшие державы мира на всех континентах.

Великой эта война не стала только в нашей стране — в национальной памяти советского народа она была полностью вытеснена последующими событиями, прежде всего, революциями 1917 г. и братоубийственной гражданской войной. Драматические события 1914—1918 гг. оказались забытыми не только нашим народом, но и отечественными историками. В то время как полки европейских и американских книжных магазинов были заполнены монографиями по самым разнообразным проблемам истории первой мировой войны, в нашей стране эта тема долгие годы счи-

талась утратившей научную актуальность. Редкие книги, опубликованные в Советском Союзе по истории участия русской армии в событиях 1914—1818 гг., лишь подтверждают этот вывод. Достаточно сказать, что со времени выхода в свет последних фундаментальных трудов по этой тематике прошло почти полвека. За это время нашим исследователям стало доступно богатое научно-историческое наследие русской военной эмиграции, открылись ранее недоступные архивные фонды, российские историки получили возможность изучить интересующие их документы из зарубежных архивов. Можно согласиться с авторами рецензируемого труда в том, что «в современных условиях модернизации Вооруженных Сил и всей военной организации государства некоторые аспекты многообразного и весьма поучительного опыта Первой мировой войны сохраняют не только сугубо гносеологический, но и в известной мере практический интерес» (т. 1, с. 7).

Все вышесказанное подтверждает уместность и своевременность выхода в свет в прошлом году двухтомного издания «Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914—1917)». Этот фундаментальный труд был подготовлен коллективом сотрудников Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба

Вооруженных сил Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива под руководством капитана 1-го ранга Д.Ю. Козлова и под общей редакцией начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В.В. Герасимова.

Хронологические рамки исследования российских военных историков охватывают период военных действий на Восточном фронте первой мировой войны с объявления Германией войны России до 4 (17) декабря 1917 г. — начала перемирия между Советской Россией и Центральными державами. При этом в работе весьма подробно затронуты проблемы строительства Вооруженных сил Российской империи, а также некоторые военные аспекты, связанные с подготовкой и подписанием Брестского мира 3 марта 1918 года.

Структура работы вполне логична и обусловлена целевой установкой авторов труда и характером решаемых в нем исследовательских задач. Собственно исследование действий Вооруженных сил Российской империи в годы первой мировой войны предваряет подробный историографический анализ проблемы, а также дается краткая характеристика источниковой базы исследований истории Восточного фронта в этот период. Соглашаясь с мыслью о том, что в отечественной историографии до сих пор не создано целостной концепции войны и пока не сложилась общепризнанная оценка участия в ней России (т. 1, с. 178), авторы ничуть не умоляют научных достижений своих предшественников и отдают должное лучшим достижениям современной российской военно-исторической науки. Заслуживает внимания обоснованная и аргументированная критика, данная авторами монографии трудам таких «классиков» истории войны 1914—1918 гг., как А.М. Зайончковский и М.А. Петров.

В своем историографическом обзоре авторы не ограничились лишь анализом достижений советской и российской историографии первой мировой войны — в книге подробно разбираются самые значимые труды, вышедшие из-под пера немецких, английских, американских, французских и даже турецких историков. Думается, что можно согласиться с авторами в том, что в своем большинстве наши зарубежные коллеги, к сожалению, все еще слабо осведомлены о достижениях своих

российских коллег, в их работах по Восточному фронту «отсутствует широкая документальная база». Это «не позволяет западным исследователям в полной мере реализовать в своих исторических трудах принципы объективности и всесторонности, что, безусловно, снижает гносеологическую и практическую значимость полученных ими практических результатов» (т. 1, с. 179).

Широк и разнообразен корпус источников по истории Восточного фронта, который привлекли авторы исследования. Это и документы из многих российских архивов, и материалы, опубликованные в последние годы в нашей стране и за рубежом, а также австрийские и германские архивные документы. Хочется особо подчеркнуть, что, благодаря обширному и содержательному приложению, это научное издание носит и самостоятельный источниковый характер — в нем, например, впервые опубликованы подлинные тексты стратегических планов российской армии и флота, действовавшие на 1914 г., а также целый ряд других очень интересных документов по истории российских Вооруженных сил периода первой мировой войны.

Авторы труда показывают состояние российской армии и флота, а также ее вероятных противников в преддверии трагических событий августа 1914 года. Однако думается, что работа бы только выиграла, если бы в ней историки не ограничились рассказом о вероятных противниках — Германии, Австро-Венгрии и Турции — а показали бы сильные и слабые стороны вооруженных сил потенциальных союзников России — Франции и Великобритании. Первая мировая война была коалиционной, и исход ее во многом зависел не только от политического и экономического, но и от военного взаимодействия главных союзников по Антанте. Этот же упрек можно предъявить и авторам третьей главы, в которой говорится о планах применения, мобилизации и развертывании вооруженных сил России, Германии, Австро-Венгрии и Турции. При этом главный вывод авторов, сделанный ими на основании уникальных архивных документов, думается, вполне обоснован: «Русский план войны предусматривал одновременный переход в наступление на двух стратегических направлениях с целью

переноса войны в пределы Германии и Австро-Венгрии, что следует признать ошибочным» (т. 1, с. 452).

Действия Вооруженных сил России в годы первой мировой войны авторы издания, согласно давней общепринятой историографической традиции, рассматривают по военным кампаниям, уделяя особое внимание операциям на Восточном фронте. Не менее подробно анализируется и развитие военных действий на морях, причем не только на Черноморском и Балтийском театрах военных действий, но и в северных полярных широтах. Следует отметить, что анализ действий российского флота в 1914—1917 гг., как правило, дается авторами на основании новых, еще не введенных в научный оборот источников. Большое внимание уделено также военным действиям России против Османской империи на Кавказе, их анализ дан в книге на основании тщательного изучения не только российских, но и турецких архивных материалов. Скрупулезно, на основании подсчета данных из многочисленных документальных источников авторы выясняют истинные потери русской армии в той или иной операции, что позволяет читателю свежим взглядом оценить эффективность действий русского командования, его способность беречь солдатские жизни (см., например: т. 1, с. 470, 477). В конце соответствующих глав дается краткая, но четкая оценка действий российской армии и флота в той или иной военной кампании.

Так, оценивая события лета-осени 1914 г., авторы приходят к заключению, что «кампания 1914 г. на Восточно-Европейском театре была в целом выиграна русской армией... Операции русской армии в кампании 1914 г. имели огромное значение в общем ходе войны. Они нарушили стратегический план германского командования. Его стремление добиться победы путем последовательного разгрома сначала Франции, а затем России потерпели неудачу» (т. 1, с. 587).

Очень подробно авторы труда анализируют события, связанные с «Великим отступлением» русской армии в ходе кампании 1915 года. Подчеркивая «стойкую приверженность русского командования своим союзническим обязательствам», историки отмечают, что это «стоило России больших жертв, в первую очередь, человеческих». И вину за это авторы, на наш взгляд, совершенно справедливо

возлагают не только на слабую оснащенность армии современными видами вооружения, но и, в первую очередь, на русское командование. Именно оно «фактически на всех уровнях, во всех звеньях управления далеко не всегда делало все возможное, чтобы избежать тяжелых потерь, и в условиях «снарядного голода» зачастую уповало на численное превосходство» (т. 2, с. 44). Объясняя неудачи русской армии в 1915 г., авторы пишут и о «грубых просчетах в управлении войсками со стороны командования 3-й армии и главнокомандования Юго-Западным фронтом» (т. 2, с. 44). Но все же, по их мнению, «трагизм происшедшего был во многом предопределен тяжелейшим экономическим положением государства, не позволявшим осуществлять планомерное снабжение армии вооружением и боеприпасами» (т. 2, с. 159).

Строго придерживаясь фактов, авторы не склонны безудержно восхвалять победы русского оружия в годы первой мировой войны. Они дают им взвешенную, объективную оценку. Так, придавая «большое военно-политическое значение» «выдающемуся достижению военного искусства» наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 г. — так называемому Брусиловскому прорыву — авторы, вместе с тем, подчеркивают, что оно не только «не привело к решающему военно-стратегическому успеху», но и было «оплачено чрезмерно высокой ценой». Это, в конечном счете, «привело к истощению собственных средств и не стало переломным моментом для хода войны на Восточно-Европейском ТВД» (т. 2, с. 193—194).

Рассматривая итоги последней кампании российских Вооруженных сил в годы первой мировой войны, авторы совершенно обоснованно делают упор на тщательное изучение влияния известных политических событий 1917 г. на боеготовность армии и флота. В итоге, они приходят к выводу, что «несостоятельность военной политики, игнорирование непреклонной воли и стремления широких солдатских масс к миру привели к полному краху всех военно-политических планов и программ поднятия боеготовности армии» (т. 2, с. 302).

В заключительной главе двухтомного фундаментального труда — «Развитие вооруженных сил и военного искусства в Первой миро-

вой войне» — рассматриваются такие проблемы, как изменения в структуре Вооруженных сил, совершенствование технического оснащения армии и флота, развитие военной стратегии, тактики армии и флота, формирование основ оперативного искусства, а также вопросы, связанные с материально-техническим обеспечением войск. Однако от авторов последнего раздела ускользнул такой важный и актуальный вопрос, как военно-техническое сотрудничество России с союзниками. Читателю наверняка было бы интересно узнать, какие виды вооружения для нашей армии и флота закупались за рубежом, в каких странах были сделаны основные заказы, в каких видах вооружения, стратегического сырья и техники двойного назначения наша страна испытывала особую нужду, насколько добросовестно и в срок выполнялись российские заказы нашими союзниками. Об этом в труде говорится, но вскользь и в других разделах.

Встречаются в работе казусы и недоразумения. Так на странице 270 второго тома авторы пишут: «Вслед за США в войну вступили

и другие государства, из них 25 — на стороне Антанты, и четыре — на стороне германского блока». Хотелось бы узнать, что имеют в виду авторы, когда пишут о четырех государствах, вступивших в войну на стороне германского блока после апреля 1917 г. — Польшу, Азербайджан, Прибалтийские государства, Албанию, Судан или что-то совсем другое? В любом случае, это необходимо объяснить.

Указанные недостатки ни к какой мере не снижают общего и в целом очень высокого качества труда российских военных историков. Это фундаментальный труд, написанный на основе современных достижений отечественной и зарубежной военно-исторической науки и широкой источниковой базы, в том числе и документов, впервые вводимых в научный оборот. Нет никакого сомнения в том, что работа будет очень полезна не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся военной историей России.

В.К. ШАЦИЛЛО

В.П.СМИРНОВ. *Две войны — одна победа.* М. Аст-Пресс. 2015. 416 с.

Рецензируемая книга принадлежит перу выдающегося отечественного историка-франковеда, доктора исторических наук, заслуженного профессора исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.П.Смирнова, автора целого ряда монографий (Франция: страна, люди, традиции. М. 1988; Франция в XX веке. М. 2001). Начинать же ученый свою научную биографию с изучения проблем, связанных с историей второй мировой войны (Франция во время второй мировой войны. М. 1961; Странная война и поражение Франции. М. 1963; Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М. 1974). В последнее время историк вернулся к истокам своей творческой деятельности, значительно расширив ее тематику. Первым результатом такой работы стала книга «Краткая история Второй мировой войны» (М. 2005). Теперь еще одна монография — «Две войны — одна победа».

Смирнов решил посвятить свою новую книгу сразу двум мировым войнам. Монография повествует о том, почему и как мир, прежде

всего Европа и Азия, сначала подошел к одной мировой войне, а затем, всего двадцать лет спустя, — ко второй. В работе рассматривается масса проблем, так или иначе связанных с главными событиями. В своем исследовании историк опирался не только на хорошо знакомые, но и на мало известные, а порой и долгое время замалчиваемые факты, на опубликованные совсем недавно документы, позволяющие по-новому взглянуть на ход исторического процесса и даже заполнить «белые пятна» в некоторых разделах историографии. Книга написана прекрасным литературным языком. Большое внимание автор уделяет роли личности в происходящих событиях. Перед читателем буквально оживают люди со всеми их достоинствами и недостатками, удачами и ошибками. Просто блестяще ученому удалось портреты двух самых зловещих, демонических фигур XX в. — Гитлера и Сталина. Книга состоит из трех больших частей — «Первая мировая война», «Между мировыми войнами» и «Вторая мировая война». В каждой

части изучен целый комплекс самых разных проблем, приводится большое количество исторических фактов. Остановимся на тех моментах, которые нам кажутся наиболее интересными и малоизвестными.

В первой части Смирнов уделяет большое внимание всем театрам военных действий, прежде всего Восточному (Русскому), Западному (Французскому), Балканскому, Итальянскому, Ближневосточному и Тихоокеанскому, подробно останавливаясь на Брусиловском прорыве, битве на Марне, Верденском сражении, «бойне Нивелля». Очень важно то, что ученый также описывает важнейшие события, происходившие внутри воюющих государств — революции в Германии и особенно в России. Он подчеркивает, что «Февральская и Октябрьская революции были... массовыми революциями, а не верхушечными переворотами. В них участвовали огромные массы людей, выступавших против прежнего социального и политического порядка. Обе эти революции глубоко изменили жизнь общества, буквально перевернули прежнюю систему ценностей. Вспыхнувшая в результате Октябрьской революции длительная, кровавая и очень жестокая Гражданская война наглядно показала, что произошла не просто очередная смена правящей верхушки, а глубочайший общественный переворот» (с. 92).

Целая глава первой части посвящена послевоенному урегулированию, прежде всего работе Парижской мирной конференции, на которой страны Антанты заключили мирные договоры — Версальский с Германией, Трианонский с Венгрией, Сен-Жерменский с Австрией, Нейский с Болгарией и Севрский с Турцией. Принято считать, что начальные причины второй мировой войны коренятся в унижительном для Германии Версальском договоре. Прямо скажем, что и остальные четыре мирных договора страдали большими недостатками. Империи распались, и на их месте были созданы новые страны. Карта Европы словно превратилась в лоскутное одеяло. Образовались новые независимые государства, но их границы не соответствовали расселению народов. В результате, многие европейцы (немцы, итальянцы, поляки, чехи, сербы, хорваты, венгры, греки, румыны, болгары и др.) оказались разделены новыми границами, что привело в недалеком будущем к новым территориальным притязаниям.

Вторая часть книги совершенно логично открывается главой «Непрочный мир». В ней историк пишет о революциях в Германии, Венгрии, Турции, гражданской войне в Китае, а также о малоизученных «локальных войнах». Так, довольно обстоятельно описана Советско-польская война 1920 г., в которой Красная армия сначала удачно наступала, но позднее «советские войска потерпели тяжелое поражение и были вынуждены отступить» (с. 141). Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский прямо написал об этом в своей книге «Поход за Вислу»: «Основной вывод из нашей кампании 1920 г. необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия. Расхождение... главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предредило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу» (ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М. 1964, с. 167—168).

Лаконично и четко автор пишет о войнах, развязанных Турцией, не признавшей Севрский договор. Кемалистская Турция в 1920 г. напала на независимую республику Армению и очень быстро разгромила ее ополченцев, навязав молодой стране Александропольский договор, отторгавший от нее огромные территории. Смирнов отмечает, что «сохранить независимость Армении помогла помощь Советской России. Советско-турецкий договор «О дружбе и братстве» (заключен 16 марта 1921 г. — М.А.) отменил Александропольский договор. Граница между Турцией и Арменией прошла по линии границы, существовавшей между Россией и Турцией до 1914 г.» (с. 139). Такое утверждение требует уточнений. В декабре 1920 г., в момент подписания Александропольского договора Армения как раз потеряла свою независимость и вошла в качестве одной из советских республик в состав РСФСР. В это время советское правительство всячески стремилось к союзу с кемалистской Турцией и соглашалось на все ее территориальные притязания. Согласно упомянутому Советско-турецкому договору (именуемому также Московский договор 1921 г.), от территории советской Армении отделялись и передавались Турции Карская область и Сурмалинский уезд (над которым возвышается самый древний символ Армении — гора Большой Арарат). По настоянию Турции Нахичеванский уезд, большая часть Шарур-Даралагязского уезда и небольшая часть

Ереванского уезда Армении были переданы советской республике Азербайджан, а в 1923 г. к ней также отошел Нагорный Карабах. В результате таких территориальных переделов Армения потеряла больше половины земель, которыми владела в царской России.

Во всех последующих главах второй части по существу показывается, как Европа, едва закончив одну войну, начала двигаться к следующей. В книге говорится как о хорошо известных страницах истории межвоенного периода (политике фашистской Италии и нацистской Германии, деятельности Лиги наций, попытках выстроить систему коллективной безопасности), так и о менее знакомых широкому читателю. Например, историк обращает внимание на то, что «руководство рейхсвера... заключило с командованием Красной армии несколько особых секретных соглашений, которые позволяли Германии обходить военные статьи Версальского договора, а Советскому Союзу — осуществить перевооружение Красной Армии». Далее указывается, что «в советской военной академии имени М.В. Фрунзе преподавали немецкие офицеры, в том числе три будущих фельдмаршала нацистской Германии: Фридрих Паулюс, Вальтер Модель и Вильгельм Кейтель» (с. 146). Отдельный раздел — «Война умов» — посвящен разработкам новых видов летальных вооружений, главным образом, в Германии и СССР.

Самым подробным образом в книге представлен канун второй мировой войны. Ученый собрал практически все имеющиеся сведения об англо-франко-советских переговорах в Москве в 1939 г., показав, что фактически все их участники не доверяли друг другу и вели двойную игру, из-за чего переговоры и провалились. Затем автор детально обрисовал события, завершившиеся подписанием Советско-германского пакта о ненападении (пакта Молотова-Риббентропа), приведя полностью его «Секретный дополнительный протокол», поскольку в отечественной научной литературе и публицистике до сих пор нередко отрицается его существование, и в параграфе «Сговор диктаторов или мудрый и дальновидный шаг?» представил дискуссии историков по этой теме. Сам Смирнов пришел к следующему выводу: «секретный протокол 23 августа 1939 г., нарушающий суверенитет ряда государств, безусловно, заслуживает осуждения с моральной и юридической точек зрения. В геополитическом

отношении он отвечал ближайшим государственным интересам СССР, как их традиционно понимали политики, дипломаты и военные, но полученные таким образом выгоды оказались во многом иллюзорными» (с. 210).

Естественно, самая большая по объему часть монографии — третья. Конечно историк останавливается на всех самых знаковых событиях второй мировой войны, начиная с разгрома Польши в 1939 г. и поражения Франции в 1940, означавших полную победу Гитлера (Италия внесла в нее лишь малую толику) на Западном фронте. Сталин в это время, следуя «Секретному дополнительному протоколу» пакта Молотова-Риббентропа, присоединил к СССР сначала Западную Украину и Западную Белоруссию, затем республики Прибалтики (Литву, Латвию и Эстонию) и, наконец, Бессарабию и Северную Буковину. Из документов, представленных в главе «Накануне Великой Отечественной войны», можно сделать вывод, что Сталин не хотел войны с Германией и потому принимал желаемое за действительное. Даже за несколько дней до нападения Гитлера на СССР он не верил в реальность, закрывал глаза на более чем тревожные сообщения советской разведки. Когда «17 июня 1941 года Сталину доложили, что Шульце-Бойзен (глава известной разведывательной сети «Красная капелла». — М.А.), работающий в штабе немецкой авиации, только что сообщил: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время»... Сталин на это донесение наложил резолюцию: «Можете послать ваш источник из штаба Германской авиации к е... матери. Это не «источник», а дезинформатор»» (с. 270—271). Как известно, через пять дней Германия начала войну. Страна была к ней не готова, и это обернулось для нее страшными жертвами. Весь трагизм ситуации на фронте в первые дни войны правдиво описан в книге. Потом следуют разделы о битве под Москвой, Сталинградской битве, сражении на Курской дуге.

Большое внимание в работе уделено и операциям союзников в Европе, Азии, на океанах, высадке англо-американских войск в Северной Африке, долгожданному открытию второго фронта. Одновременно с ним на Тихом океане союзники развернули операцию

против Японии, в которой участвовали, главным образом, Вооруженные силы США. 23 октября 1944 г. около острова Лейте началось крупнейшее в мировой истории морское сражение, в котором с обеих сторон участвовало более 330 крупных боевых кораблей, в том числе 39 авианосцев и 21 линкор (с. 367). Сражение длилось 4 дня и велось, главным образом, силами авианосной авиации. «В этом сражении японцы впервые применили самолеты-“камикадзе” — самолеты с пилотами-смертниками, которые должны были таранить вражеские корабли и вместе с ними взрываться» (с. 368). Однако и такие методы войны не привели японцев к желаемым результатам. Сражение было выиграно американцами. В завершающих разделах ученый подробно рассказывает о заседаниях важнейших конференций союзников (в Москве, Тегеране, Ялте, Потсдаме).

Хотелось бы выделить еще несколько интересных, но малоизвестных тем. Например, автор делает живую зарисовку возвращения Черчилля из Вашингтона после переговоров с Рузвельтом в январе 1942 года. «Желая как можно скорее вернуться в Лондон, — отмечается в книге, — Черчилль, к немалому удивлению и беспокойству сопровождающих его лиц, решил лететь самолетом, на американской “летающей лодке”. По тем временам такой перелет был довольно рискованным делом. Предстояло преодолеть около 6,5 тыс. километров над океаном, где любая поломка самолета или встреча с вражеским истребителем означала бы неминуемую гибель. Почти половину пути самолет летел в густом тумане, уклонился от курса и приблизился к Англии не с той стороны, где его ожидали. Получив известие о появлении неизвестного самолета, командование английской истребительной авиацией приказало его сбить. Истребители поднялись в воздух, но, к счастью, быстро поняли свою ошибку» (с. 317). Как небольшой страшный рассказ читается параграф «Заговор против Гитлера» (с. 356—358), напоминающий о печальной участи разведчиков, работавших на СССР, (Рихарда Зорге и возглавлявшего «Красную капеллу» Шульце-Бойзена вместе с его сотрудниками, в том числе женщинами). Смирнов пишет и о депортированных во время войны народах СССР: «В освобожденные от оккупантов районы СССР возвращались органы советской влас-

ти... В Крыму, на Северном Кавказе, в Калмыкии и других районах, где часть населения сотрудничала с оккупантами, целые народы — чеченцы, ингуши, калмыки, крымские татары были обвинены в предательстве и выселены со своих исконных земель. В 1943—1944 гг. в Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию были депортированы более 1 млн жителей этих и других районов СССР, подвергавшихся оккупации» (с. 353). Историк останавливается и на жестком постановлении, принятом Потсдамской конференцией, — «О выселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии», которое «фактически превратило в беженцев миллионы людей. Только из Польши изгнали более 5 млн человек, из Чехословакии и Венгрии — еще более 3 млн» (с. 394). Добавим, что после присоединения к СССР в апреле 1946 г. Восточной Пруссии (Кенигсбергской области) немцам пришлось покинуть и эти земли. Любопытен раздел «Процентное соглашение». В нем говорится о том, как Сталин и Черчилль заключили это секретное соглашение в октябре 1944 г. в Москве, разграничив, таким образом, сферы влияния на Балканах (с. 364—365). Ученый повествует и о том, как во время работы Парижской мирной конференции 1946 г. «Советский Союз потребовал передать ему в качестве подопечной территории Триполитанию — часть итальянской колонии Ливии, а также предоставить военно-морскую базу в Средиземном море» (с. 409). Целый раздел называется «Потери и разрушения». В нем приводятся цифры, подтверждающие слова автора о том, что «Вторая мировая война была самой страшной гуманитарной катастрофой в истории человечества» (с. 402).

В заключение остается сожалеть, что в работе не приведен список литературы, нет именного и географического указателей. Тогда бы издание стало просто бесценным. Очень жаль, что публикации таких важных вспомогательных разделов книг в наше время не приветствуются издательствами. Но и без них монография Смирнова будет интересна и полезна самому широкому кругу читателей, а для молодых историков в ней намечено множество тем для новых исследований. Ведь две мировые войны являют собой самый грандиозный исторический детектив, запутанные нити которого еще раскручивать и раскручивать.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода, Р.Г. Ланда,
Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 9, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.08.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 2677-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2016 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**